

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова

К 120-летию со дня рождения Анны Ахматовой

Коротко о себе

Я родилась 11(23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

«Я спросила, кто придумал ей псевдоним.

– Никто, конечно. Никто мной тогда не занимался. Я была овца без пастуха. И только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы. Это фамилия последних татарских князей из Орды. Мне потому пришлось на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: «Не срами мое имя». – «И не надо мне твоего имени!» – сказала я».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой».

В 1910 (25 апреля старого стиля) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя), была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в Taverne du Pantheon два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут большевики, а там – меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravees). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие – в акмеизм. Вместе с моими товарищами по «Первому Цеху поэтов» – Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом – я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

«Пять открытых «А» (Анна Ахматова) завораживали, и она прочно утвердилась в начале русского поэтического алфавита. Пожалуй, это была ее первая удачная строка, отлитая акустически безупречно, с «Ах», рожденным не сентиментальностью, а историей. Выбранный псевдоним красноречиво свидетельствует об интуиции и изощренном слухе семнадцатилетней девочки, на чьих документах и письмах тоже вскоре появилась подпись: Анна Ахматова».

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)
В 1912 году вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга – «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

«...Голос ее все-таки навсегда остался тем же, который зазвучал в первой книге ее стихов, вышедшей в 1912 году. Многие услышали его тогда же, распознали его единственность; трудно было ошибиться: такого тембра, таких интонаций, как раз тем и волнующих, что совсем «комнатных», разговорных, в русской поэзии еще не слышалось. Голос был женский, темы точно так же сплошь были женские или девичьи, и лиризм их был такой непосредственный, личный, что стихи эти почти могли показаться выдержками из писем или дневников. Но этим оценившие их должным образом не обманулись: удивил и восхитил их именно контраст между этой интимностью и строгой выверенностью его, не допускающей никакого «избытка чувств» и никакого многословия».

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал – книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому, в отличие от «Четок», у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году – книга «Anno Domini».

Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы – о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констанана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
«Гибель Пушкина».

С середины 20-х годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые, перепечатывать.

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» – последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зоценку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года.

Прошлой зимой, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи – побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

1965

Будка

Я родилась в один год с Чарли Чаплиным, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Ивановна ночь – 23 июня (Midsummer Night). Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем. Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю.

Когда мне было 15 лет и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», – сказала она.

1957

* * *

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет. Так и мы не знали в начале 10-х годов, что жили накануне первой европейской войны и Октябрьской революции. Увы!

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

С конца XIX века (то есть за 60 лет) меньше всего изменилась одежда и больше всего – способы передвижения. Человек (в особенности, бедно одетый) может кое-как надеть костюм и пальто 90-х годов, но выехать в шарабане вместо «Победы» или «Москвича» невозможно.

Мне было десять лет, и мы жили (одну зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской в Царском Селе). Живущий где-то поблизости гусарский офицер выезжал на своем красном и дикого вида автомобиле, проезжал квартал или два – затем машина портилась, и извозчик вез ее с позором домой. Тогда никто не верил в возможность автомобильного и тем более воздушного сообщения.

Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую «Мать», никому не пришло в голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения того времени, и нарядили их в парижские модельки 60-х, кажется, годов. Очень интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов, который играл Павла, только рукой махнул: «Ну, это вы одна помните!»

Почему я одна?

* * *

Запахи Павловского Вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый – дым от допотопного паровозика, который меня привез, – Тярлево, парк, salon de musique (который называли «соленый мужик»), второй – на третий паркет, потом что-то пахло из парикмахерской, третий – земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый – резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана. А еще призрак Настасьи Филипповны. Царское – всегда будни, потому что дома, Павловск – всегда праздник, потому что надо куда-то ехать, потому что далеко от дома. И Розовый павильон (Pavillon de roses). Я как Птишоз с его женским монастырем, в который превратился его рай, его бумажная фабрика. Херсонес (куда я всю жизнь возвращаюсь) – запретная зона. Слепнева, Царского и Павловска – нет. Страннее всего, что я почти все это знала, когда росла там[1].

Париж как-то чудом уцелел, но туда не пускают. В Фонтанный Дом тоже не пускают, а я там жила 35 лет.

Мнимая биография

Царское было зимой, Крым (дача Тура) – летом, но убедить в этом никого невозможно, потому что все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и кончила фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому, что Н. С. Гумилев написал: «Из города Киева, / из логова Змиева / Я взял не жену, а колдунью...» (1910).

А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941–1944, во время эвакуации). Одну зиму, когда кончала фундуклеевскую гимназию, и две зимы, когда была на Высших женских курсах. Но невнимание людей друг к другу не имеет предела. И читатель этой книги должен привыкать, что все было не так, не тогда и не там, как ему чудится. Страшно выговорить, но люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. Говорят «в основном» сами с собой и почти всегда отвечают себе самим, не слушая собеседника. На этом свойстве человеческой природы держится 90% чудовищных слухов, ложных репутаций, свято сбереженных сплетен. Мы до сих пор храним змеиное шипение Полешки о Пушкине!!! Несогласных со мной я только попрошу вспомнить то, что им приходилось слышать о самих себе...

Дикая девочка

Языческое детство. В окрестностях этой дачи («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес. Непосредственно отсюда античность – эллинизм) я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т. д., бросалась с лодки в открытом море, купалась во время шторма и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень. Однако в Царском Селе она делала все, что полагалось в то время благовоспитанной барышне. Умела, сложив по форме руки, сделать реверанс, учтиво и коротко ответить по-французски на вопрос старой дамы, говела на Страстной в

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru гимназической церкви. Изредка отец брал ее с собой в оперу (в гимназическом платье) в Мариинский театр (ложе). Бывала в Эрмитаже, в Музее Александра III и на картинных выставках. Весной и осенью в Павловске на музыке – Вокзал... Музеи и картинные выставки... Зимой часто на катке в парке.

В Царскосельских парках тоже античность, но совсем иная (статуи). Читала много и постоянно. Большое (по-моему) влияние (на нее) оказал тогдашний властитель дум Кнут Гамсун («Загадки и тайна»); Пан, Виктория – меньше. Другой властитель Ибсен... Училась в младших классах плохо, потом хорошо. Гимназией всегда тяготилась. В классе дружила только с Тamarой Костылевой, с которой не пришлось больше встретиться в жизни...

* * *

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой»... Кончать мне пришлось (потому что семья переехала на юг) уже не Царскосельскую гимназию, а Киевскую (Фундуклеевскую), в которой я училась всего один год. Потом я два года училась на Киевских Высших женских курсах... Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что, судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней встречи» – мое двухсотое стихотворение.

* * *

На север я вернулась в июне 1910 года. Царское после Парижа показалось мне совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но куда за пять лет провалилась моя царскосельская жизнь? Не застала там я ни одной моей соученицы по гимназии и не переступила порог ни одного царскосельского дома. Началась новая петербургская жизнь. В сентябре Н. С. Гумилев уехал в Африку. В зиму 1910/1911 годов я написала стихи, которые составили книгу «Вечер». 25 марта вернулся из Африки Гумилев, и я показала ему эти стихи...

В десятом году
Всем, в особенности за границей, хочется, чтобы меня «открыл» Вячеслав Иванов. Кто отец этой легенды – не знаю. М<о жет> б<ыть>, Пяст, который бывал на «башне» (см. «Встречи»).

А в самом деле было так: Н. С. Гумилев после нашего возвращения из Парижа (летом 1910 года) повез меня к Вяч. Иванову. Он действительно спросил меня, не пишу ли я стихи (мы были в комнате вдвоем), и я прочла: «И когда друг друга проклинали...» (1909. Киевская тетрадь) и еще что-то (кажется, «Пришли и сказали...»), и Вяч<еслав> очень равнодушно и насмешливо произнес: «Какой густой романтизм!» Я тогда до конца не поняла его иронии. Осенью Н<иколай> С<тепанович>, успев снискать вечную немилость Иванова рецензией на «Cor Ardens» (см. «Аполлон», № и письмо Иванова к Гумилеву), уехал на полг<ода> в Африку, в АддисАбебу. Вяч<еслав> встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на «понедельники» (уже не «среды»). Там я действительно несколько раз читала стихи, и он действительно их хвалил, но их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т. д.), они были приняты в «Апо<ллон>» и напеча<аны>, а тот же Иванов лицемерно посылал меня к З. Гиппиус. Александра Николаевна Чеботаревская увела меня в соседнюю комнату и сказала: «Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит». Я ответила: «А я и <не> собираюсь к ней идти». Кроме того, Вяч<еслав> Иванович очень уговаривал меня бросить Г<умилева>. Помню его слова: «Этим вы его делаете человеком». О том, как он tête-a-tête плакал над стихами, потом выводил в «салон» и там ругал довольно едко, я так часто и давно рассказываю, что скучно записывать.

Вячеслав был не великолепный и не Таврический (это он сам про себя придумал), а «ловец человеков», и лучше всех о нем написал Бердяев (Автобиография).

Н. В. Недоброво, который был на «башне» в неизменном фаворе, и Блок, которого Вяч<еслав> в глаза называл соловьем, – оба знали о нем очень много и не верили ни единому его слову.

Нынешняя молодежь, т<о> е<сть> уже настоящие потомки, читают «Cor Ardens», недоумевают и говорят: «Плохой Бальмонт».

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Каким «хотел» казаться Вячеслав Иванов, может узнать всякий, кто потрудится прочесть о нем в антологии Эйнауди, где он, кстати сказать, помещен первым (Блок – вторым).

Нас (тогдашнюю молодежь) забавляло, как этого совершенно здоровенного 44-лет<него> человека, которому предстояло прожить до 1949 года, холили седые дамы, и М. М. Замятнина сбегала с «башни», чтобы пледом укутать ноги Учителя (в апреле месяце), который ехал со мной на Мойку – в Академию. Он «играл» кого-то, кто никогда не существовал и, по-моему, не должен был существовать. Мне особенно была неприятна «игра» в «однолюба», как он любил себя именовать, потому что я жалела и любила бедную Веру.

То, что рассказывал об его семейных «забавах» Х., – ужасно. «Покойницу в доме» Кузмина не читала.

Разъяснение одного недоразумения
Теперь настает очередь Маковского. Сейчас прочла у Др<айвера> (стр. 71), что они, Маковские, почему-то стали моими конфид<ентами>, и, против воли Гумилева, Сер<гей> Конст<антинович> напечатал мои стихи в «Аполлоне» (1911). Я не позволю оскорблять трагическую тень поэта нелепой и шутовской болтовней, и да будет стыдно тем, кто напечатал этот вздор.

Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Н<иколай> С<тепанович> и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, напр<имер> танцами («Ты такая гибкая»). Осенью 1910 года Гум<илев> уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, д<ом> Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала и у мамы в Киеве, и сходила с ума от «кипарисового ларца». Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, на ходила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века! На эти бешеные и бесстыдные похвалы я довольно кокетливо отвечала: «А вот моему мужу не нравится». Это запоминали, раздували, наконец это попало в чьи-то мемуары, а через полв<ека> из этого возникла гадкая, злая сплетня, преследующая «благородную цель» изобразить Гумилева не то низким завистником, не то человеком, ничего не понимающим в поэзии. «Башня» ликовала.

25 марта 1911 года ст<арого> стиля (Благовещенье) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт – надо делать книгу». Вскоре были стихи в «Аполлоне» (1911, №4, стр.).

* * *

Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз (если я видела все контрафакционные издания). Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны, «чтобы не расстраиваться». От огорчения, что «Вечер» появился, она даже уехала в Италию (1912 год, весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: «Какие они счастливые – у них не выходит книжка».

«Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе...»
(Из книги «Вечер»)

«...Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами. Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако как беличья шкурка на небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более осязаемый укол, более сладостный яд мы чувствуем. Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет. Мы не хотим сказать, что всегда у автора вещи имеют такое особенное значение: часто они не более как сентиментальные сувениры или перенесение чувства с человека и на вещи, ему

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru принадлежащие. Мы говорим это не в упрек молодому поэту, потому что уже немало – заставить читателя и помечтать и поплакать и посердиться с собою вместе, хотя бы посредством чувствительной эмоциональности, – но особенно ценим то первое понимание острого и непонятого значения вещей, которое встречается не так часто. И нам кажется, что Анна Ахматова имеет ту повышенную чувствительность, к которой стремились члены общества обреченных на смерть.

Этим мы не хотим сказать, чтобы мысли и настроения ее всегда обращались к смерти, но интенсивность и острота их такова. Положим, она не принадлежит к поэтам особенно веселым, но всегда жалящим <...>

Вячеслав Иванов однажды высказал мысль, что у оригинальных поэтов прежде всего появляется своя манера, от которой впоследствии они отказываются для своего «лица», в свою очередь приносимого в жертву своему стилю. Из того, что в данном случае у поэта манера уже существует, легко можно заключить, что этот поэт оригинальный и что новый женский голос, отличный от других и слышимый несмотря на очевидную, как бы желаемую обладателем его, слабость тона, присоединился к общему хору русских поэтов...»

Михаил Кузмин. Из предисловия к сборнику «Вечер» А. Ахматовой
Первое возвращение

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь всё мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.
1910

«25 апреля 1910 года я вышла замуж...»

25 апр<еля> 1910 года я вышла замуж за Н. С. Гумилева и вернулась после пятилетнего отсутствия в Ц<арское> С<ело> (см. стих<отворение> «Первое возвращение»).

В отношении Н<иколая> С<тепановича> к моим стихам тоже надо, наконец, внести ясность, потому что я до сих пор встречаю в печати (зарубежной) неверные и нелепые сведения. Так, Страховский пишет, что Гумилев считал мои стихи просто «временепрепровождением жены поэта», а... [2] (в Америке же), что Г<умилев>, женившись на мне, стал учить меня писать стихи, но скоро ученица превзошла... и т. п. Все это сущий вздор! Стихи я писала с одиннадцати лет совершенно независимо от Н<иколая> С<тепановича>. Пока они были плохи, он, со свойственной ему неподкупностью и прямотой, говорил мне это. Затем случилось следующее: я прочла (в брюлловском зале Русского музея) корректуру «кипарисового ларца» (когда приезжала в Петербург в начале 1910 г.) и что-то поняла в поэзии. В сент<ябре> Н<иколай> С<тепанович> уехал на полгода в Африку, а я за это время написала то, что примерно стало моей книгой «Вечер». Я, конечно, читала эти стихи многим новым литературным знакомым. Маковский взял несколько в «Аполлон» и т. д. (см. «Аполлон», 1911 г., № 4, апрель).

В Царском Селе

I. «По аллее проводят лошадок...»

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.
Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.
Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

30 ноября 1911

Царское Село

II. «...А там мой мраморный двойник...»

...А там мой мраморный двойник,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.
И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.
1911

III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911

Царское Село

«Сжала руки под темной вуалью...»

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»

– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаюсь,

Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка

Все, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911

Киев

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!

Между кленов шепот осенний

Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,

Переменчивой, злой судьбой».

Я ответила: «Милый, милый!

И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.

Я взглянула на темный дом.

Только в спальне горели свечи

Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911

Царское Село

«Рассказывали и то, как однажды важный и торжественный Вячеслав Иванов,
прослушав короткое стихотворение юной, почти еще неизвестной поэтессы, –
стихотворение, где выделялись две строчки:

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки...

встал и в волнении воскликнул:

– Анна Андреевна, знаете ли вы, что в этой вашей «перчатке» начинается новая
страница в русской поэзии?

Если я решаюсь об этом последнем эпизоде снова напомнить, то потому, что он для
ахматовской поэзии чрезвычайно значителен. Можно спорить с Вячеславом Ивановым о
том, действительно ли с Ахматовой открылась какая-то «страница», но что, обратив
на «перчатку» внимание, он попал, как говорится, в самую точку, – в этом нет

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru никакого сомнения. О любви и любовных разочарованиях писали все. Нет абсолютно ничего нового в том, что в своем стихотворении рассказала Ахматова: женщина покидает дом возлюбленного и в растерянности спускается по лестнице. Только у другой поэтессы рассказ свелся бы к описанию или анализу «переживаний», – и, вероятно, все потонуло бы или расплылось в таких словах, как тоска, боль, грусть, сердце, рана, разлука, в тысяче других слов того же «порядка». Ахматова о чувствах молчит. Ни слова – ни о тоске, ни о сердечной ране. Она вспоминает только одну подробность – о перчатке: и сразу мы видим то, что у другого поэта только бы поняли... В этом весь секрет ахматовского стиля. Она всегда с безошибочной зоркостью находит нужный ей внешний признак, нужную подробность, которая в лаконизме своем выразительнее всяческого красноречия.

Брюсова восхитило когда-то стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...». Кто не помнит его последней строфы:

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

По существу, это та же «перчатка». Он, этот постоянный «он» ахматовских стихотворных диалогов, мог бы разразиться длинным монологом. Но он роняет одну только презрительную, усталую, механически заботливую фразу: «не стой на ветру», – и подчеркивает ею безнадежность положения с такой резкостью, которая всякое дальнейшее лирическое многословье исключает.

Можно было бы привести сотни таких примеров.

Ахматова – великий мастер по части того «стеклышка», о котором в чеховской «Чайке» говорит Тригорин, как о необходимой для описания лунной ночи мелочи. Она как будто только о мелочах и говорит. Она избегает громких или слишком поэтических слов, она любит прозаизм... Но и нервной утонченной барышне, и влюбившейся вопреки ленинизму комсомолке кажется, что эти стихи написаны о них и для них, и что более правдивых, горьких и точных слов никем не было найдено».

Георгий Адамович. «Анна Ахматова» («Последние новости», 18 января 1934)

Обман

М. А. Змунчилла

I

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910

Киев

М. А. Змунчилла – Мария Александровна Змунчилла («Наничка»), кузина Ахматовой. В 1906–1907 гг., учась в последнем классе киевской фундуклеевской гимназии, Аня Горенко жила в семье Змунчилла. «Наничка» была пылкой поклонницей поэзии Блока. В 1915 г. она вышла замуж за Андрея Андреевича Горенко, старшего брата Ахматовой. В 1920 г. в семейной жизни Андрея Андреевича и Марии Александровны произошла трагедия, о которой упоминает Л. К. Чуковская в «Записках об Анне Ахматовой»:

«Она рассказала мне о своем брате, отравившемся, когда у него от малярии умер ребенок.

– Оставил нам письмо – замечательное. О смерти ни слова. Кончалось оно так: «Целую мамыны руки, которые я помню такими прекрасными и нежными и которые теперь такие сморщенные». Жена его тоже приняла яд вместе с ним, но, когда взломали дверь и вошли в комнату, она еще дышала. Ее спасли. Она оказалась

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
беременной и родила вполне здорового ребенка».

II

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло.
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;
Сухо пахнут иммортели
В разметающейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.
Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?
Январь 1910
Киев

«Из других поэтов, примкнувших к «цеху», должно отметить Анну Ахматову. Но, говоря о ее книге, придется повторить то, что уже сказано другими: г-жа Ахматова обладает дарованием подлинным и изящным, стих ее легок, приятен для слуха. В мире явлений поэтесса любит замечать его милые мелочи и умеет говорить о них. «Я сошла с ума, о мальчик странный, в среду, в три часа». «Пруд лениво серебрится, жизнь по-новому легка; кто сегодня мне приснится в легкой сетке гамака?» Это едва ли не лучшие строки Анны Ахматовой. Во всяком случае – наиболее для нее выразительные. Писать глубокомысленные статьи «о творчестве» г-жи Ахматовой, конечно, еще преждевременно. Но мы надеемся, что в дальнейшем молодая поэтесса еще не раз заставит сочувственно говорить о себе».

Владислав Ходасевич. «Русская поэзия». 1914

«В наше время самая одаренная из русских поэтесс, Анна Ахматова, создала как раз синтез между «женской» поэзией и поэзией в точном смысле слова. Но этот синтез лишь кажущийся: Ахматова умна: сохранив тематику и многие приемы женской поэзии, она коренным образом переработала и то, и другое в духе не женской, а общечеловеческой поэтики. Там, где случайно это ей менее удавалось, образовывались у Ахматовой срывы. Этим-то срывам, кстати сказать, чаще всего подражают ее многочисленные подражательницы».

Владислав Ходасевич. ««Женские» стихи». 1931

III

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? – не жених ли,
Не жених ли это мой?..
На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.
Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны,
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.
Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.
Сентябрь 1910
Царское Село

IV

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.
Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.
Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.
Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.
Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.
Осень 1910
Царское Село
Песенка («Я на солнечном восходе...»)
Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.
Вырываю и бросаю –
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.
Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.
11 марта 1911
Царское Село

«Ахматова, пользуясь чистейшим литературным языком своего времени, применяла с исключительным упорством традиционные приемы русской, да и не только русской, а всякой вообще народной песни. В ее стихах отнюдь не психологическая изломанность, а типический параллелизм народной песни с его яркой асимметрией двух смежных тезисов, по схеме: «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Отсюда двусторчатая строфа с неожиданным выпадом в конце. Стихи ее близки к народной песне не только по структуре, но и по существу, являясь всегда, неизменно причитаниями. Принимая во внимание чисто литературный, сквозь стиснутые зубы процеженный, словарь поэта, эти качества делают ее особенно интересной, позволяя в литературной русской даме двадцатого века угадывать бабу и крестьянку».

Осип Мандельштам. «Буря и натиск». 1923
Вечерняя комната
Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.
И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous» [3].
Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевиные плащи.
Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И как во сне я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.
21 января 1911
Киев

«Ахматова стала одним из драгоценнейших наших поэтов, оставаясь поэтессой, женщиной. «Стала» тут и не совсем даже уместно: голос был у нее на редкость свой, своеобразия завоевывать ей почти не приходилось: оно было ей подарено. Есть в первой книге стихотворение («Вечерняя комната»), где хризантемы и георгины Анненского сочетаются с клавесинами, саше и севрскими статуэтками Кузмина (написавшего предисловие к этой первой книге), но ученичества в ней

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru мало, даже хризантемы и саше переложены на ахматовский голос...»

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»

Белой ночью
Ах, дверь не заперла я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь – проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.
6 февраля 1911

Царское Село

«У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель».

Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах».

Анна Ахматова. Из дневниковых записей <1959 г.>

Рыбак

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.
И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.
Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.
Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.
Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.
23 апреля 1911

«...«Рыбак», стихотворение такой четкости и такой меткости прицела в каждом своем слове, что Гумилев мог бы его напечатать в качестве манифеста той поэтики, которая точней, чем его дарованию, отвечала дарованию Ахматовой, но которой не Ахматова дала нелепое имя акмеизма».

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»

Амедео Модильяни

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, каким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) – ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцати летняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся.

В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее он всю зиму писал мне[4]. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «On communique»[5]. Часто говорил: «Il n'y a que vous pour réaliser cela»[6].

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его – очень короткой, моей – очень длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый, легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда (в 1911 году) в Impasse Falguière[7]. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Со мной он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской, в пустынном тупике был слышен звук его молоточка. Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется – от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела – уцелели ли они? – Скульптуру свою он называл *la chose*[8] – она была выставлена, кажется, у «*Indépendants*»[9] в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была не одна, а с друзьями. Во время моих больших пропаж исчезла и подаренная им мне фотография с этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (*tout le reste*) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют *Période négre*[10].

Он говорил: «*Les bijoux doivent être sauvages*»[11] (по поводу моих африканских бус) и рисовал меня в них. Водил меня смотреть *le vieux Paris derrière le Panthéon*[12] ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «*J'ai oublié qu'il y a une île au milieu*»[13]. Это он показал мне настоящий Париж.

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтом. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду, шел теплый летний дождь, около дремал *le vieux palais à l'italienne*[14], а мы в два голоса читали Верлена, которого хорошо помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я читала в какой-то американской монографии, что, вероятно, большое влияние на Модильяни оказала Беатриса Х.[15], та самая, которая называет его «*perle et roigseau*»[16]. Могу и считаю необходимым засвидетельствовать, что ровно таким же просвещенным Модильяни был уже задолго до знакомства с Беатрисой Х., т. е. в

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить.

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люксембургского сада Верлен, с оравой почитателей, из «своего кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюртуке, в цилиндре, с ленточкой «Почетного легиона», – а соседи шептались: «Анри де Ренье!»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анатоле Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просвещенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был открыт в том же году. Да, про Гюго Модильяни просто сказал: «Mais Hugo – c'est déclamatoire?»[17]

* * *

Как-то раз мы, вероятно, плохо сговорились, и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня в руках была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть – они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, за слышав его шаги в сонной тишине улицы, я подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами.

То, чем был тогда Париж, уже в начале двадцатых годов называлось «vieux Paris» или «Paris avant guerre»[18]. Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались «Au rendezvous des cochers»[19], и еще живы были мои молодые современники, вскоре погибшие на Марне и под Верденом. Все левые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пикассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда говорили «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Шехерезаду, становилась изящной традицией дягилевский Ballets Russes (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсавина, Бакст).

Мы знаем теперь, что судьба Стравинского тоже не осталась прикованной к десяткам годам, что творчество его стало высшим музыкальным выражением духа XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». 13 июня 1911 года Фокин поставил у Дягилева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в Tavern de Panthéon два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы – тут большевики, а там меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravées). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой посещали мэтра.

Католическая Церковь канонизировала Жанну д'Арк.

Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu' Anglois brâlerent A Rouen...[20]

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, глядя на статуэтки новой святой. Они были весьма сомнительного вкуса, и их начали продавать в лавочках церковной утвари.

* * *

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru «Аполлоне» 1911 года). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся.

* * *

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверно, видит все не так, как мы.

Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома – эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царскосельском доме в первые годы Революции. Уцелел тот, в котором меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...[21]

Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафорга, Малларме, Бодлера.

Данте он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз сказал: «J'ai oublié de vous dire que je suis juif»[22]. Что он родом из-под Ливорно – сказал сразу, и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть.

Говорил, что его интересовали авиаторы (по-теперешнему летчики), но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?).

В это время ранние, легкие[23] и, как всякому известно, похожие на этажерки аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей (1889) – Эйфелевой башней.

Она казалась мне похожей на гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

* * *

...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливало в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило – Чарли Чаплин. «Великий немой» (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал.

* * *

«А далеко на севере»... в России умерли Лев Толстой, Врубель, Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал:

если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней...
Три кита, на которых ныне покоится ХХ в. – Пруст, Джойс и Кафка, – еще не существовали, как мифы, хотя и были живы, как люди.

* * *

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: не знаем, не слышали[24].

Только раз Н. С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем» или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно по три года, и обоих ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия – это подмена истинного действия. «Les chants de Maldoror» [25] постоянно носил в кармане; тогда эта книга была библиографической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий, «вероятно, очень важный господин» (надо думать – из посольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не услышу... А я услышала о нем очень много...

* * *

В начале нэпа, когда я была членом правления тогдашнего Союза писателей, мы обычно заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград, Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с заграницей, и Тихонов получал много иностранных книг и журналов. Кто-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла – фотография Модильяни... Крестик... Большая статья типа некролога; из нее я узнала, что он – великий художник XX века (помнится, там его сравнивали с Боттичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски. Потом, в 30-х годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах» и знал его в Париже позже, чем я. Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе, где автор соединил его с Утрилло. С уверенностью могу сказать, что этот гибрид на Модильяни 1910 – 1911 годов совершенно не похож, а то, что сделал автор, относится к разряду запрещенных приемов.

Но и совсем недавно Модильяни стал героем достаточно пошлого французского фильма «Монпарнас, 19». Это очень горько!

Болшево, 1958 – Москва, 1964

«Впервые она оказалась за границей в двадцать один год, Тогдашние впечатления сложились через полвека в очерк «Амедео Модильяни» и сопутствующие ему заметки – ядро (вместе с «Листками из дневника») ахматовской прозы. Воспоминания о Модильяни дописывались и компоновались на моих глазах – я тогда был у нее за секретаря, – и то, что в них не попало, если и выглядело менее существенным, чем попавшее, оно привлекало к себе специальное внимание тем, почему не попало. Между прочим она вставила в текст, что Модильяни «интересовали авиаторы... но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?)». Параллельно она мне рассказала такую историю. «Мы, шестеро русских, отправились на Монмартр в какой-то дом. Место было не вполне благопристойное, темноватое: кто-то куда-то выходил что-то смотреть, кто-то приходил. Я сразу села за стол с длинной, до полу, скатертью, сняла туфли – они безумно жали ноги – и гордо на всех глядела. По левую руку от меня сидел знаменитый тогда авиатор Блерио со своим механиком. Когда мы поднялись уходить, в туфле лежала визитная карточка Блерио». В этом же роде был рассказ о том, как полковник французского генерального штаба пригласил ее в Луна-парк и провел по всем аттракционам; перед каждым непременно спрашивал у служителя: «Est-ce que ces attractions sont vraiment amusantes?» («Этот аттракцион в самом деле увлекательный?»)

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

«Подари меня горькою славой...»

(Из книги «Четки»)

«Четки» – 15 марта 1914 <года>. корректуру держал Лозинский. Гумилев, когда мы обсуждали тираж, задумчиво сказал: «А может быть, ее придется продавать в каждой мелочной лавке». Тираж 1-го изд<ания> 1100 экз<емпляров>. Разошлось меньше чем в год. Главная статья – Н. В. Недоброво. Две ругательные – С. Боброва и Тальникова. Остальные похвальные. <...>

«Все мы бражники...» – стихи скупающей капризной девочки, а не описание

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru разврата, как принято думать теперь...

Через год «Четкам» исполнится полвека. «Четки» (продолжение) книга вышла 15 марта 1914 года (ст<арого> ст<иля>), и жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 <ека> сразу попали в 20-й, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. С «Четками» это<го> не случилось...

И потом еще много раз она выплывала и из моря крови, и из полярного оледенения, и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий (Index librorum prohibitorum[26]), и представляя собою краденое добро (изд<ание> Ефрона <в> Берлин<е>, и одесская контрафакция при белых 1919 года).

Habent sua fata libelli[27].

24 июня 1963 г.

* * *

Дм<итрий> Евг<еньевич> Максимов утверждает, что «Четки» сыграли совсем особую роль в истории русской поэзии, что им было суждено стать надгробным камнем на могиле символизма. (См. также Матезеус). Он в какой-то мере повторяет то, что недавно говорили мне и Виктор Максимович Ж<ирмунский> и М. Зенкевич, один как исследователь, другой как свидетель.

* * *

«Четки», как я уже говорила, вышли 15 марта 1914 года, т<о> е<сть> вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма. С необычайным воодушев<лением> и редкостным единодушием все и вся ринулись душить новое течение. От суворинского «Нового времени» до футуристов, салоны символистов (Сологубы, Мережковские), литературные общества (так называемая физа), бывшая «башня», то есть окружение В. Иванова, и т. д. и т. д. без жалости когтили аполлоновские манифесты. Борьба с занявшими командные высоты символистами была делом безнадежным. Они владели огромным опытом литературной политики и борьбы, мы и понятия обо всем этом не имели. Дошло до того, что пришлось объявить «Гиперборей» не акмеистическим журналом. Одни заглавия антиакмеистических статей могут дать представление об общем тоне полемики («Замерзающий Парнас», «У ног африканского идола», «Без божества, без вдохновенья» и т. п.). Брюсов в влиятельной «Русской мысли» назвал Николая Степановича – «господин Гумилев», что на тогдашнем языке означало некто, находящийся вне литературы.

...Все это я говорю в связи с моими воспоминаниями о «Четках» потому, что в нескольких десятках хвалебных рецензий об этом сборнике ни разу не встречается слово «акмеизм». Это было почти бранное слово. Первое настоящее об акмеизме: «Преодолевшие символизм» Ж<ирмунского> – декабрь 1916 года <...>

Прошло полвека. Чьи-то внуки стали чьими-то дедами. Первые читатели «Четок» встречаются реже, чем зубры вне Беловежской Пуши. Все это, разумеется, в порядке вещей. Но изменилась и орфография (примеры), и счет времени (стиль новый и старый – не 15 марта, а...), название города, где вышла книга (не Петербург, а Ленинград), страны (не Россия, а СССР).

В этом месте читатель готовится (не без раздражения) узнать, что не изменились только стихи. Вот было бы славно! Однако я полагаю, что изменились и стихи, что сбывшиеся предсказания (Кузмин в предисл<овии>, Ходасевич) заставляют иначе воспринимать то или другое место, что то, что в 1914 году было оглушительно новым, от бесчисленного количества подражаний кажется обычным. Так сотый поцелуй безошибочно стирает первый.

* * *

В дни выхода «Четок» нас пригласила к себе издательница «Сев<ерных> зап<исок>» эсерка Чайкина (я была в том синем платье, в кот<ором> меня изобразил Альтман). У нее собралось видимо-невидимо гостей. Около полночи начали прощаться. Одних

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru хозяйка отпускала, других просила остаться. Потом все перешли в столовую, где был накрыт парадный стол, и мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. К. против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. К. сказал мне: «Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави».

Кто-то представил мне Степуна. Он тотчас же сказал: «Возьмите ваш бокал, обойдите стол и чокнитесь с Германом Лопатиным. Я хочу присутствовать при этом историческом моменте». Я подошла к старику и сказала: «Вы меня не знаете, но я хочу выпить за вас». Старик ответил какую-то полулюбезность-полудержность, но это уже неинтересно.

26 июня 1963 г. Ленинград

«После выхода «Четок» Анну Ахматову, «ввиду несомненного таланта поэтессы», будут призывать к расширению «узкого круга ее личные тем». Я не присоединяюсь к этому зову – дверь, по-моему, всегда должна быть меньше храмины, в которую ведет: только в этом смысле круг Ахматовой можно назвать узким. И вообще, ее признание не в расточении вширь, но в рассечении пластом, ибо ее орудия – не орудия землемера, обмеряющего землю и составляющего опись ее богатым угольям, но орудия рудокопа, врезающегося в глубь земли к жилам драгоценных руд.

Впрочем, Пушкин навсегда дал поэту закон; его, со всеми намеками на содержание строфы, в которую он входит, я и привожу здесь:

Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные.

Такой сильный поэт, как Анна Ахматова, конечно, последует завету Пушкина».

Николай Недоброво. «Анна Ахматова». 1914

«Я научилась просто, мудро жить...»

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

В «Четках» Анны Ахматовой <...> эйдологическая сторона продумана меньше всего. Поэтесса не «выдумала себя», не поставила, чтобы объединить свои переживания, в центре их какой-нибудь внешний факт, не обращается к чему-нибудь известному или понятному ей одной, и в этом ее отличие от символистов; но, с другой стороны, ее темы часто не исчерпываются пределами данного стихотворения, многое в них кажется необоснованным, потому что недосказано. Как у большинства молодых поэтов, у Анны Ахматовой часто встречаются слова: боль, тоска, смерть. Этот столь естественный и потому прекрасный юношеский пессимизм до сих пор был достоянием «проб пера» и, кажется, в стихах Ахматовой впервые получил свое место в поэзии. Я думаю, каждый удивлялся, как велика в молодости способность и охота страдать. Законы и предметы реального мира вдруг становятся на место прежних, насквозь пронизанных мечтою, в исполнение которой верил: поэт не может не видеть, что они самодовлеюще прекрасны, и не умеет осмыслить себя среди них, согласовать ритм своего духа с их ритмом. Но сила жизни и любви в нем так сильна, что он начинает любить самое свое сиротство, постигает красоту боли и смерти. Позднее, когда его духу, усталому быть все в одном и том же положении, начнет являться «нечаянная радость», он почувствует, что человек может радостно воспринять все стороны мира, и из гадкого утенка, каким он был до сих пор в своих собственных глазах, он станет лебедем, как в сказке Андерсена.

Людам, которым не суждено дойти до такого превращения, или людам, обладающим кошачьей памятью, привязывающейся ко всем пройденным этапам духа, книга Ахматовой покажется волнующей и дорогой. В ней обретает голос ряд немых до сих пор существований, – женщины влюбленные, лукавые, мечтающие и восторженные говорят, наконец, своим подлинным и в то же время художественно-убедительным языком. Та связь с миром, о которой я говорил выше и которая является уделом каждого подлинного поэта, Ахматовой почти достигнута, потому что она знает радость созерцания внешнего и умеет передавать нам эту радость».

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Николай Гумилев. «Письма о русской поэзии» («Анна Ахматова. Четки». Аполлон. 1914. № 5).

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Май 1912

Флоренция

«Здесь все то же, то же, что и прежде...»

Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме у дороги непроезжей
Надо рано ставни запирать.
Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном.
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.
Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть – большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.
И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.
И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

Май 1912

Флоренция

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметают ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.
Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.
Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912

Слепнево

«Протертый коврик под иконой...»

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.
И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.
А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

14 ноября 1912

«Все мы бражники здесь, блудницы...»

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!

На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.

Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:

Что там – изморозь иль гроза?

На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!

Не смертного ль часа жду?

А та, что сейчас танцует,

Неприменно будет в аду.

19 декабря 1912

В вагоне

«Столько просьб у любимой всегда!..»

Столько просьб у любимой всегда!

У разлюбленной просьб не бывает.

Как я рада, что нынче вода

Под бесцветным ледком замирает.

И я стану – Христос, помоги! –

На покров этот, светлый и ломкий,

А ты письма мои береги,

Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней

Ты был виден им, мудрый и смелый.

В биографии славной твоей

Разве можно оставить пробелы?

«Эти муки, жалобы и такое уж крайнее смирение – не слабость ли это духа, не простая ли сентиментальность? Конечно, нет: самое голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное, самое спокойствие в признании и болей, и слабостей, самое, наконец, изобилие поэтически претворенных мук – все это свидетельствует не о плаксивости по случаю жизненных пустяков, но открывает лирическую душу, скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную.

Огромное страдание этой совсем не так легко уязвимой души объясняется размерами ее требований, тем, что она хочет радоваться ли, страдать ли только по великим поводам. Другие люди ходят в миру, ликуют, падают, ушибаются друг о друга, но все это происходит здесь, в середине мирового круга; а вот Ахматова принадлежит к тем, которые дошли как-то до его «края» – и что бы им повернуться и пойти обратно в мир? Но нет, они бьются, мучительно и безнадежно, у замкнутой границы, и кричат, и плачут. Не понимающий их желания считает их чужаками и смеется над их пустячными стонами, не подозревая, что если бы эти самые жалкие юродивые вдруг забыли бы свою нелепую страсть и вернулись в мир, то железными стопами пошли бы они по телам его, живого мирского человека; тогда бы он узнал жестокую силу там у стенки по пустякам слезившихся капризниц и капризников».

Николай Недоброво. «Анна Ахматова»

Слишком сладко земное питье,

Слишком плотны любовные сети.

Пусть когда-нибудь имя мое

Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,

Пусть они улыбнутся лукаво...

Мне любви и покоя не дав,

Подари меня горькою славой.

1912 (?)

Вечером

Звенела музыка в саду

Таким невыразимым горем.

Свежо и остро пахли морем

На блюде устрицы во льду.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.
Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.
А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса –
Ты первый раз одна с любимым».
Март 1913

«Цветов и неживых вещей...»
Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.
Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.
1913

«Вижу выцветший флаг над таможней...»
Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

«О стихах Анны Ахматовой говорить особенно трудно, и мы не боимся признаться в этом. Отметив их очаровательную интимность, их изысканную певучесть, хрупкую тонкость их как будто небрежной формы, мы все-таки ничего не скажем о том, что составляет их обаяние. Стихи Ахматовой очень просты, немногоречивы, в них поэтесса сознательно умалчивает о многом – и едва ли не это составляет их главную прелесть.»

Их содержание всегда шире и глубже слов, в которые оно замкнуто, но происходит это никак не от бессилия покорить слово себе, а, напротив, от умения вкладывать в слова и в их сочетания нечто большее, чем то, что выражает их внешний смысл. Оттого каждое стихотворение Ахматовой, несмотря на кажущуюся недоговоренность, многозначительно и интересно».

Владислав Ходасевич. «Рецензия на книгу Анны Ахматовой «Четки»». 1914

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.
1913

Голос памяти
О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?
Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентийские сады?
Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?
Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?
Нет, я вижу стену только – и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
18 июня 1913
Слепнево

Из письма Николая Гумилева – Анне Ахматовой, 9 апреля 1913 г.:

«Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволистической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными».

«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.
Осень 1913
Слепнево

В «Вечере» еще заметны некоторые колебания (опыты стилизаций – с графами, маркизами и т. д., не воспроизведенные в «Четках»), но дальше метод становится настолько определенным, что в любой строке можно узнать автора. Это и характерно для Ахматовой как для поэта, совершающего модернизм. Мы чувствуем в ее стихах ту уверенность и законченность, которая опирается на опыт целого поколения и скрывает за собой его упорный и длительный труд.

Основа метода определилась уже в первом сборнике. Явилась та «скупость слов», к которой в 1910 году призывал Кузмин. Лаконизм стал принципом построения. Лирика потеряла как будто свойственную ее природе многословность. Все сжалось – размер стихотворений, размер фраз. Сократился даже самый объем эмоций или поводов для лирического повествования. Эта последняя черта – ограниченность и устойчивость тематического материала – особенно резко выступила в «Четках» и создала впечатление необычной интимности. Критики, привыкшие видеть в поэзии непосредственное «выражение» души поэта и воспитанные на лирике символистов с ее религиозно-философским и эмоционально-мистическим размахом, обратили внимание именно на эту особенность Ахматовой и определили ее как недостаток, как обеднение. Раздались голоса об «ограниченности диапазона творчества», об «узости поэтического кругозора» (Иванов-Разумник в «Заветах», 1914, N 5), о «духовной скудости» и о том, что «огромное большинство человеческих чувств – вне ее душевных восприятий» (Л. К. в «Северных записках», 1914, N 5). К стихам Ахматовой отнесли как к интимному дневнику – тем более что формальные особенности ее поэзии как бы оправдывали возможность такого к ней подхода. Большинство критиков не уловило реакции на символизм и обсуждало стихи Ахматовой так, как будто ни о чем другом, кроме особенностей души поэта, они не свидетельствуют. На фоне отвлеченной поэзии символистов критики восприняли стихи Ахматовой как признания, как исповедь. Это восприятие характерно, хотя и свидетельствует о примитивности критического чутья.

Действительно, перед нами – конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. От стихотворения к стихотворению – точно от дня к дню. Стихи эти связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, который каждое свое новое чувство, каждое новое событие своей жизни отмечает записью. Никаких особых тем, никаких особых отделов и циклов нет – перед нами как будто сплошная автобиография, сплошной дневник. Здесь – основная, наиболее бросающаяся в глаза разница между лирикой Ахматовой и лирикой символистов. Но она явилась результатом поэтического сдвига и свидетельствует не о душе поэта, а об особом методе.

Изменилось отношение к слову. Словесная перспектива сократилась, смысловое пространство сжалось, но заполнилось, стало насыщенным. Вместо безудержного потока слов, значение которых затемнялось и осложнялось многообразными магическими ассоциациями, мы видим осторожную, обдуманную мозаику. Речь стала

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
скупой, но интенсивной.

Борис Эйхенбаум. «Анна Ахматова: Опыт анализа». 1923

«Плотно сомкнуты губы сухие...»
Плотно сомкнуты губы сухие.
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.
И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.

Осень 1913

8 ноября 1913 года

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

Ноябрь 1913

«Настоящую нежность не спутаешь...»

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем. И она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

Декабрь 1913

Царское Село

«...Любопытно, что, когда Ахматова начинала, она была нова и ценна не своими темами, а несмотря на свои темы. Почти все ее темы были «запрещенными» у акмеистов. И тема была интересна не сама по себе, она была жива каким-то своим интонационным углом, каким-то новым углом стиха, под которым она была дана; она была обязательна почти шепотным синтаксисом, неожиданностью обычного словаря. Был новым явлением ее камерный стиль, ее по-домашнему угловатое слово; и самый стих двигался по углам комнаты – недаром слово Ахматовой органически связано с особой культурой выдвинутого метрически слова (за которой укрепилось неверное и безобразное название «паузника»). Это было совершенно естественно связано с суженным диапазоном тем, с «небольшими эмоциями», которые были как бы новой перспективой и вели Ахматову к жанру «рассказов» и «разговоров», не застывшему, не канонизованному до нее; а эти «рассказы» связывались в сборники – романы (Б. Эйхенбаум)».

Юрий Тынянов. «Промежуток». 1924

Гость

Все как раньше: в окна столовой
Бьет мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.
Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».
Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».
И глаза, глядящие тускло,
Не сводил с моего кольца.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада –
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

«В последний раз мы встретились тогда...»

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –
Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

январь 1914

«Углем наметил на левом боку...»

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу – мою тоску
В пустынную ночь опять.
Милый! не дрогнет твоя рука.
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица – моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.
Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму», –
И опустил глаза.

31 января 1914

Петербург

«Я пришла к поэту в гости...»

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.
И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!
У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.
январь 1914

Из дневника А. Блока, 7 ноября 1911 г.:

«В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу (Иванову.– Ред.). Там уже –
собрание большое. Городецкие (с Вышнеградской), – Анна Алексеевна волнуется, –
Кузмин (читал хорошие стихи, вечером пел из «Хованщины» с Каратыгиным – хороший,
какой-то стал прозрачный, кристальный), Кузьмины-Караваевы (Елизавета Юрьевна
читала стихи, черноморское побережье, свой «Понт»), Чапыгин, А. Ахматова (читала
стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше)...»

Анна Ахматова – А. А. Блоку

<6 или 7 января 1914 г. Петербург>

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спутали номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом. А я скучала без Ваших стихов.

Вы очень добрый, что надписали мне так много книг, а за стихи я Вам глубоко и навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удается мне реже всего в жизни.

Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное, и хочу для Вас радости. (Только не от него, конечно. Видите, я не умею писать, как хочу.)

Анна Ахматова
Тучков пер., 17, кв. 29
Александр Блок – А. А. Ахматовой

18 января 1914 (Санкт-Петербург)

Глубокоуважаемая

Анна Андреевна!

Мейерхольд будет редактировать журнал под названием «Любовь к трем апельсинам». Журнал будет маленький, при его студии, сотрудничают он, Соловьев, Вогак, Гнесин. Позвольте просить Вас (по поручению Мейерхольда) позволить поместить в первом номере этого журнала – Ваше стихотворение, посвященное мне, и мое, посвященное Вам. Гонорара никому не полагается. Если Вы согласны, пошлите стихотворение Мейерхольду (Площадь Мариинского театра, 2) или напишите мне два слова, я его перепишу и передам.

Простите меня, что перепутал N квартиры, я боялся к Вам звонить и передал книги дворнику.

Преданный Вам

Александр Блок.
Офицерская, 57, кв. 21, тел. 612-00.
Воспоминания об Александре Блоке
В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (т. е. только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Но я представила себе пышное петербургское ресторанный чествование, почему-то всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское и плохой французский язык, и тосты – и предпочла курсисток.

На этот вечер приехали и дамы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская, знавшая меня с детства, сказала после моего выступления: «Вот Аничка для себя добилась равноправия».

В артистической я встретила Блока.

Я спросила его, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямотушием: «Оттого, что там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски».

К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он – с упреком – в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в «Цехе поэтов», и в Обществе Ревнителей Художественного Слова, и на «Башне» Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой.
Владеть залой очень трудно – гением этого дела был Зощенко. Хорош на эстраде был
и Пастернак.

Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок
посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь...» Я стала отказываться: «Когда
я читаю «Я надела узкую юбку» – смеются». Он ответил: «Когда я читаю «И пьяницы
с глазами кроликов» – тоже смеются».

Александр Блок
Анне Ахматовой

«Красота страшна» – Вам скажут, –
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.
«Красота проста» – Вам скажут, –
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.
Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:
«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».
16 декабря 1913
Александр Блок – А. А. Ахматовой

26 Марта 1914 (Санкт-Петербург)

Многоуважаемая Анна Андреевна.

Вчера я получил Вашу книгу, только разрезал ее и отнес моей матери. А в доме у
нее – болезнь, и вообще тяжело; сегодня утром моя мать взяла книгу и читала не
отрываясь: говорит, что не только хорошие стихи, а по-человечески, по-женски –
подлинно.

Спасибо Вам. Преданный Вам

Александр Блок.

P. S. Оба раза, когда Вы звонили, меня действительно не было дома.

Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок прослушал Игоря
Северянина, вернулся в артистическую и сказал: «У него жирный адвокатский
голос».

В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги,
чтобы он их надписал. На каждой он написал просто: «Ахматовой – Блок». <...> А на
третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам
скажут...» У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но
в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы,
разумеется, никогда в волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано
испанской строфой романсеро. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого
Драматического театра весной 1921 года Блок подошел и спросил меня. «А где
испанская шаль?» Это последние слова, которые я слышала от него.

* * *

В тот единственный раз, когда я была у Блока, я между прочим упомянула, что поэт
Бенедикт Лифшиц жалуется на то, что он, Блок, «одним своим существованием мешает
ему писать стихи». Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это.
Мне мешает писать Лев Толстой».

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Летом 1914 года я была у мамы в Дарнице, под Киевом. В начале июля я поехала к себе домой, в деревню Слепнево, через Москву. В Москве сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то, у какой-то пустой платформы, паровоз тормозит, бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором неожиданно вырастает Блок. Я вскрикиваю: «Александр Александрович!» Он оглядывается и, так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока и под 9 июля 1914 года читаю: «Мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной.– Меня бес дразнит.– Анна Ахматова в почтовом поезде».

Блок записывает в другом месте, что я с Дельмас и Е. Ю. Кузьминой–Каравановой измучила его по телефону. Кажется, я могу дать по этому поводу кое-какие показания.

Я позвонила Блоку. Александр Александрович со свойственной ему прямоотой и манерой думать вслух спросил: «Вы, наверное, звоните, потому что Ариадна Владимировна Тыркова передала вам, что я сказал о вас?» Умирая от любопытства, я поехала к Ариадне Владимировне на какой-то ее приемный день и спросила, что сказал Блок. Но она была неумолима: «Аничка, я никогда не говорю одним моим гостям, что о них сказали другие».

«Записная книжка» Блока дарит мелкие подарки, извлекая из бездны забвения и возвращая даты полузабытым событиям: и снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с моим спутником с ужасом глядим на это невиданное зрелище, и у этого дня есть дата – 11 июля 1916 года, отмеченная Блоком.

И снова я уже после Революции (21 января 1919 года) встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете».

А вот мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем (5 августа 1914 года) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

А через четверть века все в том же Драматическом театре вечер памяти Блока (1946 года), и я читаю только что написанные мною стихи:

Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит –
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.
<1965>

Анна Ахматова – Н. С. Гумилеву

1

13 июля 1914. Слепнево

Милый Коля, 10-го я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама. В июльской книге «Нового слова» меня очень мило похвалил Ясинский. Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. Я написала несколько стихотворений, которых не слышал еще ни один человек, но меня это, слава Богу, пока мало огорчает. Теперь ты au courant[28] всех петербургских и литературных дел. Напиши, что слышно? Сюда пришел Жамм[29]. Только получу, с почты же отошлю тебе. Прости, что я распечатала письмо Зноски[30], чтобы большой конверт весил меньше. Я получила от Чулкова несколько слов, написанных карандашом. Ему очень плохо, и мне кажется, что мы его больше не увидим.

Вернешься ли ты в Слепнево? или с начала августа будешь в Петербурге. Напиши мне

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru обо всем поскорее. Посылаю тебе черновики моих новых стихов[31] и очень жду вестей. Целую.

Твоя Аня.

2

17 июля 1914. Слепнево

Милый Коля, мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепневе. Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно, кажется, имеет право существовать[32]. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С добрым чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valere[33]. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую!

Твоя Анна.

Левушка здоров и все умеет говорить.

* * *

XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX начался Венским конгрессом[34]. Календарные даты значения не имеют. Несомненно, символизм – явление XIX века. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми XX века и не хотели оставаться в предыдущем...

Николай Степанович моложе Блока только на семь лет, но между ними – бездна. Однако и у него еще был период символизма. Мы же – Мандельштам, Нарбут, Зенкевич и я – символизма и не нюхали.

«Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть...»
(Из книги «Белая стая»)

Белая стая

Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах, чем «Четки». Он вышел в сентябре 1917 года. Если «Четки» опоздали, «Белая стая» прилетела просто к шапочному разбору. Транспорт замирал – книгу было нельзя послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Бумага грубая – почти картон.

Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому, в отличие от «Четок», у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются, и принято считать, что «Белая стая» имела меньше успеха, чем «Четки».

Через год Михайлов («Прометей») купил у меня право на II издание. Это было в 1918 году в уже совсем голодном и полупустом Петербурге. В 1918 году вышла сокращенная контрафакция в Тифлисе, затем Блох и Алянский напечатали «Белую стая» (дополнительно в Берлине) в издательстве «Petropolis» и один Алянский в «Алконосте» (1922). Так же как «Четки», «Белая стая» заняла свое место в однотомниках («Из шести книг», 1940, «Советский писатель»); американский, 1952, издательство имени Чехова, и в зеленой книге 1961 года). Ее именем называется чешский однотомник моих стихов в переводе Марчановой с очень дельным послесловием Матезеуса. (Вышло два издания, одно еще до войны.) Никакого успеха «Белой стаи» я никогда не наблюдала.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«...Для Ахматовой настала иная пора. В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиратической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: «смиренная, одетая убого, но видом величаящая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах АХМАТОВОЙ, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России».

Осип Манделштам. «О современной поэзии». 1916

В книге «Из шести книг» остались ошметки «Бел<ой> стаи», как, впрочем, случилось и с «Четками». Пример: стих<отворение> «У меня есть улыбка...» выброшено за слово «аналой» (1913 г.). Это же, конечно, относится и к сб<орнику> 1961 г<ода>. Т<аким> о<бразом> современные читатели не знают мои стихи, ни новые, ни старые.

«О тебе вспоминаю я редко...»

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.
Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волну
Твой пронизанный солнцем покой.
Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои –
Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

9 декабря 1913 года [35]

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду –
Так твои губы нежны.
Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.
Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

Декабрь 1913

Царское Село

«В ее фотоальбоме был снимок Недоброво, сделанный в петербургском ателье в начале века. Тщательно – как будто не для фотографирования специально, а всегда – причесанный; высоко поднятая голова; чуть-чуть надменный взгляд продолговатых глаз, которые в сочетании с высокими длинными бровями и тонким носом с горбинкой делают узкое, твердых очертаний лицо «портретным»; строго одетый – словом, облик, который закрывает, а не выражает сущность, подобный «живому» изображению на крышке саркофага. Он выглядит крепким, хотя и изящным, человеком, но грудь показала мне слишком стянутой сюртуком, а может быть, просто узкой, а может быть, я обратил на это внимание, потому что знал, что через несколько лет после этой фотографии он умер от туберкулеза. Он умер в Крыму в 1919 году 35 лет. Ахматова увиделась с ним в последний раз осенью 1916 года в Бахчисарае, где кончались столько раз бежавшие им навстречу по дороге из Петербурга в Царское Село каменные верстовые столбы, теперь печально узнанные ими, –

Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой!

Ахматова говорила, что Недоброво считал себя одной из центральных фигур в картине, которая впоследствии была названа «серебряным веком», никогда в этом не сомневался, имел на это основания и соответственно себя вел. Он был уверен, что его письма будут изданы отдельными томами, и, кажется, оставлял у себя

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
черновики. Ахматова посвятила либо адресовала ему несколько замечательных
стихотворений и лирическое отступление в «Поэме без героя», кончающееся:

Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей? –
с выпавшей строфой:

Что над юностью стал мятежной,
Незабвенный мой друг и нежный –
Только раз приснившийся сон, –
Чья сияла когда-то сила,
Чья забыта навек могила,
Словно вовсе и не жил он.

«Н. В. Недоброво – царскосельская идиллия», – начала она одну заметку последних лет».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

«Тот голос, с тишиной великой споря...»
Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.
Январь 1917
Петербург

«Как ты можешь смотреть на Неву...»
Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?..
Я недаром печальной слышу
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.
1914

Петербург

«Чернеет дорога приморского сада...»
Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.
Март 1914
Петербург

«Не в лесу мы, довольно аукать...»
Не в лесу мы, довольно аукать, –
Я насмешек таких не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?
У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И глядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.
Трудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Весна 1914

Петербург

«Лаконизм и энергия выражения – основные особенности поэзии Ахматовой. Эта манера не имеет импрессионистического характера (как казалось некоторым критикам, сравнившим стихи Ахматовой с японским искусством), потому что она мотивируется не простой непосредственностью, а напряженностью эмоции. За этим лаконизмом нет никакой особой теории искусства – он знаменует собой отказ от экстенсивного метода символистов и ощущается как реформа стиля, требуемая всем движением символизма в последние перед появлением стихов Ахматовой годы.

Ахматова утвердила малую форму, сообщив ей интенсивность выражения. Образовалась своего рода литературная «частушка». Это сказалось как на величине стихотворений, так и на их строении. Господствуют три или четыре строфы – пять стрóf».

Борис Эйхенбаум. «Анна Ахматова: Опыт анализа»

Ответ

Гр. В. А. Комаровскому

Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная, страшная неделя.
Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.
А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.

Весна 1914

Царское Село

Уединение

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

6 июня 1914

Слепнево

«Подошла я к сосновому лесу...»
Подошла я к сосновому лесу.
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.
Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.
Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хвора, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».
Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном веселье,
И дивясь, и радуясь много.
Июнь – июль 1914

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Дарница – Слепнево
«Вижу, вижу лунный лук...»
Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых раkit,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.
Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?
Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?
Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?
Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

Июль 1914

Слепнево

«Бесшумно ходили по дому...»
Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.
Он сказал: «Теперь слава Богу, –
И еще задумчивей стал. –
Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.
Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».
Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.
А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.
Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».
И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба Твоего».

Июль 1914

Слепнево

«Тяжела ты, любовная память!..»
Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.
Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!
Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
18 июля 1914

Слепнево

«В первых двух строчках здесь с совершенной точностью определено отношение жизни поэта к его творчеству, «человека» к «художнику». Человек сгорает в пламени своего переживания, – в данном случае, у Ахматовой, это переживание есть любовь; оно может быть иным, но, каково бы ни было по существу, соотношение останется тем же: внутреннее сгорание – и «песня» как его результат. «Священная жертва» его – он сам. Сам над собою заносит он жертвенный нож и знает, что если ему не «гореть», то и не «петь». Свою обреченность «гореть» Ахматова, как и всякий поэт, принимает раз и навсегда. В этом отношении первый, сказавший, что поэтом нельзя «сделаться», не договорил до конца: поэтом нельзя сделаться – и нельзя перестать быть. Кто в этом огне начал гореть – сгорит до конца.

Но «петь» он может и отказаться. Потому-то Ахматова не молится: «Угаси это пламя, Господи», – а только просит:

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой...
То есть: пускай я сгорю, но – молча. <...>

Анна Ахматова – поэт, и сама она свой долг выполнит, сгорит до конца. Но суждено ли ей сознать, что пора ей переменить голос ее песни, к костру своему позвать только тех, кто готов гореть, горящих, а не охладелых, голодных вечным духовным голодом, а не пресыщенных, довольных, благополучных?

У Ахматовой, действительно, «бесславная слава», похожая на моду. Если модниц и модников прогонит она прочь от себя, то эта слава смоется забвением, воистину «осиянным». Говорю это потому, что люблю Ахматову, а поклонников ее не люблю».

Владислав Ходасевич. «Бесславная слава». 1918
Июль 1914

I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.
Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.
Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Июль 1914

II. «Можжевельника запах сладкий...»

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатики,
Вдовий плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

20 июля 1914

Слепнево

«Надо ли говорить, как вовремя пришли к читателю ее стихи; поэзия больше других искусств школа чувства, и строки, ложившиеся на душу читавшим Ахматову, закаляя их души для противостояния натиску пошлости. Сопереживание личной драме прибавляет стойкости участникам драмы истории. Не за афористическое изящество

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
тянулись люди к ее стихам; это была чисто инстинктивная реакция. Людьюми двигал инстинкт самосохранения: грохочущая поступь истории слышалась все ближе и ближе.

Ахматова услышала ее загодя: глубоко личный лиризм «Белой стаи» уже оттенил мотив, вскоре ставший с ней неразлучным, – мотив подспудного ужаса. Умение сдерживать страсти романтической натуры пригодилось, когда все затопил страх. Страх проникал в поры страсти, покуда они не образовали единый эмоциональный сплав, впервые заявивший о себе в «Белой стае». С выходом сборника русская поэзия вошла в «настоящий, не календарный двадцатый век» и устояла при столкновении».

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

Белый дом

Морозное солнце. С парада

Идут и идут войска.

Я полдню январскому рада,

И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку

И каждый силуэт.

Сквозь инея белую сетку

Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,

Стеклянное крыльцо.

Столько раз рукой помертвелой

Я держала звонок-кольцо.

Столько раз... Играйте, солдаты,

А я мой дом отыщу,

Узнаю по крыше покатою,

По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,

В чужие унес города

Или из памяти вынул

Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,

Снег летит, как вишневый цвет...

И, видно, никто не знает,

Что белого дома нет.

Июль 1914

Слепнево

«Пустых небес прозрачное стекло...»

Пустых небес прозрачное стекло,

Большой тюрьмы белесое строенье

И хода крестного торжественное пенье

Над Волховом, синеющим светло.

Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав,

Кричит и мечется среди ветвей,

А город помнит о судьбе своей:

Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

Осень 1914

Царское Село

Утешение

Там Михаил Архистратиг

Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Вестей от него не получишь больше,

Не услышишь ты про него.

В объятой пожарами, скорбной польше

Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,

Уже не будет потерь: Он

Божьего воинства новый воин,

О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться

В милом, родном дому.

Подумай, ты можешь теперь молиться

Заступнику своему.

Сентябрь 1914

Царское Село

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«Под крышей промерзшей пустого жилья...»

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
Январь 1915

Царское Село

«Сочетание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух, привыкший с понятием песни связывать некоторую душевную элементарность, если не бедность. Психологический узор в ахматовской песне так же естественен, как прожилки кленового листа:

И в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней...»

Осип Манделштам. «О современной поэзии». 1916

«Не тайны и не печали...»

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы –
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.
Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.
И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1915

Милому [36]

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.
И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь – продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.
Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.
27 февраля 1915

Царское Село

«Выбрала сама я долю...»

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.

4 мая 1915

Петербург

«Широк и желт вечерний свет...»

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.
Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь –
С моими детскими стихами.
Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
Июль 1915

Слепнево

«Из памяти твоей я выну этот день...»
Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор

беспомощно-туманный:

Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?
О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!

Стихотворения «Широк и желт вечерний свет...»; «Из памяти твоей я выну этот день...»; «Я не знаю, ты жив или умер...»; «Не хулил меня, не славил...»
обращены к Б. В. Анрепу.

«Недоброво познакомил Ахматову со своим давним и самым близким другом Борисом Анрепом. Вскоре между ними начался роман, и к весне следующего года Анреп вытеснил Недоброво из ее сердца и из стихов. Тот переживал двойную измену болезненно и навсегда разошелся с любимым и высоко ценимым до той поры другом, частыми рассказами о котором он в значительной степени подготовил случившееся. Анреп использовал каждый отпуск или командировку с фронта, чтобы увидеться в Петрограде с Ахматовой. В один из дней февральской революции он, сняв офицерские погоны, с риском для жизни прошел к ней через Неву. Он сказал ей, что уезжает в Англию, что любит «покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный и политический бред». Они простились, он уехал в Лондон». <...>

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».
4 апреля 1915

Петербург

«Я улыбаться перестала...»
Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

17 марта 1915

Царское Село

«Он сделался для Ахматовой чем-то вроде amor de tonh, трубадурской «дальней любви», вечно желанной и никогда не достижимой. К нему обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов, как до, так и после их разлуки. За границей он получил известность как художник-мозаичист, А. А. показывала фотографию – черно-белую – его многофигурной мозаики, выложенной на полу вестибюля Национальной галереи: моделью для Сострадания Анреп выбрал ее портрет. В 1965 году, после ее чествования в Оксфорде, они встретились в Париже. Вернувшись оттуда, Ахматова сказала, что Анреп во время встречи был «деревянный», кажется, у него не так давно случился удар.. Мы не поднимали друг на друга глаз – мы оба чувствовали себя убийцами».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

Стихами «Одной надеждой меньше стало, / Одною песней больше будет» Ахматова

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru подписала книгу «Вечер», подаренную Анрепу 13 февраля 1916 г., перед его отъездом в Англию.

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915. Духов день.

Петербург. Троицкий мост

«Между «гражданственными» стихами Ахматовой времен революции и войны нет психологической разницы, хотя промежуток составляет почти тридцать лет. «Молитву», например, если отвлечься от даты написания, легко связать с любым моментом новой русской истории, и безошибочный выбор названия доказывает чуткость поэта и то, что его работа историей в чем-то облегчена. История берет на себя столь много, что поэты бегут пророческих строк, предпочитая простое описание чувств и фактов».

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

«И, восхищаясь стихами Ахматовой, и прежде всего, может быть, стихами из книги «Белая стая», такими, как «Всё мне видится Павловск холмистый...» или «Перед весной бывают дни такие...», несравненными не только по предметной и психологической точности, но, и это главное, по безошибочно найденному, безукоризненно искреннему тону, признаемся, что иногда она оступалась, голос срывался, вдруг звучала фальшивая нота.

...Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар...

Можно ли не то что сказать, можно ли помыслить такое? И ради чего? «Чтобы туча над темной Россией / Стала облаком в славе лучей». «Облако в славе лучей» – что бы это значило? В 1915 году, по-видимому, это победа над кайзеровской Германией, – стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Война в русской поэзии» (1915). Есть в этой молитве что-то бесчеловечное. И тут понимаешь правоту Толстого с его стремлением положить некий предел женскому (и мужскому) своеволию.

Возможно, Лев Николаевич, не Толстой, конечно, а ее собственный сын, ей этого и не мог простить.

Необдуманное, тем более опрометчивое поэтическое слово опасно. Недаром поэт боялся, “чтоб персты, падшие на струны, / Не пробудили вновь перуны, / В которых спит судьба моя”».

Александр Кушнер. «Анна Андреевна и Анна Аркадьевна».

«Буду тихо на погосте...»

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать –
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

май 1915

Петербург

«Перед весной бывают дни такие...»

Н. Г. Чулковой

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Лето 1915

Слепнево

«Я не знаю, ты жив или умер...»
Я не знаю, ты жив или умер, –
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.
Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.
Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

Июль 1915

Слепнево

«Не хулил меня, не славил...»
Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.
И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий
За душой его придет.
Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.

12 июля 1915

Слепнево

«Нам свежесть слов и чувства простоту...»
Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

23 июня 1915

Слепнево

«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»
Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.
А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.
Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
23 июня 1915

Слепнево

«Для первого периода характерна предметность, слово, не перестроенное метафорой, но резко преображенное контекстом. Вещь в стихе остается вещью, конкретностью, но получает обобщенный, расширенный смысл. В поэзии Ахматовой это – своеобразное преломление великих открытий позднего Пушкина.

Но ни на что не променяем пышный

Гранитный город славы и беды,

Широких рек сияющие льды,

Бессолнечные, мрачные сады

И голос Музы еле слышный.

Об этом стихотворении хорошо говорил когда-то Григорий Александрович Гуковский:

– В стихах о Петербурге всегда упоминалась река – Нева. А вот Ахматова увидела в Петербурге реки, дельту. И написала: «Широких рек сияющие льды...»

Это стихотворение 1915 года. В поздних стихах Ахматовой господствуют переносные значения, слово в них становится подчеркнуто символическим. Для некоторых старых читателей Ахматовой (для меня в том числе), чей вкус воспитывался на ее первых книгах, книги эти остались особенно близкими. В них им впервые раскрылось неповторимое ахматовское видение мира с его всеобъемлющей точностью – предметной, психологической, даже точностью отвлеченных понятий».

Лидия Гинзбург. «Ахматова. Несколько страниц воспоминаний»

«Зачем притворяешься ты...»

Зачем притворяешься ты

То ветром, то камнем, то птицей?

Зачем улыбаешься ты

Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!

Пусти меня к вещим заботам...

Шатается пьяный огонь

По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке

Протяжно поет и уныло.

В жестокой и юной тоске

Ее чудотворная сила.

Июль 1915

Слепнево

«Господь немилостив к жнецам и садоводам...»

Господь немилостив к жнецам и садоводам.

Звеня, косые падают дожди

И, прежде небо отражавшим, водам

Пестрят широкие плащи.

В подводном царстве и луга, и нивы,

А струи вольные поют, поют,

На взбухших ветках лопаются сливы,

И травы легшие гниют.

И сквозь густую водяную сетку

Я вижу милое твое лицо,

Притихший парк, китайскую беседку

И дома круглое крыльцо.

Осень 1915

Царское Село

«Все мне видится Павловск холмистый...»

Н. В. Н.

Все мне видится Павловск холмистый,

Круглый луг, неживая вода,

Самый томный и самый тенистый,

Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,

Тронет тело блаженная дрожь,

Не живешь, а ликуешь и бредишь

Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий

Бродит ветер, безлюдно рад.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят,
И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

Осень 1915

Царское Село

«Как люблю, как любила глядеть я...»

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты – столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты – как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

Майский снег

пс. 6, ст. 7

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

18 мая 1916

Слепнево

«Бессмертник сух и розов. Облака...»

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.
Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.
Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

20 мая 1916

Слепнево

«Как белый камень в глубине колодца...»

Б. А. [37]

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно – веселье и оно – страданье.
Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.
Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июля 1916

Слепнево

Памяти 19 июля 1914

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.
Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.
18 июля 1916

Слепнево

«Драматически заостренный лиризм ее дарования не только допускал выход за пределы «своего», но и требовал такого выхода, требовал стихов не от своего лишь имени, требовал жизни в других и за других».

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в год один –
не она воспела войну (или пошла на войну), но в «Белой стае» мы прочли не
какие-нибудь, а вот эти стихи (1916 года), о ее начале, как и два столь же
достойные темы стихотворения, написанные на другой день после этого начала и
впервые опубликованные в том же еще 14-м году».

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...»
А! это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять –
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!
11 июля 1916

Слепнево

«Все отнято: и сила, и любовь...»
Все отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.
Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.
И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.
24 октября 1916

Севастополь

«Все обещало мне его...»
Все обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный,
И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
На ржавом чугуне ограды.
И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропею.
Октябрь 1916
Севастополь
Царскосельская статуя
Н. В. Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,
И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.
Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.
И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.
Октябрь 1916

Севастополь
«Вновь подарен мне дремотой...»
Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай –
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.
Там за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады.
И орла Екатерины
Вдруг узнали – это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.
Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла
И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой.
Октябрь 1916
Севастополь
«О, есть неповторимые слова...»
О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал – истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная и милосердье Бога.
Зима 1916

Севастополь
«Высокомерьем дух твой помрачен...»
Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша – сон
И марево – столица эта.
Ты говоришь – моя страна грешна,
А я скажу – твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, –
Все искупить и все исправить можно.
Вокруг тебя – и воды, и цветы.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Зачем же к нищей грешнице стучишься?

Я знаю, чем так тяжело болен ты:

Ты смерти ищешь и конца боишься.

1 января 1917

Слепнево

«Там тень моя осталась и тоскует...»

Там тень моя осталась и тоскует,

В той светло-синей комнате живет,

Гостей из города за полночь ждет

И образок эмалевый целует.

И в доме не совсем благополучно:

Огонь зажгут, а все-таки темно...

Не оттого ль хозяйке новой скучно,

Не оттого ль хозяин пьет вино

И слышит, как за тонкою стеною

Пришедший гость беседует со мною?

3 января 1917

Слепнево

«Да, я любила их, те сборища ночные...»

А. Л. [38]

Да, я любила их, те сборища ночные, –

На маленьком столе стаканы ледяные,

Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,

Камина красного тяжелый, зимний жар,

Веселость едкую литературной шутки

И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

5 января 1917

Слепнево

«О композиторе Артуре Лурье, с которым она сблизилась в самом начале 20-х годов

и который, тогда же уехав с Ольгой Судейкиной, «героиней» «Поэмы без героя», в

Париж, писал много лет спустя: «Мы жили вместе, втроем, на Фонтанке... Ане

сейчас 73. Я помню ее 23-летней», – Ахматова вспоминала обычно в связи с кем-то:

с Мандельштамом, с Ольгой, с «Бродячей собакой». Посмеиваясь, рассказала, что

«Артур обратился с просьбой из Америки»: не может ли она, пользуясь своим

положением, содействовать постановке в Советском Союзе его балета «Арап Петра

Великого». «Ничего умнее, чем балет о негре среди белых, он там сейчас придумать

не мог», – тогда было время расовых столкновений».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,

Смотрю взволнованно на темные палаты?

Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,

Уже судимая не по земным законам,

Я, как преступница, еще влекусь туда,

На место казни долгой и стыда.

И вижу дивный град, и слышу голос милый,

Как будто нет еще таинственной могилы,

Где день и ночь, склоняясь, в жары и холода,

Должна я ожидать последнего суда.

12 января 1917

Слепнево

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанья столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки

Все поверили, так и живут:

Ждут свиданий, боятся разлуки

И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,

И почиет на них тишина...

Я на это наткнулась случайно

и с тех пор все как будто больна.

январь 1917

Петербург

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«Мы не умеем прощаться...»

Мы не умеем прощаться, –
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинается смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.
В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего всё у нас не так?
Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.
Март 1917

Петербург

«Еще весна таинственная млела...»
Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело, –
Крестителя нерукотворный храм.
Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй,
И вот сегодня снова жаркий вечер, –
Как низко солнце стало над горой...
Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг – торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.
14 апреля 1917

Петербург

«И мнится – голос человека...»
И мнится – голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, –
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.
Лето 1917

Слепнево

«Для того ль тебя носила...»
Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.
1918

Петербург

Стихотворение «Для того ль тебя носила...» обращено к младшему брату – Виктору Андреевичу Горенко (1896–1976). В 1916 г., окончив Морской корпус, мичман Горенко был направлен в Севастополь; до 1917 г. служил на миноносце «Зоркий». Семья получила известие (не соответствовавшее действительности) о его гибели.

«Совершеннейшее стихотворение <...> Распространяться о совершенстве его совестно, из-за темы и соответствия теме, в котором совершенство и состоит; а все-таки, как мелодично и воздушно «Анатолии далекой», после чего неверная рифма, чуть дальше, ранит, в сердце бьет еще верней; и как точно: «мадеру», как еще больней для тех, кто помнит, что моряки у нас именно мадеру пили всего охотней. Так что есть тут и «звенела музыка», и устрицы или перчатка не на ту руку, но в другом объеме, в широкости, которая личной, «своей» жизни не исключает, но которую

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ахматова, 20 июля 1914 года, раз навсегда, включила в личную свою жизнь».

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»
«Под бледным небом родины моей...»
(Из книги «Подорожник»)

Марина Цветаева – Анне Ахматовой
Москва, 26-го русского апреля 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Так много нужно сказать – и так мало времени! Спасибо за очередное счастье в моей жизни – «Подорожник». Не расстаюсь, и Аля не расстается. Посылаю Вам обе книжечки, надпишите.

Не думайте, что я ищу автографов, – сколько надписанных книг я раздарила! – ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму – под подушку!

Еще просьба: если Алконост возьмет моего «Красного Коня» (посвящается Вам) – и мне нельзя будет самой держать корректуру, – сделайте это за меня, верю в Вашу точность.

Вещь совсем маленькая, это у Вас не отнимет времени.

Готовлю еще книжечку: «Современникам» – стихи Вам, Блоку и Волконскому. Всего двадцать четыре стихотворения. Среди написанных Вам есть для Вас новые.

Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас! – Если были бы журналы, какую бы я статью о Вас написала – Журналы – статью – смеюсь! – Небесный пожар!

Вы мой самый любимый поэт, я когда-то – давным-давно – лет шесть тому назад – видела Вас во сне, – Вашу будущую книгу: темно-зеленую, сафьяновую, с серебром – «Словеса злотые», – какое-то древнее колдовство, вроде молитвы (вернее – обратное!) – и – проснувшись – я знала, что Вы ее напишете.

Мне так жалко, что все это только слова – любовь – я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли.

Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть. «И шпор твоих легонький звон», – это нежнее всего, что сказано о любви.

И это внезапное – дико встающее – зрительно дикое «ярославец». – Какая Русь!

Напишу Вам о книге еще.

Как я рада им всем трем – таким беззащитным и маленьким! Четки – Белая стая – Подорожник. Какая легкая ноша – с собой! Почти что горстка пепла.

Пусть Блок (если он повезет рукопись) покажет Вам моего Красного Коня. (Красный, как на иконах). – И непременно напишите мне, – больше, чем тогда! Я ненасытна на Вашу душу и буквы.

Целую Вас нежно, моя страстнейшая мечта – поехать в Петербург. Пишите о своих ближайших судьбах, – где будете летом, и все.

Ваши оба письма ко мне и к Але – всегда со мной.

М. Ц.
«На шее мелких четок ряд...»
На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.
А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

«Ты мог бы мне сниться и реже...»
Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы,
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.

1914

«В каждых сутках есть такой...»
В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз,
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

1916

Царское Село
«Словно ангел, возмутивший воду...»
Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо [39].
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц выюжный,
Северный встревоженный февраль.

Февраль 1916

Царское Село

Адресат стихотворений «Словно ангел, возмутивший воду», «Эта встреча никем не воспета...», «По твердому гребню сугроба...», «А ты теперь тяжелый и унылый...», «Ты – отступник: за остров зеленый...», «Когда о горькой гибели моей...» – Б. В. Анреп.

«Я окошка не завесила...»
Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

5 марта 1916

Песенка [40] («Бывало, я с утра молчу...»)
Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе, и лучу,
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.
Март 1916

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«Эта встреча никем не воспета...»

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.
Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.
Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, –
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

17 мая 1916

Слепнево

«Слову на языке любви дан глас провидческий, почти Боговдохновенный, в нем слиты земная страсть и толкование Священного Писания о Боге. Любовь есть воплощение бесконечности в конечном. Обращение этой связи приводит к вере или к поэзии.

Любовная поэзия Ахматовой – это прежде всего поэзия, в ней на поверхности лежит повествовательное начало, и всем читателям предоставляется чудесная возможность расшифровать горести и печали героини на свой вкус. <...>

Уровень ее стихов делает смешными биографический и фрейдистский подход, ибо конкретный адресат размывается и служит только предлогом для авторской речи. Искусство и инстинкт продолжения рода схожи в том плане, что оба сублимируют творческую энергию, и потому равноправны. Почти навязчивый мотив ранней лирики Ахматовой – не столько возрождение любви, сколько молитвенный настрой. Написанные по разным поводам, рожденные жизнью или воображением, стихи стилистически однородны, так как любовное содержание ограничивает возможности формального поиска. То же относится к вере. <...>

Постоянное рождение новой и новой любви в стихах Ахматовой – не отражение пережитых увлечений, это тоска конечного по бесконечности. Любовь стала ее языком, кодом для общения с временем, как минимум для настройки на его волну. Язык любви был ей наиболее близок».

Иосиф Бродский «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

«И когда Ахматова обращается к Богу:

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, –
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви, –
то если начало четверостишия очевидным образом повторяет молитву Иоанна Златоуста на 11-й час дня: «Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоя», – то конец столь же очевидно противопоставляется его молитве на 10-й час ночи: «Господи, сподоби мя любить Тя от всея души моя и помышления...» В контексте стихотворения эта «великая земная любовь» сродни карамазовскому толкованию евангельских слов о грешнице, которая «возлюбила много»: «...она «возлюбила много», – кричит Федор Павлович, – а возлюбившую много и Христос простил...» «Христос не за такую любовь простил...» – вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

«Ждала его напрасно много лет...»

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих –
С улыбкой предо мной стоял жених.
А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вешнее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!
1916[41]

«По твердому гребню сугроба...»
По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.
Март 1917

«Сразу стало тихо в доме...»
Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.
Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?
Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницей песня
Умерла в груди моей.
Июль 1917

Слепнево
«О нет, я не тебя любила...»
О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.
Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно юного лица.
И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.
Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,
Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.
Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.
19 июля 1917

Слепнево
«В автографе <...> имеется посвящение «Г. Ф.». Г. Ф. – Григорий Герасимович Фейгин, приятель Ахматовой, человек, близкий к театральным кругам Петербурга. Летом 1917 г. ушел на фронт в составе «батальона смерти» и погиб этим же летом».

Михаил Кралин. Примечание к стихотворению «О нет, я не тебя любила...»
(Ахматова А. А. Собр. соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 390)

«А ты теперь тяжелый и унылый...»
А ты теперь тяжелый и унылый,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.
Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, –
Покоя, видно, не нашел в вине.
И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.
Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.
22 июля 1917

Слепнево

«Я слышу иволги всегда печальный голос...»

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.
И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.
Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

27 июля 1917

Слепнево

«Течет река неспешно по долине...»

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем, как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

Лето 1917

Слепнево

«Ты – отступник: за остров зеленый...»

Ты – отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.
Для чего ты, лихой ярославец[42],
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?
Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.
Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Июль 1917

Слепнево

«И целый день, своих пугаясь стонов...»

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.

Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Лето 1917

«Когда о горькой гибели моей...»

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.

И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Бережь свою восточную подругу.

1917

«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.

Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно,
И проклинать поцелуи мои.

1917

«Когда в тоске самоубийства...»

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От Русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее, –

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

Петербург

«И вот одна осталась я...»

И вот одна осталась я
Считать пустые дни.

О вольные мои друзья,
О лебеди мои!

И песней я не скличу вас,
Слезами не верну.

Но вечером в печальный час
В молитве помяну.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
 Настигнут смертною стрелой,
 Один из вас упал,
 И черным вороном другой,
 Меня целуя, стал.
 Но так бывает: раз в году,
 Когда растает лед,
 В Екатерининном саду
 Стою у чистых вод
 И слышу плеск широких крыл
 Над гладью голубой.
 Не знаю, кто окно раскрыл
 В темнице гробовой.
 1917. Конец года
 «Теперь никто не станет слушать песен...»
 Теперь никто не станет слушать песен.
 Предсказанные наступили дни.
 Моя последняя, мир больше не чудесен,
 Не разрывай мне сердца, не звени.
 Еще недавно ласточкой свободной
 Свершала ты свой утренний полет,
 А ныне станешь нищенкой голодной,
 Не достучишься у чужих ворот.
 1917. Конец года
 Ночью
 Стоит на небе месяц, чуть живой,
 Среди облаков струящихся и мелких,
 И у дворца угрюмый часовой
 Глядит, сердясь, на башенные стрелки.
 Идет домой неверная жена,
 Ее лицо задумчиво и строго,
 А верную в тугих объятьях сна
 Сжигает негасимая тревога.
 Что мне до них? Семь дней тому назад,
 Вздохнувши, я прости сказала миру.
 Но душно там, и я пробралась в сад
 Взглянуть на звезды и потрогать лиру.
 Осень 1918
 Москва
 «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»
 Чем хуже этот век предшествующих? Разве
 Тем, что в чаду печали и тревог
 Он к самой черной прикоснулся язве,
 Но исцелить ее не мог.
 Еще на западе земное солнце светит,
 И кровли городов в его лучах блестят,
 А здесь уж белая дома крестами метит
 И кличет воронов, и вороны летят.
 Зима 1919
 «Я познакомился с ней лишь через два года после того, как были написаны эти стихи, и бывал у нее довольно часто в 23-м и в первой половине следующего года. Она все приняла, и кресты эти, и воронов, голод, маузеры и наганы, серость новых хозяев, участь Блока, участь Гумилева, осквернение святынь, повсюду разлитую ложь. Она все приняла, как принимают беду и муку, но не склонилась ни перед чем. Оценка происшедшего и происходившего подразумевалась; не было надобности об этом и упоминать. Перед моим отъездом Анна Андреевна просила меня навести в парижской русской гимназии справки насчет условий, на которых приняли бы туда ее сына, если бы она решилась отправить его в Париж. Я справок не наводил, не очень в это предприятие верил, да и писать ей боялся, чтобы ей не повредить. Сама она никуда уезжать не собиралась. Ее решение было непреложно; никто его поколебать не мог. Пытались многие, друзья ее один за другим уезжали или готовились уехать. Часть их переходила границу тайно; они предлагали перевести и ее. Такого же рода предложения получала она и от уехавших. С улыбкой рассказывала мне об этом. Я ее уезжать не уговаривал, и не только из робости; не стал бы уговаривать, даже если был бы старше ее и связан с ней давнею большою дружбой. Я чувствовал и что она останется, и что ей нужно остаться. Почему «нужно», я, быть может, тогда и не сумел бы сказать, но смутно знал: ее поэзия этого хотела, ее не рожденные еще стихи могли родиться только из жизни, сплетенной с другими, со всеми жизнями в стране, которая, для нее, продолжала зваться Россией».

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Владимир Вейдле. «О поэтах и поэзии»

«Я спросила у кукушки...»

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей...

Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1 июня 1919

Царское Село

«Дьявол не выдал. Мне всё удалось...»

Дьявол не выдал. Мне всё удалось.

Вот и могущества явные знаки.

Вынь из груди мое сердце и брось

Самой голодной собаке.

Больше уже ни на что не гожусь,

Ни одного я не вымолвлю слова.

Нет настоящего – прошлым горжусь

И задохнулась от срама такого.

Сентябрь 1922

«Черной смерти мелькало крыло...»

(Из книги «Anno Domini»)

Что же касается третьего сборника – «Anno Domini», дело обстоит сложнее. Он вышел (II издание) в 1923 г. в Берлине («Petropolis» и «Алконост») и не был допущен на родину. Тираж, по тем временам значительный, остался за границей.

То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третью моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне (1925 год); вторая треть – статья К. Чуковского «Две России (Ахматова и Маяковский)»; третья треть – то, что я прочла на вечере «Русского совр<еменника>» (апрель 1924 <г.>) в зале Консерватории (Москва) «Новогоднюю балладу». Она была напечатана в № 1 «Русского совр<еменника>» (без заглавия), и очень дружески ко мне расположенный Замятин с неожиданным раздражением сказал мне, показывая пачку вырезок: «Вы нам весь номер испортили». (Там была еще «Лотова жена».)

Об этом выступлении в зале Консерв<атории> в Москве вспоминает Перцов («Жизнь искусства») в статье «По литературным водоразделам» (1925). Статью у меня взяли, но я помню одну фразу: «Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть...» Кроме того, там было легкое изумление по поводу того, что Ахм<атова> еще в прошлом году наполнила какими-то девушками московскую залу Консерватории.

«Она жила не собственной жизнью, а временем, воздействием времени на души людей и на ее голос – голос Анны Ахматовой. Требуя внимания к своим поздним стихам, она не отрекалась от образа истосковавшейся по любви юной женщины, но голос и дикция ушли далеко вперед в попытке сделать гул времени различимым.

В сущности, все стало другим уже в пятом и последнем сборнике – «Anno Domini МСМХХI». В отдельных стихотворениях гул вечности вбирает в себя голос автора до такой степени, что ей приходится оттачивать конкретность детали или образа, чтобы спасти их и себя вместе с ними от бесчеловечной размеренности ритма. Полное единение, вернее растворение в вечности, придет к ней позже. А пока она пыталась уберечь свои понятия о мире от всепоглощающей просодии, ибо просодии ведомо о времени больше, чем может вместить живая душа.

Незащищенность от этого знания, от памяти о раздробленном времени подняла ее на невообразимую духовную высоту, где уже невозможны прозрения, вызванные новыми сторонами действительности, новым проникновением в суть вещей. Ни одному поэту не дано преодолеть эту пропасть. Знающий о ней понижает тон и приглушает голос ради сближения с реальностью. Порой это предпринимается из чисто эстетических побуждений, чтобы уменьшить приподнятость и нарочитость, уместные на подмостках. Чаще цель такой маскировки – сохранение своей личности. Так было и у поэта строгих ритмов Анны Ахматовой».

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

«Тот август, как желтое пламя...»

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.

И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли [43]

Мы двое – воин и дева –

Студеным утром вошли.

Что случилось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?

Казался летящей птицей

На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожий

Стал город пышных смотров,

Слепило глаза прохожим

Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели

На Троицком гулком мосту,

А липы еще зеленели

В таинственном Летнем саду.

И брат мне сказал: «Настали

Для меня великие дни.

Теперь ты наши печали

И радость одна храни». [44]

Как будто ключи оставил

Хозяйке усадьбы своей,

А ветер восточный славил

Ковыли приволжских степей.

1915

Колыбельная

Далеко в лесу огромном,

Возле синих рек,

Жил с детьми в избушке темной

Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, –

Как тебя унять,

Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,

Я дурная мать.

Долетают редко вести

К нашему крыльцу,

Подарили белый крестик

Твоему отцу.

Было горе, будет горе,

Горю нет конца,

Да хранит святой Егорий

Твоего отца.

1915

Царское Село

«Почернел, искривился бревенчатый мост...»

Почернел, искривился бревенчатый мост,

И стоят лопухи в человеческий рост,

И крапивы дремучей поют леса,

Что по ним не пройдет, не блеснет коса.

Вечерами над озером слышен вздох,

И по стенам расползся корявый мох.

Я встречала там

Двадцать первый год.

Сладок был устам

Черный душный мед.

Сучья рвали мне

Платья белый шелк,

На кривой сосне

Соловей не молк.

На условный крик

Выйдет из норы,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Словно леший дик,
А нежней сестры.
На гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.

1917

Призрак

Зажженных рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Всё праздничнее, всё светлей
Снежинки, пролетая, блещут.
И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.
И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.

Зима 1919

Петроград, 1919

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.
«Все расхищено, предано, продано...»
Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, –
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Июнь 1921

Наталья Викторовна Рыкова (1897–1928) – дочь ученого-агронома В. И. Рыкова, жена Г. А. Гуковского, близкий друг Ахматовой. В 1915 г. она работала корректором в журнале Вс. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам».

«Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

А. Ахматова. «Вечер», 1912

В голодные годы Ахматова жила у Рыковых в Детском Селе. У них там был огород. В число обязанностей Натальи Викторовны входило заниматься его расчисткой – полоть лебеду.

Анна Андреевна как-то вызвалась помогать: “Только вы, Наташенька, покажите мне,
Страница 54

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru какая она, эта лебеда”».

Лидия Гинзбург. Запись 1927 г.
«Сослужу тебе верную службу...»
Сослужу тебе верную службу, –
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.
За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я как брачные ризы ношу.

Июль 1921

«На пороге белом рая...»
На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.
И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.
А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы
И слова моей любви.

Июль 1921

«А, ты думал – я тоже такая...»
А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок –
Мой заветный душистый платок.
Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом –
Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921

Царское Село

«Гуковский говорит, что:

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом... –
это – клятвы Демона... Вообще, литературная мифология 1910-х годов».

Лидия Гинзбург. Запись 1935 г.
«А Смоленская нынче именинница...»
Памяти Ал. Блока

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, –

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Александра, лебедя чистого.

Август 1921

Александр Блок умер 7 августа (25 июля ст. ст.) 1921 г. от воспаления сердечных клапанов. Был похоронен на Смоленском кладбище 10 августа (28 июля ст. ст.) – когда Церковь празднует день Смоленской иконы Божьей Матери. Поэта отпевали в церкви Воскресения Христова.

«Не бывать тебе в живых...»

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.
16 августа 1921 (вагон)

Искра паровоза

Я ехала летом 1921 года из Царского Села в Петербург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все – даже знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестерпимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла какую-то дохлую Сафо, но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные, красные, еще как бы живые, жирные искры паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», – сказал один из них про меня. Стихотворение было: «Не бывать тебе в живых...» См. дату в рукописи – 16 августа 1921 (может быть, старого стиля).

<1962>

«Страх, во тьме перебирая вещи...»

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?
В душевной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевиной черной бороною
За окном чердачным промелькнет –
И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,
Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.
Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.
25 августа 1921

В списке стихов для «Anno Domini» стихотворение датировано 25-м августа. Существует автограф с датой «27/28 августа 1921. Царское Село». Накануне, 24 августа, петроградская Губчека постановила расстрелять 61 участника «заговора» «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» – среди приговоренных был и Николай Гумилев, арестованный 3 августа. 1 сентября «Петроградская правда» опубликовала постановление и сообщила о том, что приговор приведен в исполнение.

«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»

О. А. Глебовой-Судейкиной

Пророчишь, горькая, и руки уронила,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься – о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.
Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?
27 августа 1921
Петербург – Царское Село
«Из рассказов Ахматовой
Когда Анна Андреевна жила с Ольгой Судейкиной, хозяйство их вела
восьмидесятилетняя бабка; при бабке имелась племянница. А. А. как-то сказала ей:
«Знаете, не совсем удобно, что вы каждый раз возвращаетесь в два часа ночи». –
«Ну, Анна Андреевна, – сказала племянница бабки, – вы в своем роде, и я в своем
роде...»

А бабка все огорчалась, что у хозяек нет денег: «Ольга Афанасьевна нисколько не зарабатывает. Анна Андреевна жужжала раньше, а теперь не жужжит. Распустит волосы и ходит, как олень... И первоученые от нее уходят такие печальные, такие печальные – как я им пальто подаю».

Первоучеными бабка называла начинающих поэтов, а жужжать – означало сочинять стихи.

В самом деле, Ахматова записывала стихи уже до известной степени сложившиеся, а до этого она долго ходила по комнате и бормотала (жужжала)».

Лидия Гинзбург. Запись 1933 г.
«Чугунная ограда...»
Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.
Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, Бог с тобой!
Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.
Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.
27 августа 1921
Царское Село
«О, жизнь без завтрашнего дня!..»
О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.
Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.
Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И как преступница томилась
Любовь, исполненная зла.
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами –
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.
29 августа 1921
Царское Село

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«Кое-как удалось разлучиться...»

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.
Я-то вольная. Все мне забава, –
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.
Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.
Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

29 августа 1921

Царское Село

«Пока не свалюсь под забором...»

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.
Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной, –
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,
Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно...
Ни роз, ни архангельских сил.
Затем и в беспмятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

30 августа 1921

Царское Село

Марина Цветаева – Анне Ахматовой

31-го русского августа 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей. Пишу Вам об этом, потому что знаю, что до Вас все равно дойдет – хочу, чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным – с моего ведома – Вашим другом (друг – действие!) – среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу «Кафе Поэтов».

Убитый горем – у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни (первая – весть о Сереже, о котором я ничего не знала два года. Об остальных (поэтах) не буду рассказывать – не потому, что это бы Вас огорчило: кто они, чтобы это могло Вас огорчить? – просто не хочется тупить пера.

Эти дни я – в надежде узнать о Вас – провела в кафе поэтов – что за убожества! что за ублюдки! Тут все: и гомункулусы, и автоматы, и ржущие кони, и ялтинские проводники с накрашенными губами.

Вчера было состязание: лавр – титул соревнователя в действительные члены Союза. Общих два русла: Надсон и Маяковский. Отказались бы и Надсон и Маяковский. Тут были и розы, и слезы, и пианисты, играющие в четыре ноги по клавишам мостовой... и монотонный тон кукушки (так начинается один стих!), и поэма о японской девушке, которую я любил (тема Бальмонта, исполнение Северянина) –

Это было у моря,
Где цветут анемоны...
И весь зал хором:

Где встречается редко

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Городской экипаж...

Но самое нестерпимое и безнадежное было то, что больше всего ржавшие и гикавшие
– сами такие же, – со вчерашнего состояния.

Вся разница, что они уже поняли немодность Северянина, заменили его (худшим!)
Шершеневичем.

На эстраде – Бобров, Аксенов, Арго, Грузинов. – Поэты. И – просто шантанные
номера...

Я, на блокноте, Аксену: «Господин Аксенов, ради Бога, – достоверность об
Ахматовой». (Был слух, что он видел Маяковского.) «Боюсь, что не досижу до конца
состязания».

И учащенный кивок Аксенова. Значит – жива.

Дорогая Анна Андреевна, чтобы понять этот мой вчерашний вечер, этот аксеновский
– мне – кивок, нужно было бы знать три моих предыдущих дня – несказанных.
Страшный сон: хочу проснуться – и не могу. Я ко всем подходила в упор,
вымаливала Вашу жизнь. Еще бы немножко – я бы словами сказала: «Господа,
сделайте так, чтобы Ахматова была жива!..» Утешила меня Аля: «Марина! У нее же –
сын!»

Вчера после окончания вечера просила у Боброва командировку: к Ахматовой. Вокруг
смеются. «Господа! я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно – и у меня
всегда полный зал!»

Эти три дня (без Вас) для меня Петербурга уже не существовало, – да что
Петербург... Вчерашний вечер – чудо: «Стала облаком в славе лучей».

На днях буду читать о Вас – в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам,
но не могу уступить этой чести другому! Впрочем, все, что я имею сказать, –
осанна!

Кончаю – как Аля кончает письма к отцу:

Целую и низко кланяюсь.

М. Ц.

«Пусть голоса органа снова грянут...»

Пусть голоса органа снова грянут,

Как первая весенняя гроза:

Из-за плеча твоей невесты глянут

Мои полузакрытые глаза.

Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,

Война, мятеж, опустошенный дом,

В крови невинной маленькие руки,

Седая прядь над розовым виском.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,

Верну тебе твой сладостный обет,

Но берегись твоей подруге страстной

Поведать мой неповторимый бред, –

Затем, что он пронижет жгучим ядом

Ваш благостный, ваш радостный союз...

А я иду владеть чудесным садом,

Где шелест трав и восклицанья муз.

Август 1921

Царское Село

«Тебе покорной? Ты сошел с ума!...»

Тебе покорной? Ты сошел с ума!

Покорна я одной Господней воле.

Я не хочу ни трепета, ни боли,

Мне муж – палач, а дом его – тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...

Декабрь рождался, ветры выли в поле,

И было так светло в твоей неволе,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
А за окошком сторожила тьма.
Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.
Август 1921

Царское Село

Адресат стихотворения – Владимир Казимирович Шилейко (1891–1930), специалист по шумерским клинописям, поэт, переводчик; второй муж Ахматовой (их брак продлился с 1918 г. по 1921 г.). Стихотворения из разных книг, обращенные к Шилейко («Косноязычно славивший меня...» из «Четок»; «Ты всегда таинственный и новый...», «От любви твоей загадочной...», «Проплывают льдины, звеня...» из «Подорожника»; «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..», «Третий Зачатьевский» из «Anno Domini»), в рукописи «Бега времени» объединены в цикл «Черный сон».

«О браке с Шилейкой она говорила как о мрачном недоразумении, однако без тени злопамятности, скорее весело и с признательностью к бывшему мужу, тоном, нисколько не похожим на гнев и отчаяние стихов, ему адресованных: «Это все Коля и Лозинский: «Египтянин! египтянин!..» – в два голоса. Ну, я и согласилась». Владимир Казимирович Шилейко был замечательный ассириолог и переводчик древневосточных поэтических текстов. Египетские тексты он начал расшифровывать еще четырнадцатилетним мальчиком. Сожженная драма Ахматовой «Энума элиш», представление о которой дают воссозданные ею заново в конце жизни фрагменты «Пролога», названа так по первым словам («Там вверху») древневавилонской поэмы о сотворении мира, переводившейся Шилейкой. От него же, мне казалось, и домашнее прозвище Ахматовой – Акума, хотя впоследствии я читал, что так называл ее Пунин – именем японского злого духа. Шилейко был тонким лирическим поэтом, публиковал стихи в «Гиперборее», «Аполлоне», альманахе «Тринадцать поэтов». Вот одно из его стихотворений, напечатанных в 1919 году в воронежской «Сирене»:

В ожесточенные годы
Последним звуком высоты,
Короткой песней лебединой,
Одной звездой осталась ты.
Над ядом губительного кубка,
Созвучна горестной судьбе,
Осталась ты, моя голубка, –
Да он, грустящий по тебе.

Перед революцией он был воспитателем детей графа Шереметева и рассказывал Ахматовой, как в ящике письменного стола в отведенной ему комнате, издавна предназначавшейся для учителей, обнаружил папку с надписью «Чужие стихи» и, вспомнив, что в свое время воспитателем в этой семье служил Вяземский, понял, что папка его, поскольку чужие стихи могут быть только у того, кто имеет свои. В эту комнату Шилейко привез Ахматову после того, как они прожили тяжелую осень 1918 года в Москве в 3-м Зачатьевском переулке. Это было первое вселение Ахматовой в фонтанный дом, № 34 по Фонтанке: следующее случилось через несколько лет, когда она вышла замуж за Пунина, жившего там в 4-м дворе во флигеле. С Шилейкой она жила еще в квартире в служебном корпусе Мраморного дворца: «одно окно на Суворова, другое на Марсово поле». Посмеиваясь, она рассказывала такую вещь об этом замужестве. В те времена, чтобы зарегистрировать брак, супругам достаточно было заявить о нем в домоуправлении: он считался действительным после того, как управдом делал запись в соответствующей книге. Шилейко сказал, что возьмет это на себя, и вскоре подтвердил, что все в порядке, сегодня запись сделана. «Но когда после нашего развода некто, по моей просьбе, отправился в контору уведомить управдома о расторжении брака, они не обнаружили записи ни под тем числом, которое я отчетливо помнила, ни под ближайшими, и вообще нигде». Она показала мне несколько писем Шилейки, написанных каллиграфическим почерком, в изящной манере, с очаровательными наблюдениями книжного человека, с выписками на разных языках. Письма дружеские, не супружеские, с шутливой подписью, вроде «Ваши Слоны», и нарисованным слоном. «Вот он был такой, – кивнула она головой. – Мог поглядеть на меня, после того как мы позавтракали яичницей, и произнести: «Аня, вам не идет есть цветное». Кажется, он же говорил гостям: «Аня поразительно умеет совмещать неприятное с бесполезным». Тем более неожиданным было услышать от нее, что «косноязычно славивший меня» – тоже он».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

«Широко распахнуты ворота...»
Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.
Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.
Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

15 сентября 1921

«Заплаканная осень, как вдова...»
Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег –
За это жизнь отдать не мало.

15 сентября 1921

Царское Село

Царскосельские строки
I. «Пятым действием драмы...»

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Оплаканы мертвые горько.
Со всеми врагами в мире
Душа моя ныне.

Тайная справлена тризна
И больше нечего делать.

Что же я медлю, словно
Скоро случится чудо.

Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

Осень 1921

Царское Село

II. «Все души милых на высоких звездах...»

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки...
Но и моей как будто место есть...
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

Осень 1921

Царское Село

В ахматовском двухтомнике 1990 г. М. М. Кралин впервые включил «Царскосельские строки» («Пятым действием драмы...» и «Все души милых на высоких звездах...») в раздел «Anno Domini», руководствуясь верной датировкой стихотворений и одним из авторских планов.

* * *

Царское Село в стихах Н<иколая> С<тепановича> как будто отсутствует. Он один раз дает его как фон к стихотворению «Анненский» («Последний из царскосельских

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru лебедей». Сам царскосельским лебедем быть не хочет).

Однако это не совсем так. Уже в поэмах «Пути конквистадоров» мелькают еще очень неуверенной рукой набросанные очертания царскосельских пейзажей и парковая архитектура (павильоны в виде античных храмов). Но все это не названо и как бы увидено автором во сне: не легче узнать во «дворце великанов» – просто башню-руину у Орловских ворот. Оттуда мы действительно как-то раз смотрели, как конь золотистый (кирасирский) «вставал на дыбы».

Еще царскосельское впечатление (как мне сказал Гумилев):

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.
А это где-то около Большого Каприза и на пустыню Гоби мало похоже.

Третье – в стихотворении «Озера». «Печальная девушка» – это я. Написано во время одной из наших длительных ссор. Н<иколай> С<тепанович> потом показывал мне это место. Ненюфары, конечно, желтые кувшинки, а ивы действительно были. Ц<арское> С<ело> было для Н<иколая> С<тепановича> такой унылой низменной прозой.

Две мои фотографии в царскосельск<ом> парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Н<иколай> С<тепанович> впервые сказал мне, что любит меня (февраль...).

Его решение больше не жить, если я не уеду с ним (на Пасхе 1905), вероятно, точно отражено в «Трудах и днях» – их у меня нет сейчас под рукой.

Записать Духов день в Бежецке 1918. Церковный звон, зеленый луг, юродивый («Угодника раздели!»). Н<иколай> С<тепанович> сказал: «Я сейчас почувствовал, что моя смерть не будет моим концом. Что я как-то останусь... может быть». <...>

Записала в декабре 1963

* * *

В 1924 три раза подряд видела во сне Х – 6 лет собирала «Труды и дни» и другой матер<иал>: письма, черновики, воспоминания. В общем, сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Т<ак> н<азываемые> ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись.

<Сентябрь 1965>

«Я гибель накликала милым...»
Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чужая
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.
С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руку мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты.
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.
Октябрь 1921
Петербург
Другой голос
I. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»
Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?

Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грузный ветер окаянно воет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И одна в дому оледенелом,
Белая лежишь в сиянье белом,
Славя имя горькое мое.

7 декабря 1921

Петербург

II. «В тот давний год, когда зажглась любовь...»

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первую, вином проклятья
Ты напоила друга своего.

Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

7–8 декабря 1921

«Что ты бродишь, неприкаянный...»

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?

Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,

А обидишь словом бешеным –
Станет больно самому.

Декабрь 1921

«Земной отрадой сердца не томи...»

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристраждайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

декабрь 1921

Бежецк

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед.
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И книга Благая лежит на дубовом столе
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

Клевета

И всюду клевета сопутствовала мне.

Ее ползучий шаг я слышала во сне

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я, –
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема тогда она войдет,
В моей крови ее неуголенный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятн всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.
январь 1922

Вагон Бежецк – Петербург

«Шепчет: “Я не пожалею...”»

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю, –
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».

Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.
февраль 1922

«Веет ветер лебединый...»

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.
Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?
Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.

1922

Причитание

В. А. Щеголевой [45]

Господеви поклонитесь
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил,
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим – в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна – в Кашин, уж не княжители [46],

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

24 мая 1922

Петербург

«Не с теми я, кто бросил землю...»

Не с теми я, кто бросил землю

На растерзание врагам.

Их грубой лести я не внемлю,

Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,

Как заключенный, как больной.

Темна твоя дорога, странник,

Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара

Остаток юности губя,

Мы ни единого удара

Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней

Оправдан будет каждый час...

Но в мире нет людей бесслезней,

Надменнее и проще нас.

Июль 1922

Петербург

Стихотворение вызвано известием о том, что Артур Лурье решил не возвращаться в Россию из берлинской командировки. (Впоследствии он переехал из Германии во Францию; с 1941 г. поселился в США.) Лидия Чуковская писала:

«У меня в архиве хранится копия письма Лурье к Ахматовой, помеченного 1-м января 1960 года. <...> В письме поминаются пророческие строки Ахматовой о судьбе русских эмигрантов, в частности строка «Полынью пахнет хлеб чужой» (из стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...») и строки из «Поэмы без героя» («А твоей двусмысленной славе, / Двадцать лет лежавшей в канаве...» и др.). Как бы в ответ, Лурье пишет:

«...что я могу тебе сказать о себе? Моя «слава» тоже 20 лет лежит в канаве, т. е. с тех пор как я приехал в эту страну... Здесь никому ничего не нужно и путь для иностранцев закрыт. Все это ты предвидела уже 40 лет тому назад: «Полынью пахнет хлеб чужой»... Все твои фотографии глядят на меня весь день...»» (Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой).

«Небывалая осень построила купол высокий...»

Небывалая осень построила купол высокий,

Был приказ облакам этот купол собой не темнить.

И дивились люди: проходят сентябрьские сроки,

А куда провалились студёные, влажные дни?

Изумрудною стала вода замутированных каналов,

И крапива запахла, как розы, но только сильнее.

Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,

Их запомнили все мы до конца наших дней.

Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,

Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник...

Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

«Вот и берег северного моря...»

Вот и берег северного моря,

Вот граница наших бед и слав, –

Не пойму, от счастья или горя

Плачешь ты, к моим ногам припав.

Мне не надо больше обреченных:

Пленников, заложников, рабов,

Только с милым мне и непреклонным

Буду я делить и хлеб и кров.

Осень 1922

«Ангел, три года хранивший меня...»

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.
Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.
Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помню слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.
1922
Стихотворение посвящено Н. В. Недоброву.

Третий Зачатьевский [47]
Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.
Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,
А напротив – высокий клен
Красным заревом обагрен
А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.
Покосился гнилой фонарь –
С колокольни идет звонарь...
Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,
Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.
1922

«За озером луна остановилась...»
За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.
Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли...
С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.
1922

«Как мог ты, сильный и свободный...»
Как мог ты, сильный и свободный,
Забыть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.
Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней, –
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.
Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.
1922

Предсказание
Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ничего, что росой багровою
Он изнеженный лоб освежит.

1922

«Хорошо здесь: и шелест и хруст...»

Хорошо здесь: и шелест и хруст;

С каждым утром сильнее мороз,

В белом пламени клонится куст

Ледяных ослепительных роз.

И на пышных парадных снегах

Лыжный след, словно память о том,

Что в каких-то далеких веках

Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

Зима 1922

Библейские стихи[48]

1. Рахиль

И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней,
потому что он любил ее.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.

Стада подымали горячую пыль,

Источник был камнем завален огромным.

Он камень своєю рукой отвалил

И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,

Болезнь, как открытая рана,

И он согласился за деву служить

Семь лет пастухом у Лавана.

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,

Семь лет – словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,

И жалость ему незнакома.

Он думает: каждый простится обман

Во славу Лаванова дома.

И Лию незрячую твердой рукой

Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,

Роняет прохладные росы,

И стонет Лаванова младшая дочь,

Терзая пушистые косы.

Сестру прокликает и Бога хулит,

И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:

Прозрачный источник долины,

Веселые взоры Рахилиных глаз

И голос ее голубиный:

Иаков, не ты ли меня целовал

И черной голубкой своею называл?

25 декабря ст. ст. 1921

В первой публикации («Стрелец», сб. 3, 1922) стихотворение «Рахиль» называлось
«Из Книги Бытия».

«Анна Андреевна удачно сочетает сходство и отличие от своих стихов. Ее можно узнать и вместе с тем можно одобрительно заметить: «Подумайте, она совсем не похожа на свои стихи». Впрочем, быть может, она как раз похожа на свои стихи – только не на ходячее о них представление. Ахматова – поэт сухой. Ничего нутряного, ничего непросеянного. Это у нее общеакмеистское. Особая профильтрованность сближает непохожих Ахматову, Гумилева, Мандельштама.

Гуковский[49] говорил как-то, что стихи об Иакове и Рахили (третий «Стрелец») он считает, в биографическом плане, предельно эмоциональными для Ахматовой. Эти фабульные, библейские стихи гораздо интимнее сероглазого короля и проч. Они относятся к Артуру Лурье».

Лидия Гинзбург. Запись 1927 г.

2. Лотова жена

Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

«...Характерно, что стих Ахматовой отошел постепенно от метра, органически связанного с ее словом вначале. Стихи выровнялись, исчезла угловатость; стих стал «красивее», обстоятельнее; интонации бледнее, язык выше; Библия, лежавшая на столе, бывшая аксессуаром комнаты, стала источником образов:

Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Это тема Ахматовой, ее главная тема пробует варьироваться и обновиться за счет самой Ахматовой».

Юрий Тынянов. «Промежуток». <1924>

«Зная цену звуковой инструментровке стихотворения, и звуковому повтору в частности, чему примеров в ее творчестве великое множество, она очень чутко отмечала у себя всякую произвольную, чисто случайную, мешающую повторность звуков. О том, что в знаменитой «Лотовой жене» у нее в одной из строк получилось какое-то «мычание»: «Где милому мужу детей родила» (столкновение «му – му» в конце и в начале слова), она говорила своим друзьям, но так и не знала, как это исправить».

Виталий Виленкин. «В сто первом зеркале»

Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

21 февраля 1924

З. Мелхола

Но Давида полюбила... дочь Саула, Мелхола.

Саул думал: отдам ее за него, и она будет ему сетью.

Первая книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И громко победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола – Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат;
В зеленых глазах исступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движенье.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух,
Бесстыдство мое! Унижение мое!

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него непохож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»
[1922], 1959–1961
Виталий Виленкин отслеживает изменения в «Мелхале», указывает на разницу между первоначальным замыслом и окончательным решением, обращаясь к наброскам 1959 – 1961 гг. в «Общей тетради»:

«Тут же рукой Анны Андреевны записана строка, которая могла бы показаться совсем «таинственной» и не имеющей отношения к «Мелхале»:

И вовсе не медный, и вовсе не звон...
Прямого отношения к этому стихотворению она действительно не имеет, но косвенное имеет, и мне это случайно известно из первоисточника. Как-то в разговоре по поводу своей недавней поездки к К. И. Чуковскому Анна Андреевна рассказала мне, что Корнею Ивановичу не очень понравилась (или совсем не понравилась, не помню) «Мелхола», что, по его мнению, она невольно приводит на память «Василия Шибанова» А. К. Толстого и что он даже «очень игриво» ей тут же проскандировал: «Звон медный несется, гудит над Москвой...» Судя по интонации рассказа, замечание Чуковского ее явно задело («мало ли что кому напоминает...»). Думаю, что «таинственная» строчка, во всяком случае, с этим связана.

Но гораздо более существенно другое: то, что Ахматова, по-видимому, первоначально задумывая это стихотворение как балладу с драматическим сюжетом (Мелхола спасает своего юного мужа от убийц, подосланных коварным Саулом), в процессе работы пришла к совершенно иному решению: то, что могло бы стать всего лишь экспозицией к какой-то своеобразной «маленькой трагедии», вылилось у нее в лирическое стихотворение, которое завершается внутренним монологом настоящей драматической напряженности, но с намеренно размытой, недоговоренной интонацией последней строки» (Виленкин В. Я. В сто первом зеркале).

Самый непрочитанный поэт
Заметки о Николае Гумилеве
Гумилев

1) Автограф «Русалки». (1904).

2) Отчего не сказано, что парижск<ие> «Ром<антические> цветы» посвящены мне (цитата из письма Брюсову). Это же посвящ<ение> повторено в «Жемчугах» <в>1910 г.

3) Зачем жалеть об отсутствии мемуаров врагов (Волошин, Кузмин), а не друзей (Лозинский, Зенкевич...)

4) Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени мещанку и кретинку А. А. <Гумилеву>, кот<орая> к тому же ничего не помнит не только про Н. Гумилева, но и про собственного мужа. Единственным близким человеком в доме для Н<иколая> С<тепановича> была мать. Об отце он вообще никогда не говорил (характ<ер> Степ<ана> Яковл<евича>), над Митей открыто смеялся и так же открыто презирал. Когда Митя шел на войну, любящая супруга потребовала раздела имущества Анны Ивановны (т. е. будущего наследства) и завещания в свою пользу. «Я совсем не хочу, чтобы, если Митю убьют, А. А. на мамины деньги открыла публичный дом». Больше он о ней ни слова не сказал.

5) О радостях земной любви (посвящение мне).

6) Отчего выпали все приезды Н<иколая> С<тепановича> ко мне (Киев, Севастополь, дача Шмидта, Люстдорф) из Парижа и Петербурга.

7) Отчего выпали: Таня Адамович (1914? – 1916), Лариса Рейснер (1916 – 1917), Арбенина (1920) и др.

Но этому не приходится удивляться, если этой бойкой шайке удалось изъять из биографии Н<иколая> С<тепановича> даже меня. В данном случае мне жаль [не столько] Гумилева [как человека] как поэта. Все начало его творчества оказывается парижской выдумкой («поражает безличностью» и т. д. И это всерьез цитирует якобы настоящий биограф в 1962 г.), а это стихи живые и страшные, это

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru из них вырос большой и великолепный поэт. Его страшная сжигающая любовь тех лет выдается за леконгделилевщину и биограф через полвека выдает это как факт непререкаемый. Неужели вся история литературы строится таким манером?

5)[50] в никаких цирковых программах я не участвовала (1911 – 1912), верхом не ездила (в 1912 донашивала ребенка), а когда все в Подобине или в Дубровке (летом 1913 г. Г<умилев> был в Африке) валялись на сеновале, м<ожет> б<ыть> раза два я демонстрировала свою гибкость. У Веры Ал<ексеевны Неведомской> был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирт с Н<иколаем> С<тепановичем>, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать.

Ездить верхом не умел. Конечно, в 1911–12 гг. ездить верхом не умел, но в маршевом эскадроне Улан<ского> полка осенью 1914 г. (деревня Наволоки около Новгорода) он, по-видимому, все же несколько научился это делать, так как почти всю мировую войну провел в седле, а по ночам во сне кричал: «По коням!» Очевидно, ему снились ночные тревоги, и второго Георгия получил за нечто, совершенное на коне. А когда В. А. Ч<удовский> приезжал ко мне из П<етербурга> в Ц<арское> С<ело> верхом, Коля недоумевал, зачем это ему нужно, и говорил, что у них в полку в подобн<ых> случа<ях> спрашивали: «Что ты, голубчик, моряк?»

Почему нигде и никогда не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-за границы в 1918 г., и я уже дала слово В. К. Ш<килейко> быть с ним. (Об этом я рассказывала М. А. З<енкевичу> на Серг<иевской ул.>, 7. См. в его романе 1921 г.) <...>

Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляет себе, чем был Г<умилев>; другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительственный тон; третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Ив<ано>в). Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным, и с Лермонтовым. Гумилев – поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: «На тяжелых и гулких машинах...» и еще страшнее («Орел»), «Для старцев все запретные труды...» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...»

Конечно, очень мило, что семейная легенда хочет (Le legende veut) видеть его однолюбом и рыцарем Прекрасной Дамы – Мар<ии> Ал<ександровны> Кузьминой Караваевой (дек<абрь> 1911), тем более что Н<иколай> С<тепанович> был действительно влюблен в Машу и посвятил ей весь первый отдел «Чужого неба» (это собственно стихи из Машиного альбома), но однолюбом Гумилев не был. (Когда он предложил Л. Рейснер (1916) жениться на ней, а она стала ломать руки по моему поводу, он сказал: «Я, к сожалению, ничем не могу огорчить мою жену»). В том же «Чужом небе» в следующих отделах помещены стихи, кот<орые> относятся или прямо ко мне («Из города Киева» и «Она»), и[ли] так или иначе связанные с нашими отношениями. Их много, и они очень страшные. Последним таким стихотворением были «Ямбы» (1913), в кот<ором> теперь проницательные литературоведы (Г. Струве и Оцуп) начинают узнавать меня (и только потому, что, по их мнению, запахло разрывом). А где они были, когда возникали «Ром<антические> цветы» – целиком просто посвященные мне (Париж, 1908), а в «Жемчугах» 3/4 лирики тоже относятся ко мне (ср. Еву в «Сне Адама», «Рощи пальм...»). Думается, это произошло пот<ому>, что к стихам Гумилева никто особенно внимательно не относился (всех привлекает и занимает только экзотика) и героиня казалась вымышленной. А то, что это один и тот же женский образ (возникший еще в «Пути конквистадоров», а иногда просто портрет (Анна Комнена), никому и в голову не приходило.

Кроме напечатанных стихотворений того времени существует довольно много в письмах к Брюсову стихов, где эта тема звучит с той же трагической настойчивостью.

Последний раз Гумилев вспоминает об этом в «Эзбекии» (1918) и в «Памяти» (1920?) – «Был влюблен, жег руки, чтоб волненье...», т. е. в последний год своей жизни.

* * *

1. Н<иколай> С<тепанович> говорил, что согласился бы скорее просить милостыню в стране, где нищим не подают, чем перестать писать стихи.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

2. Когда в 1916 г. я как-то выразила сожаление по поводу нашего в общем несостоявшегося брака, он сказал: «Нет – я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

3. Сейчас, как читатель видит, я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь «тот другой» («И как преступен он, суровый»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: «Мы пришли»». Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время. Но чувство именно этого порядка заставило меня в течение нескольких лет (1925–1930) заниматься собиранием и обработкой материалов по наследию Г<умиле>ва.

Этого не делали ни друзья (Лозинский), ни вдова, ни сын, когда вырос, ни так называемые ученики (Георгий Иванов). Три раза в одни сутки я видела Н<иколая> С<тепановича> во сне, и он просил меня об этом (1924. Казанская, 2). <...>

Записала в декабре 1963

* * *

9 мая <1963 г.>. День Победы

Я совершила по этой поэзии долгий и страшный путь и со светильником и в полной темноте, с уверенностью лунатика шагая по самому краю. Сама я об этом не писала ни тогда, ни потом (кроме двух стихотворений – одно даже напечатано[51]), но описанию домашних ночных страхов царск<осельского> дома посвящена одна из семи «Ленинградских элегий» – 1921 год. («В том доме было очень страшно жить...»).

Я знаю главные темы Гумилева. И главное – его тайнопись.

В последнем издании Струве отдал его на растерзание двум людям, из которых один его не понимал (Брюсов), а другой (Вяч<еслав> И<ванов>) – ненавидел.

Мне говорят, что его (Гл<еба> Струве) надо простить, потому что он ничего не знает. Я тоже многого не знаю, но в таких случаях избегаю издавать непонятный мне материал. Писать про мать сына Гумилева Ореста, ныне здравствующую (О. Н. Высотскую), что «не удалось выяснить, кто это», «считать женой Анненского жену его сына (Кривича) Наталию Владимировну, рожд<енную> фон Штейн, сообщать, что адмирал Немитц был расстрелян вскоре после Гумилева[52], и этим препятствовать выходу стихов Н<иколая> С<тепановича> на родине, жалеть, что нет воспоминаний Волошина и Кузмина, называя их друзьями, в то время как они были лютые враги, приводить впечатления 8-лет<него> Оцуца о внешности Г<умилева>, верить трем дементным старухам (А. А. Гумилевой, В. А. Неведомской, И. Одоевцевой), все забывшим, всем мощно опошляющим и еще сводящим какие-то свои темные счета, – все это едва ли достойное занятие, когда дело идет о творчестве и жизни большого поэта и человека сложного и исключительного.

* * *

5 авг<уста> 1963 г.>

Самый непрочитанный поэт (продолжение)
Невнимание критиков (и читателей) безгранично. Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шел? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти», «Шестого чувства», «Трамвая» и т<ому> п<одобных> стихотворений. Фразы вроде «Я люблю только «Огненный столп», отнесение стих<отворения> «Рабочий» к годам Революции и т. д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день.

<5 августа 1965 г.>

* * *

<Июль 1965 г.>

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru <...> И не только от несчастной любви (как мы видели выше), но и от литературных неудач и огорчений Гумилев лечился путешествиями. К сожалению, даже такие явные вещи недоступны для наших исследователей. А все-таки, когда пишешь о стихах, следует заниматься и столь элементарным их подтекстом, а не только тупо повторять, что Г<умилев> – ученик Брюсова и подражатель Леконт де Лиля и Эредиа.

Дело в том, что и поэзия и любовь были для Гумилева всегда трагедией. Оттого и «Волшебная скрипка» перерастает в «Гондлу». Оттого и бесчисленное количество любовных стихов кончается гибелью (почти все «Ром<антические> цветы»), а война была для него эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой «Илиаду».

А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбеки», цитата). И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что «золотой двери» нет. Это было страшным ударом для него (см. «Пятист<опные> ямбы»).

<...>

Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сего дня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, напр<имер>, авторам диссертаций о Гумилеве, кот<орые> до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража<нии> Леконт де Лиллю и Эредиа. И где это они видели, чтобы поэт с таким плачевным прошлым стал автором «Памяти», «Шестого чувства» и «Заблудившегося трамвая», тончайшим ценителем стихов («Письма о русской поэзии») и неизменным bestseller'ом, т<о> е<сть> его книги стоят дороже всех остальных книг, их труднее всего достать. И дело вовсе не в том, что он запрещен – мало ли кто запрещен.

По моему глубокому убеждению, Г<умилев> поэт еще не прочитанный и по какому-то странному недоразум<ению> – оставшийся автором «Капитанов» (1909 год), которых он сам, к слову сказать, ненавидел.

«Я – голос ваш, жар вашего дыханья...»

После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей литературной деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на литературные вечера. (Я встретила на Невском М. Шагинян. Она сказала: «Вот вы какая важная особа: о вас было постановление ЦК: не арестовывать, но и не печатать».)

В 1929 году после «Мы» и «Красного дерева» и я вышла из союза.

«Сборник «Anno Domini MCMXXI» был для нее последним. В течение сорока четырех лет у нее не вышло ни одной книжки. Правда, после войны два раза издавались ее стихи – перепечатанная любовная лирика, разбавленная патриотическими военными стихами и грубыми виршами, славящими приход мирных дней. Последними она надеялась помочь сыну, который все равно просидел в лагерях восемнадцать лет. Эти сборники ни в коем случае нельзя считать авторскими, их составляли чиновники государственного издательства и выпускали в свет, дабы убедить публику, главным образом иностранную, что Ахматова жива, благополучна и лояльна. <...>

Ахматову погребли заживо и бросили два камешка на курган, чтобы не спутать место. Для ее удушения сплотились разные силы, но основная роль принадлежала истории, чья главная черта – пошлость, а главное доверенное лицо – государство. К Anno MCMXXI, т. е. к 1921 году, новорожденное государство успело дотянуться и до Ахматовой, приговорив к расстрелу ее первого мужа, Николая Гумилева (не исключено, что с ведома Ленина). Исходя из первобытного принципа «око за око», власти не вправе были ждать от нее ничего, кроме жажды мести, тем более в связи с общепризнанной автобиографической тенденцией ее стихов.

По-видимому, именно такова была логика государства, приведшая к уничтожению в следующие пятнадцать лет всего ее круга, включая ближайших друзей – поэтов Владимира Нарбута и Осипа Мандельштама. Наконец, арестовали сына, Льва Гумилева, и второго мужа, искусствоведа Николая Пунина, вскоре умершего в заключении. Потом началась война».

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

«Пива светлого наварено...»

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь...
Поминать царя да барина
Станет праздничная Русь –
Крепким словом, прибауткою
За беседу хмельной;
Тот – забористою шуткою,
Этот – пьяною слезой.
И несутся речи шумные
От гульбы да от вина...
Порешили люди умные:
– Наше дело – сторона.
1921. Рождество.

Бежецк

Многим

Я – голос ваш, жар вашего дыханья,
Я – отраженье вашего лица
Напрасных крыл напрасны трепетанья, –
Ведь всё равно я с вами до конца.
Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.

«Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти даже Лескова.

Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу.

Вся эта форма, вышедшая из асимметричного параллелизма народной песни и высокого лирического прозаизма Анненского, приспособлена для переноса психологической пыльцы с одного цветка на другой».

Осип Манделъштам. «Письмо о русской поэзии». 1922

«Ахматова и Манделъштам – высокие достижения акмеизма. Как хранители традиций, они, быть может, и будут наставниками новых поэтов, но процесс этот будет совершаться не на виду. Манделъштам, столь уверенно и твердо идущий своим путем, недоступен сейчас гораздо более, чем Маяковский, к которому привыкли, которого начинают ценить в самых широких кругах. Популярность Ахматовой не знаменует собой начала новых больших движений, а свидетельствует о достигнутом ею равновесии, к которому с самого начала стремились акмеисты – равновесии между стихом и словом, между стихией ритма и стихией слова. И независимо от того, какого рода эволюция суждена в дальнейшем Ахматовой, ее поэзия уже ощущается как законченный стиль – как канон, которому можно подражать, но развивать который сейчас невозможно. История имеет свои законы, хотя и держит их в строгой тайне».

Борис Эйхенбаум. «Анна Ахматова: Опыт анализа». 1923

«Ахматова явно берет на себя ответственность за эпоху, за память умерших и славу живущих. Кто не склонен благоговеть, тому естественно раздражаться, – это дело исторического вкуса. Ахматова сидит в очень спокойной позе и смотрит на нас прищурившись, – это потому, что наша культура ей не столько непонятна, сколько не нужна. Не стоит спорить о том, нужна ли она нашей культуре, поскольку она является составной ее частью. Она для нас исторический факт, который нельзя аннулировать, – мы же, гуманитарная молодежь 20-х годов, для нее не суть исторический факт, потому что наша история началась тогда, когда ее литературная история, может быть, кончилась. В этом сила людей, сумевших сохранить при себе ореол и характер эпохи».

Лидия Гинзбург. Запись 1927 г.
И говорят – нельзя теснее слиться,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь – забытой быть.

14 сентября 1922

Новогодняя баллада

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.

Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:

«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

«Это стихотворение, послужившее своеобразным «конспектом» будущей «Поэмы без героя», нуждается в расшифровке. Лирическая героиня в одиночестве встречает новый, 1923 год («и один только пуст прибор»). Пять остальных приборов поставлены для тех, кого уже нет с ней в это время. Отчего мои пальцы словно в крови... – намек на Б. В. Анрепа (ср. «его» голос в стих. 1917 г. «Я кровь от рук твоих отмою...»). И вино, как отравы, жжет?... – тема «отравленного вина» всегда связана у Ахматовой с именем А. С. Лурье; как и Анреп, он «навсегда оставил Россию» в 1922 г. Хозяин – имеется в виду Н. С. Гумилев; Друг – Н. В. Недоброво; третий – В. Г. Князев, который «покинул свет» 5 апреля 1913 г. и стал впоследствии одним из главных персонажей «Поэмы без героя»».

Михаил Кралин. Примечание к стихотворению «Новогодняя баллада». (Ахматова А. А. Собр. соч. в 2 т. М., 1990. Т.1. С. 413.)

А друг, поглядевши в лицо мое

И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»

Но третий, не знавший ничего,

Когда он покинул свет,

Мыслям моим в ответ

Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».

1923

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

Казанская, 2

«...Как много и часто говорит она о Музе! И она сумела сделать так, что это звучит не как стилизация. «Ты ль Данту диктовала страницы Ада? – Отвечает: Я». Это придает всей ее лирике мифологическую основу – ту, которая нужна для подлинной, высокой лирики».

Борис Эйхенбаум. «Об Ахматовой». 1946.

«...не следует понимать только как стилизацию под античность ее «Музу»:

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Этот внимательный взгляд Музы так же конкретен, как все взгляды и взоры ее стихов, например, того же Блока:

Как хозяин молчаливый

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ясно смотрит на меня!

Она любила повторять, что прохожие на улице, завидев Данте, шептали друг другу:
«Вот человек, который побывал т а м». Строкою «Внимательно взглянула на меня»
описание прихода Музы выводилось из сферы воображения, так же как современники
Данте не воображали, что он был т а м, а были в этом уверены».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»
Художнику

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.
Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.
Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..
Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.
1924

«Я именем твоим не оскверняю уст...»
Я именем твоим не оскверняю уст.
Ничто греховное мой сон не посещает,
Лишь память о тебе как тот библейский куст
Семь страшных лет мне путь мой освещает.
И как приворожить меня прохожий мог,
Веселый человек с зелеными глазами,
Любимец девушек, наездник и игрок.

.....
Тому прошло семь лет. Прославленный Октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни.
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.
1925 <?>

Адресат стихотворения – Б. Анреп

Памяти Сергея Есенина
Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть.
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.
Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.
1925

«О, знала ль я, когда в одежде белой...»
О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые пальцы припадут.
О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей души последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза...
О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную Судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.
30 мая 1927

«Анна Андреевна заговорила со мной о Б., нашей студентке, которая приходила к
ней читать плохие стихи, ссылаясь, между прочим, на то, что она моя и Гуковского
ученица.

Я: «Б. говорила мне, что пишет стихи. Но она предупредила меня, что это,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
собственно, не стихи, а откровения женской души, и я, убоившись, не настаивала».

А. А. (ледяным голосом): «Да, знаете, когда в стихах дело доходит до души, то хуже этого ничего не бывает».

Анна Андреевна говорит: «Я иногда с ужасом смотрю напечатанные черновики поэтов. Напрасно думают, что это для всех годится. Черновики полностью выдерживает один Пушкин».

А. А. сказала, благосклонно улыбаясь: «В двадцатых годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: «столпничество на паркете».

Лидия Гинзбург. Записи 1929 г.
Кавказское
Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час –
Сияние неуголенных глаз
Бессмертного любовника Тамары.
Июль 1927

Кисловодск
«Если плещется лунная жуть...»
Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов [53].
1 декабря 1928

Ленинград
«Тот город, мной любимый с детства...»
Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.
Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать –
Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.
Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.
И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.
1929

Царское Село
«Анна Андреевна жаловалась Шкловскому, что сидит по целым дням одна: “Люди, которые меня не уважают, ко мне не ходят, потому что им неинтересно; а люди, которые меня уважают, не ходят из уважения, боятся обеспокоить”».

Лидия Гинзбург. Запись 1929 г.
К пятидесятилетию лит<ературной> деятельности. Лекции

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ахматова и борьба с ней

<I>

«А лебеда – за ахматовщину»

<...> в 1925 году меня совершенно перестали печатать и планомерно и последовательно начали уничтожать в текущей прессе (Лелевич в «На посту», Перцов в «Жизни искусства», Степанов в «Лен<инградской> правде» и множество других). (Роль статьи К. Чуковского «Две России»[54].) Можно представить себе, какую жизнь я вела в это время[55]. Так продолжалось до 1939 г<ода>, когда Сталин спросил обо мне на приеме по поводу награждения орденами писателей.

«Похоже, что вся Россия раскололась на Ахматовых и Маяковских. Между этими людьми тысячелетия. И одни ненавидят других.

Ахматова и Маяковский столь же враждебны друг другу, сколь враждебны эпохи, породившие их. Ахматова есть бережливая наследница всех драгоценнейших дореволюционных богатств русской словесной культуры. У нее множество предков: и Пушкин, и Боратынский, и Анненский. В ней та душевная изысканность и прелесть, которые даются человеку веками культурных традиций. А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение нынешней революционной эпохи, в нем ее верования, крики, провалы, экстазы. Предков у него никаких. Он сам предок и если чем силен, то потомками. За нею многовековое великолепное прошлое. Перед ним многовековое великолепное будущее. У нее издревле сбереженная старорусская вера в Бога. Он, как и подобает революционному барду, богохул и кошунник. Для нее высшая святость – Россия, родина, «наша земля». Он, как и подобает революционному барду, интернационалист, гражданин всей вселенной, равнодушен к «снеговой урдине», родине, а любит всю созданную нами планету, весь мир. Она – уединенная молчальница, вечно в затворе, в тиши: «Как хорошо в моем затворе тесном».

Корней Чуковский. «Ахматова и Маяковский».

Были напечатаны горсточка моих стихов в журналах Ленинграда, и тогда из<дательство> «Сов<етский> пис<атель>» получило приказание издать мои стихи. Так возник весьма просеянный сборник «Из шести книг», которому предстояло жить на свете примерно шесть недель[56]. Отдельной «Ивы» никогда не было, вопреки указаниям за рубежом.

Примечание № 3 (к статье «Ахматова и борьба с ней»)

Нормальная критика тоже прекратилась в начале 20-х годов (попытка Осинского и Коллонтай вызвали немедленный резкий отпор). На смену ей пришло нечто, может быть, даже беспрецедентное, но во всяком случае недвусмысленное. Уцелеть при такой прессе по тем временам казалось совершенно невероятным. Понемногу жизнь превратилась в непрерывное ожидание гибели. Попытаться найти какую-нибудь работу было бессмысленно, потому что после первой же статьи Перцова, Лелевича, Степанова[57] и т. д. всякая работа тут же бы рухнула. <...>

* * *

<...> в 1936-м я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, который чем-то напоминает апокалипсического Бледного коня или Черного коня из тогда еще не рожденных стихов. <...> Возврата к первой манере не может быть. Что лучше, что хуже, судить не мне. 1940 – апогей. Стихи звучат непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь, и иногда, наверно, плохие. <...>

«Привольем пахнет дикий мед...»

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водю пахнет резеда,
И яблоком – любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1934

Ленинград

Последний тост

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью, –
За ложь меня предавших уст,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и пуст,
За то, что Бог не спас.

27 июля 1934

Шереметевский Дом

«Зачем вы отравили воду...»
Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

1935

«А. А. подписала с издательством договор на «Плохо избранные стихотворения», как она говорит.

В издательстве ей, между прочим, сказали: «Поразительно. Здесь есть стихи девятьсот девятого года и двадцать восьмого – вы за это время совсем не изменились».

Она ответила: «Если бы я не изменилась с девятьсот девятого года, вы не только не заключили бы со мной договор, но не слышали бы моей фамилии».

При предварительном отборе, между прочим, не включили стихотворение со строчкой «Черных ангелов крылья остры» – очевидно, думая, что чугунные ангелы (с арки на Галерной) слетают с неба. <...>

Попытка издательства привести сборник в почти цензурный вид – неудачна. Что за принцип – много бога нельзя, а немножко сойдет? Такие стихи Ахматовой следовало бы печатать откровенно, как печатают Жуковского и даже Блока. Для живого поэта это жутко, но она все равно поняла это уже и сказала Левину: “Главное неудобство в том, что я еще не умерла, но это поправимо”».

Лидия Гинзбург. Запись 1935 г.

Борис Пастернак (Поэт)

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.
В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.
Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибором
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.
И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.
И снова жжет московская истома,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец...
За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, –
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

Ленинград

«Не прислал ли лебедя за мною...»

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? –
Он в шестнадцатом году весной
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весной
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Февраль 1936

Москва

Воронеж

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвонят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.
А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор, и все было напрасно.

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание по явились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие...
Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». <...>

О себе в Воронеже Осип говорил: «Я по природе ожидальщик. Оттого мне здесь еще труднее».

Анна Ахматова. «Листки из дневника»

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Заклинание

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать.

15 апреля 1936

Ленинград

Данте

Il mio bel san Giovanni

Dante[58]

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятие,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, –
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной..

17 августа 1936

Разлив

«От тебя я сердце скрыла...»

От тебя я сердце скрыла,

Словно бросила в Неву...

Прирученной и бескрылой

Я в дому твоём живу.

Только... ночью слышу скрипы.

Что там – в сумраках чужих?

Шереметевские липы...

Переключка домовых...

Осторожно подступает,

Как журчание воды,

К уху жарко приникает

Черный шепоток беды –

И бормочет, словно дело

Ей всю ночь возиться тут:

«Ты уют захотела,

Знаешь, где он – твой уют?»

30 октября 1936

Ночь

«Одни глядятся в ласковые взоры...»

Памяти Н. В. Н.

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью моей.
Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нея не существует время
И для нея пространства в мире нет.
И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.
А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней Подкапризовой дороге,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1936

Творчество

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936

Фонтанный Дом

Немного географии

О. М.

Не столицей европейской
С первым призом за красоту –
Душной ссылкой енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Атбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный сумрак прогнивших нар, –
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными – и тобой.

1937

«В 37–38 годах, когда мы жили в стоверстной зоне, мы раза три ездили в Ленинград, сидели с ней за пунинским столом и даже ночевали за Левиной занавеской. В последний приезд О. М. уже лег, когда она подошла к нему и села на кровать. Он прочел ей «Киевлянку». Это в тот приезд: «не столицей европейской с первым призом за красоту, страшной ссылкой енисейской, пересадкою на Читу, на Ишим, на Иргиз безводный, на прославленный Атбасар, пересадкою на город Свободный в чумный запах гниющих нар показался мне город этот этой полночью голубой – он, воспетый первым поэтом, нами грешными и тобой»... Но за динамикой нашей жизни угнаться нельзя: все перечисленные ею места ссылки к этому времени уже не казались такими страшными, потому что осваивалась Колыма с ее непревзойденным ужасом. А между тем А. А., сидя у себя в комнате, всегда была поразительно осведомленным человеком. Мне даже не удалось ей рассказать, какую воду пьют в Казахстане на полевых работах – она знала и это. Она знала все и всегда. Даже блаженным неведеньем ей нельзя было спастись от действительности».

Надежда Мандельштам. «Думая об А. А. ...» [первоначальный вариант «Второй книги»]

«Я знаю, с места не сдвинуться...»

.....
Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладкий медок попивать,
А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
1937

С армянского
Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»
1937 <?>

«Годовщину последнюю праздную...»
Годовщину последнюю праздную –
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы – той, алмазной –
Повторяется снежная ночь.
Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем – не пойму.
Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
фонари погребально горят.
В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравнивается доля,
Если в сердце веселье и страх.
И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.
9–10 июля 1939

«...более существенны для нас, при любой попытке заглянуть в «тайная тайных» ее мастерской, те случаи, когда становится очевидным момент как бы некоего поэтического озарения, когда то, что сначала еще только мерещится, диктует подходы ощупью, дразнит соблазнами, вдруг выливается в единственно нужное поэту и уже непреложное слово, в совершенно свободный от каких-либо случайностей образ.

Так, в стихотворении «Годовщину последнюю праздную...» 1938 года третья строфа первоначально звучала так:

Меж гробницами внука и деда
Заблудился и мечется сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
фонари погребально горят.
(ГПБ)

Это – средоточие трагедийного зимнего ночного ленинградского пейзажа, из которого и возникает особая лирическая острота воспоминания; это о Михайловском саде, который находится, как известно, между церковью «Спаса на крови», построенной на том месте, где был в 1881 году убит Александр II, и Инженерным замком (Михайловский дворец), где в 1801 году был задушен Павел I, – «внук и дед». Так эта строфа звучит в автографе «Черной тетради» ЦГАЛИ и в «Нечете» (ГПБ, № 72). Ахматова изменила в ней только одну строчку, в сущности, заменила только одно слово:

Заблудился взъерошенный сад.
Слово «мечется», наверно, на ее слух, перегружало образ излишней внешней динамикой. В эпитете «взъерошенный» внутренне как будто присутствует и это «метание». К тому же он совершенно неожидан при всей своей образной точности. Конечно, деталь, но существенная в поэтическом контексте».

Виталий Виленкин. «В сто первом зеркале».
«С Новым годом! С новым горем!..»
С Новым годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Над Балтийским дымным морем,
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенки минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых не видать.
январь 1940
Ива
И дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И – странно! – я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.
18 января 1940

Ленинград

«Мне ни к чему одические рати...»
Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.
21 января 1940

«– Л. Я., поедете в Детское. Литфонд хочет, чтобы я ехала в Детское.

- Они вам сейчас предлагают?
- Сейчас! Когда угодно! Они просто выживают меня отсюда. А я не знаю...
- Поезжайте непременно. Главное, вы отдохнете от всяких этих домашних забот.
- Знаете, я так мало забочусь...
- Все-таки надо каждый день печку топить.
- Печка это не забота, это развлечение. Вот еда... Но в конце концов Таня Смирнова обыкновенно что-то такое мне приносит с рынка. Я что-то ем.
- В Детском, в бывшем доме Толстого очень хорошо.
- Наконец догадались, что для отдыха человеку нужна отдельная комната.
- Об этом пока не догадались. Дело в том, что там не Дом отдыха, а...
- Да, Дом творчества. Между прочим, я почти все «Anno Domini» написала в санатории, где нас было пять в одной комнате.
- Пожалуйста, никому не рассказывайте об этом.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

– Нет, нет. Я понимаю. Это может внушить вредные мысли... Из Москвы пришло извещение – три тысячи от Литфонда.

– Давно бы так.

– Вы думаете? Знаете, я прихожу к заключению, что деньги совершенно излишняя вещь. Я лежу дома, одна, и чувствую, что деньги мне не нужны. Для них я чувствую себя слишком плохо.

– Анна Андреевна, а что с книгой?

– Моей?

– Да.

– Ничего не знаю. Шварц говорил мне, что она печатается.

– Как? Печатается! Это ведь страшно важно! Что же будет...

– Ничего не будет. Будет то, что всегда. Подержат три года, потом вернут. Просят, потом почему-то пугаются. Они каждый раз забывают, что это такое».

Лидия Гинзбург. «Разговоры с Ахматовой» (из записных книжек)

Клеопатра

Александрийские чертоги

Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,

Уже на коленях пред Августом слезы лила...

И предали слуги. Грохочут победные трубы

Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.

И входит последний плененный ее красотой,

Высокий и статный, и шепчет в смятении он:

«Тебя – как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»

Но шею лебяжьей все так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось

Ей дела на свете – еще с мужиком пошутить

И черную змейку, как будто прощальную жалость,

На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

7 февраля 1940

Фонтанный Дом

Лидия Чуковская пишет о сомнениях Ахматовой по поводу концовки этого стихотворения:

« – Вы знаете, – начала она озабоченно, – уже двое людей мне сказали, что «пошутить» – нехорошо. Как думаете вы?

– Чепуха, – сказала я. – Ведь это «Клеопатра» не ложноклассическая, а настоящая. Читали бы тогда Майкова, что ли...

– Да, да, именно Майкова. Так я им и скажу! Все забыли Шекспира. А моя «Клеопатра» очень близка к шекспировскому тексту. Я прочитаю Лозинскому, он мне скажет правду. Он отлично знает Шекспира.

– Я читала «Клеопатру» Борису Михайловичу (Эйхенбауму. – Прим. Л. Ч.) – он не возражал против «пошутить». Но он сказал такое, что я шла домой, как убитая: «последний классик». Я очень боюсь, когда так говорят...» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой.).

Маяковский в 1913 году

Я тебя в твоей не знала славе,

Помню только бурный твой рассвет,

Но, быть может, я сегодня вправу

Вспомнить день тех отдаленных лет.

Как в стихах твоих крепчали звуки,

Новые роились голоса...

Не ленились молодые руки,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Грозные ты возводил леса.
Всё, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, – разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.
3–10 марта 1940
«– Спасский без конца звонит, чтобы я написала стихи для сборника о Маяковском.

– Да, готовится сборник.

– Это было бы прекрасно – написать стихи о Маяковском. Но ведь это должно прийти. Я так не могу. Стихотворение «Маяковский в 1913 году» появилось в «Звезде» в 1940-м».

Лидия Гинзбург. «Разговоры с Ахматовой» (из записных книжек)

Про стихи Нарбута
Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это – теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это – пчелы, это донник,
Это пыль, и мрак, и зной.
Апрель 1940
Москва
Стансы
Стрелецкая луна. Замоскворечье... Ночь.
Как крестный ход, идут часы Страстной Недели...
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь.
В Кремле не надо жить – Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.
Апрель 1940
Москва
«И вот, наперекор тому...»
В лесу голосуют деревья.

Н. З.

И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза, –
Опять, по слову твоему,
Я голосую з а:
То, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди... А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.
1940

Эпиграф отсылает к строфе из стихотворения Николая Заболоцкого «Ночной сад» (1936):

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
легли внизу десятки страшных теней,
и души лип вздымали кисти рук,
все голосуя против преступлений.

«...в «Ночном саду» деревья пытались преподать урок борьбы с тиранией. Но у железного Августа были ружья и стрелки-невидимки, – в результате восторжествовало зло. Сад умолк, наполнился страшными тенями, населяющие его существа надолго заснули. Сад заставили замолчать, но души деревьев не могли смириться со злом: «...и души лип вздымали кисти рук, / все голосуя против преступлений». Однако этот молчаливый протест душ был недостаточен. Истинный путь к спасению автор ищет в чем-то ином, более масштабном. <...>

Любопытно, что советская цензура не усмотрела в стихотворении «Ночной сад» ничего крамольного, и оно дважды было опубликовано в страшном 1937 году – в журнале «Литературный современник» и во «Второй книге» Заболоцкого.

А вот А. А. Ахматова поняла его второй, а лучше сказать, основной смысл, и одну из его строк, в несколько измененном виде, сделала эпиграфом своего стихотворения о сталинских репрессиях. По воспоминаниям Лидии Чуковской, в 1940 году Ахматова попросила ее запомнить это стихотворение и затем его сожгла. Эпиграфом в нем были следующие слова: «В лесу голосуют деревья. Н. Заболоцкий» <...>».

Никита Заболоцкий. «Голосуя против преступлений»
Надпись на книге
М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, –
Мне улыбулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.
29 мая 1940
Ленинград
Фонтанный Дом
В сороковом году
1. Август 1940
То град твой, Юлиан!

Вяч. Иванов
Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, –
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже.
Как маятник, ходит луна.
Так вот – над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
5 августа 1940
Шереметевский Дом
2. Лондонцам
И сделалась война на небе.

Апок.

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пенем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, –
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!
1940

3. Тень

Что знает женщина одна о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет?
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда – ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя – красавицу тринадцатого года –
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

9 августа 1940. Вечер

4. «Уж я ль не знала бессонницы...»

Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.
Всё тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане – Дания,
Нормандия или тут
Сама я бывала ранее,
И это – переиздание
Навек забытых минут?

1940

«Война с Финляндией 1939–1940 годов наложилась на аресты и тюремные очереди предшествовавших, и посвященное зиме «финской кампании» стихотворение «С Новым Годом! С новым горем!..» звучит в реквиемной тональности:

И какой он жребий вынул
Тем, кого застенки минул?
Вышли в поле умирать.

О том же – стихотворение «Уж я ль не знала бессонницы»: по цензурным соображениям Финляндия в нем спрятана за Нормандией, но выдает себя «чужими зеркалами»:

Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.
Все тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.

«Дома опустелые» и «чужие зеркала» открыли свою финскую принадлежность, когда

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru сфокусировались в «пустых зеркалах» Финляндии позднейшего стихотворения «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», замененных другим цензурным вариантом: вместо

Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала, –
было:

И нежно и тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала, –
так же как «старый зазубренный нож» заменил собою «финский зазубренный нож». Конец стихотворения «Уж я ль не знала бессонницы...» прозрачен:

И что там в тумане – Дания,
Нормандия, или тут
Сама я бывала ранее,
И это – переиздание
Навек забытых минут?
Если Нормандия – на самом деле Финляндия, то «белые тени» – не только лыжники-пехотинцы в маскировочных халатах (самый распространенный образ той войны), а и призраки «навек забытых минут»:

Царского Села – прежде именовавшегося Сарским по своему финскому названию Саари-моис; гумилевского имения Слепнево – «тихой Корельской земли» (стихотворение «Тот август»): переселенные карелы составляли немалую часть Бежецкого уезда; Хювинкки – где она в туберкулезном санатории «гостила у смерти белой» (стихотворение «Как невеста получаю...»);

и наконец, всей культурной, символистской «Скандинавии» начала века – «тогдашний властитель дум Кнут Гамсун», «другой властитель Ибсен», как вспоминала она через много лет».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой».

«Так отлетают темные души...»
Так отлетают темные души...
– Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашел ты нечаянно, ненароком –
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? – «Сотый!»
– А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься, и вот – не рада.
Мне ничего на земле не надо,
Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:
И Троя не пала, и жив Эабани,
И всё потонуло в душистом тумане.
Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.
Что он? – то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.
Или идет священник с дарами?
А звезды на небе, а ночь над горами...
Или сзывают народ на вече? –
«Нет, это твой последний вечер!»
Осень 1940
«Не недели, не месяцы – годы...»
Не недели, не месяцы – годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств,
Несравненной моей правоты.
1940

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
«– Четвертого меня приняли. Вы ничего не слышали об этом?»

– Нет.

– Собственно, я уже была принята в Москве. Но они здесь решили устроить прием Василия Львовича, с шубами. Приехали Наташа и Лозинский в машине и повезли меня. Миша Слонимский председательствовал. Миша сказал: «Я должен сообщить присутствующим радостную новость – Анна Андреевна с сегодняшнего дня член нашего Союза». Потом Лозинский говорил речь, в которой я с ужасом услышала, что когда русский язык станет мертвым языком, то мой голос будет звучать, как сейчас голос Овидия. Там было множество народу. Все аплодировали. Я раскланивалась в глубоком ужасе.

– Это они специально для вас сделали помпу.

– Да. Потом там принимали еще троих, уже без всяких разговоров. Я так расстроилась, что, никого не дождавшись, ушла одна, в темноте. А там ждала машина. Они потом три дня звонили, дошла ли я.

1940».

Лидия Гинзбург. «Разговоры с Ахматовой» (из записных книжек).

Сонет («Совсем не тот таинственный художник...»)

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны, –
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.
Он всюду рос, им город зеленел
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,
И била жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.
18 января 1941

«Анна Андреевна внутренне напряженно занята своим писательским делом. В то же время она удивительно непрофессиональна. За всю жизнь она не приобрела даже простейшие навыки этого рода, не научилась даже читать корректуру.

Еще одна черта: ее внутренний опыт, питающий творчество, скрыт, отключен от психологической поверхности. Иначе, чем у Маяковского, Пастернака, Мандельштама, у которых устройство ума, восприятия, речи прямо переливалось в их стиховую речь.

Ахматова «научила женщин говорить», создала модель женщины 1910-х годов. Но сама она лишена таких традиционных женских свойств, как уют, домашность. Она безбытна, бездомна, не только по обстоятельствам, но и по природе. У нее выработанная театрализованная система жестов, которыми она представляет, как поэт, как явление культуры, странно сочетается с беспомощностью бытовой жестикуляции. Неловкими движениями она ставит чайник, режет колбасу. И этих домашних движений она стесняется».

Лидия Гинзбург. Из записных книжек
Ленинград в марте 1941
Cadran solaire[59] на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус – тоже не беда.
1941

«Час мужества пробил на наших часах...»
Первый дальнобойный в Ленинграде

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И в пестрой суеде людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов –
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить – по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.
Сентябрь 1941

«Птицы смерти в зените стоят...»
Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?
Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой еще, он все слышит:
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,
Как из недр его вопли: «Хлеба!» –
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.
И стоит везде на часах
И уйти не пускает страх.
28 сентября 1941

Самолет
Мужество
Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942
Ташкент

«Стихотворения военного времени в цикле «Ветер войны», которые заслужили Ахматовой официальное одобрение и официальный перевод из камерных поэтесс в поэты общественного звучания, были написаны в той же манере, что и «Реквием», точнее – в истощении этой манеры. Так, ставшее хрестоматийным стихотворение «Мужество», на которое неукоснительно и привычно ссылались всякий раз, когда приходила нужда похвалить поэтессу, противопоставить многочисленным ее винам ее патриотизм, хотя и написано во время войны и, как сказали бы раньше, «по случаю войны», выбивается из рамок темы. Ахматова опубликовала его через четверть века после крутой перемены в своей и общей судьбе и, как оказалось, за четверть века до собственной смерти. <...>

Нисколько не отменяя сиюминутного, «военного» содержания этой клятвы, стихи прочитываются и в более широком, и более узком контексте. При всей катастрофичности тогдашнего положения, при угрозе возможного порабощения врагом, разговор о запрещении, об уничтожении русского языка не шел, русская речь была вне конкретной опасности. Стихотворение говорит о мужестве, которое требовалось от поэта, чтобы противостоять уничтожению великой русской культуры новым – и до, и после войны – временем. Чтобы сохранить свободным и чистым русское слово Гумилева, легшего под пулями, повесившейся Цветаевой, сгинувшего за колючей проволокой Мандельштама и десятков других, продолжающих поминальный список. Это ответ на отчаянный выкрик друга: «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...».

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

«Поэт и гражданин. Противопоставление было создано в русской поэзии одой Рылеева «Гражданское мужество», развито Некрасовым («Поэт и Гражданин») и снято окончательно в стихотворении Ахматовой «Мужество»: «Мы знаем, что ныне лежит на весах <...> / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово». Здесь говорится о спасении русского языка, и местоимение «мы» включает в себя и бойца и поэта; мужество – их общее мужество. Эти строки Ахматовой содержали ответ на призыв Мандельштама в стихах 1931 года, по ее просьбе посвященных ей: «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» Снятие этого рокового для русской словесности контраста сам Мандельштам выводил из нравственной силы акмеизма как поэзии «совершенной мужественности» (в отличие от «вечной женственности» символизма): «Общественный пафос русской поэзии до сих пор поднимался только до «гражданина», но есть более высокое начало, чем «гражданин», – понятие «мужа». В отличие от старой гражданской поэзии, новая русская поэзия должна воспитывать не только граждан, но и «мужа». Идеал совершенной мужественности подготовлен стилем и практическими требованиями нашей эпохи»».

Омри Ронен. «Акмеизм»

Памяти Вали

1. «Щели в саду вырыты...»

Щели в саду вырыты,

Не горят огни.

Питерские сироты,

Детоньки мои!

Под землей не дышится,

Боль сверлит висок,

Сквозь бомбежку слышится

Детский голосок.

2. «Постучись кулачком – я открою...»

Постучись кулачком – я открою.

Я тебе открывала всегда.

Я теперь за высокой горою,

За пустыней, за ветром и зноем,

Но тебя не предаю никогда...

Твоего я не слышала стона,

Хлеба ты у меня не просил.

Принеси же мне ветку клена

Или просто травинку зеленых,

Как ты прошлой весной приносил.

Принеси же мне горсточку чистой,

Нашей невской студеной воды,

И с головки твоей золотистой

Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942

Ташкент

Стихотворения посвящены памяти Вали Смирнова, погибшего во время бомбардировки Ленинграда. Лидия Чуковская пишет о мальчиках Смирновых, Вале и маленьком Вова, «которого почему-то называли Шакаликом», – соседях Ахматовой по квартире в Фонтанном Доме:

«А. А. их очень любила.

Когда во время войны, в эвакуации, в Ташкенте, до Анны Андреевны дошли слухи, будто один из них – Вова – умер, она посвятила его памяти стихотворение «Постучись кулачком – я открою...» (На самом деле умер от голода не Вова, а Валя)» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой).

NOX

Статуя «Ночь» в Летнем саду

Ноченька!

В звездном покрывале,

В траурных маках, с бессонной совой...

Доченька!

Как мы тебя укрывали

Свежей садовой землей.

Пусты теперь Дионисовы чаши,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Заплаканы взоры Любви...

Это проходят над городом нашим

Страшные сестры твои.

30 мая 1942

Ташкент

In memoriam

А вы, мои друзья последнего призыва!

Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.

Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,

А крикнуть на весь мир все ваши имена.

Да что там имена! – захопываю святцы;

И на колени все! – багровый хлынул свет,

Рядами стройными проходят ленинградцы,

Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

Август 1942

Дюрмень

«Важно с девочками простились...»

Важно с девочками простились,

На ходу целовали мать,

Во все новое нарядились,

Как в солдатики шли играть.

Ни плохих, ни хороших, ни средних...

Все они по своим местам,

Где ни первых нет, ни последних...

Все они опочили там.

1943

Ташкент

Победителям

Сзади Нарвские были ворота,

Впереди была только смерть...

Так советская шла пехота

Прямо в желтые жерла «Берт».

Вот о вас и напишут книжки:

«Жизнь свою за други своя»,

Незатейливые парнишки –

Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –

Внуки, братики, сыновья!

29 февраля 1944

Ташкент

«Справа раскинулись пустыри...»

Справа раскинулись пустыри,

С древней, как мир, полоской зари.

Слева, как виселицы, фонари.

Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик

И помертвелою месяца лик

Совсем ни к чему возник.

Это – из жизни не той и не той,

Это – когда будет век золотой,

Это – когда окончится бой,

Это – когда я встречу с тобой.

29 апреля 1944

Ташкент

Причитание

Ленинградскую беду

Руками не разведу,

Слезами не смою,

В землю не зарюю.

Я не словом, не упреком,

Я не взглядом, не намеком,

Я не песенкой наемной,

Я не похвальбой нескромной

.....

А земным поклоном

В поле зеленом

Помяну...

1944

Ленинград

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Победа

1. «Славно начато славное дело...»

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.
Январь 1942

2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, –
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

3. «Победа у наших стоит дверей...»

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, –
Так мы долгожданной ответим.
1942–1945

Памяти друга

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.

Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

8 ноября 1945

«Он прочен, мой азийский дом...»

Луна в зените
Этой розы завои.

Фет Г. Г.

1. «Заснуть огорченной...»

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...

Шехерезада

Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

Апрель 1942

Стихотворение посвящено Галине Лонгиновне Герус (Козловской), которая в 1937 г. была сослана в Ташкент вместе с мужем, ленинградским композитором Алексеем Федоровичем Козловским. В Ташкенте они стали близкими друзьями Ахматовой.

Г. Л. Козловская рассказывает предысторию этого стихотворения:

«...мой муж часто водил ее гулять по старому городу, который знал и любил. <...>

Привел он ее как-то и в тот «рай», в котором были прожиты три года нашей ссылки. Два дома, два сада с черешнями и персиками, которые то цвели, то плодоносили, серебристая благоуханная джида, огромный тополь и урючина, закрывавшая половину сада. Тут было все: и виноградная лоза, и розовый куст, и арык, бегущий вдоль дорожек, где кудрявится душистая мята всех цветов. Все чисто, все полито, все подметено. Как всегда, их встретили две девочки со множеством косичек. Под их радостные крики закипел самовар и появился дастархан – угощение: изюм и сушеный

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru урюк... В тот вечер Алексей Федорович показывал свои снимки тех дней, когда мы там жили на Игарчи – улице Седельщиков.

Анна Андреевна узнала и мангал в углу, и тополь, и меня, стоящую с кувшином. Через три дня она принесла мне листок со стихами. Подарила и поцеловала. На листочке написано – Галине Герус» (Козловская Г. Л. Ахматова в Ташкенте).

2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летеиских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды,
И азиатских светил мириады
Расстелил над печалью моей?
Март 1942

3. «Все опять возвратится ко мне...»

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленья
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.
10 декабря 1943

4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седеющая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик – гранатовый куст.
16 марта 1944

5. «Третью весну встречаю вдали...»

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Всё благовонойней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

1944–1956

6. «Я не была здесь лет семьсот...»

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось.
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,
Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.
Он прочен, мой азиатский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.
5 мая 1944

Ташкент

7. Явление луны («Из перламутра и агата...»)

А. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
25 сентября 1944
Стихотворение посвящено композитору Алексею Федоровичу Козловскому (1905–1977),
писавшему музыку к «Поэме без героя» и «Прологу».

8. «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»
Как в трапезной – скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...

Все равно...

И зацветает ветка над стеною.
В изгнание сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.
1943

Ташкент

9. «Какая есть. Желаю вам другую...»
Какая есть. Желаю вам другую –
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!
Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...

В Ташкенте Ахматова некоторое время жила в «балахане» (верхней надстройке) на
улице Жуковского. Галина Козловская вспоминает: «Для меня балахана на Жуковского
навсегда связана со строчками: «Как в трапезной – скамейки, стол, окно с
огромною серебряной луною». <...> Те четверо, на кого глядела огромная луна, были:
Анна Андреевна, Надежда Яковлевна Мандельштам, мой муж и я» (Козловская Г. Л.
Ахматова в Ташкенте).

Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою,
Что делать с неподкупностью простою?
О, что мне делать с этими людьми!
Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих – безутешная вдова.
Седой венец достался мне не даром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне:
Как той, другой – страдальце Марине, –
Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне не долго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?
23–24 июня 1942

Ташкент

Еще одно лирическое отступление
Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах – дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя, –
Беглянка, беженка, поэма.
Но, верно, вспомню на лету,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Как запылал Ташкент в цвету,
весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
когда опять мамзель Фифи[60]
Хамила, как в семидесятом.

А мне переводить Лютфи,
Под огнедышащим закатом.
И яблони, прости их, Боже,
Как от венца в любовной дрожи,
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.

А я дописываю «Нечет»
Опять в предпесенной тоске.
До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак...
1943

Ташкент. Балахана

Смерть

I. «Я была на краю чего-то...»

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

Август 1942

Дюрмень

II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»

А я уже стою на подступах к чему-то,
что достается всем, но разной ценой...
На этом корабле есть для меня каюта,
и ветер в парусах – и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

1942

Дюрмень

III. «И комната, в которой я болею...»

И комната, в которой я болею,
в последний раз болею на земле,
как будто упирается в аллею
высоких белоствольных тополей.
А этот первый – этот самый главный,
в величии своем самодержавный,
но как заплещет, возликует он,
когда, минуя тусклое оконце,
моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
и смертный уничтожит сон.

январь 1944

Ташкент

Новоселье

1. Хозяйка

Е. С. Булгаковой[61]

В этой горнице колдунья
до меня жила одна:
Тень ее еще видна
накануне новолуния,
Тень ее еще стоит
у высокого порога,
и уклончиво и строго
на меня она глядит.
Я сама не из таких,
кто чужим подвластен чарам,
я сама... Но, впрочем, даром
тайн не выдаю своих.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
5 августа 1943

Ташкент
2. Гости

«...ты пьян,

и все равно пора нах хауз...»

Состарившийся Дон Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей –
Из кабака и со свиданья!..
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом, залитых, и всё же –
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?

11 ноября 1943

3. Измена

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, –
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

27 февраля 1944

«Когда уехала Елена Сергеевна Булгакова, занимаемую ею комнату передали Анне Андреевне. Это был дом на Жуковского, 54. В главном здании дома жили писатели Уткин, Луговской, Погодин и другие. В глубине двора было строение, к которому с наружной стороны была пристроена лестница, ведущая наверх, на так называемую «балахану». Там была большая комната со сплошным окном во всю длину. В противоположность «кассе» – много света и пространства. Свое новоселье Анна Андреевна отметила стихотворением «Хозяйка», которое дается в цикле «Новоселье».

<...>

Посвящено оно Елене Сергеевне Булгаковой. Долго я не могла понять, почему Ахматова назвала ее колдуньей. Лишь много позднее узнала, что в Ташкенте (вместе с Фаиной Григорьевной Раневской) Ахматова читала роман «Мастер и Маргарита». И кто знает, может быть, читала в этой самой комнате на балахане».

Галина Козловская. «Ахматова в Ташкенте»

4. Гибель

Как будто страшной песенки
Веселенький припев
Идет по шаткой лесенке,
Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне –
И голуби в окне...
И двор в плуще, и ты в плаще
По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему –
Во тьму,
Во тьму,
Во тьму.

16 октября 1943

Ташкент

«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...»

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, –
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.
28 марта 1944

Ташкент

Ташкент зацветает
Словно по чьему-то повелению,
Сразу стало в городе светло –
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

—
я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

1944

«Это рысьи глаза твои, Азия...»
Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

На Смоленском кладбище
А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!

.....
Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.
Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...
Август 1942

Дюрмень

Три осени

Мне летние просто невнятны улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.
И первая – праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.
И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.
Но эта бывает – чуть начата повесть,
Секунда, минута – и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.
Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И в волнах холодных его фимиама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось – и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.
6 ноября 1943

Ташкент

«Когда я называю по привычке...»
Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

8 ноября 1943

Надпись на поэме «Триптих»
И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...
Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идет, и сил осталось мало.
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.

6 января 1944

Ташкент

«– На днях я видела экземпляр Нечкиной, – сказала Анна Андреевна. – <...> Там я
нашла надпись, сделанную мною в Ташкенте в 44 году. Я о ней наглухо забыла... Я
вам ее прочту, только помните, и дайте мне слово, что она никогда не прилипнет к
«Поэме»... И зачем это я, дура, сходной строфой ее написала? Другой не нашла?»

Она произнесла короткое стихотворение, горестное, открытое, будто дала мне
потрогать рукою свою беззащитность и боль. <...>

Я думаю, это впервые за все существование поэзии поэт обращается с мольбой о
помощи не к другу, не к людям вообще, не к природе, не к Богу, а к собственному
своему творению. Поэт просит помощи у созданной им Поэмы.

Спаси ж меня, как я тебя спасала...

В этих стихах, что редкостно в поэзии Ахматовой, нет никакой опоры на реальный
мир, никаких внешних конкретностей – ни облаков, ни бессмертника, ни муфты, ни
хлыстика, ни сада, ни дома, ни набережной, ни птиц, ни Петропавловской крепости,
ни мостов, ни закатов – одно раздумье, оканчивающееся мольбой:

Спаси ж меня, как я тебя спасала...

Хотелось бы мне когда-нибудь понять, догадаться – чем преображена фраза,
воспроизводящая интонацию совершенно обыденную, домашнюю даже, словно выговор
ребенку:

И ты прекрасно знаешь, почему...

Что превращает ее из прозаического упрека в торжественную жалобу, в какую

то музыку стона... То место, на котором строка эта поставлена в стихе? Анна
Андреевна сказала мне, что оно было написано в 44 году, в Сочельник. Я запомнила
все стихотворение мгновенно, от слова до слова, будто оно всегда жило во мне;
записала его на чистом листке и дала Анне Андреевне проверить и подписать».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». Запись 11 июня 1955 г.

«Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное Слово...»

«Лучше б я по самые плечи...»

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

июнь 1944

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Ленинград
15 мая 1944 г. Ахматова прилетела из Ташкента в Москву, а 1 июня приехала поездом в Ленинград. Вскоре произошел разрыв с В. Г. Гаршиным.

«Наше священное ремесло...»
Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.
25 июня 1944
Ленинград

«Последние строчки предполагают, по крайней мере, два разных прочтения. «Поэт не сказал» этого, потому что мудрость есть, и старость есть, и смерть есть, а опровержение их, или, точнее, победа над ними, – дело не поэзии, а веры. Однако, благодаря нескольким приемам – сопоставлению «мудрости» со «старостью», рассчитанная неожиданность которой, чтобы не сказать – некорректность, имеет целью вызвать читательскую растерянность; и введению утверждающе-сомневающегося «а может» – на передний план выступает другой смысл: «поэт не сказал» этого, а мог бы. Мог хотя бы рискнуть. Последняя строчка – синтаксически самостоятельная, лукавый вопрос: если поэзия в самом деле светит во тьме, то, может, и смерти нет? К этому можно прийти, только назвав ремесло священным, и священное – ремеслом. «Священное ремесло» не делает разницы между словами, вдохновенными Богом и вдохновенными Аполлоном. В таком случае шестистишие может иметь в виду и Екклесиаста (глава II, ст. 13, 14, 16; глава XII, ст. 1), не напрямую оспаривая его. Но если кончает Екклесиаст тем, что «всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо», – то почему же «ни один не сказал поэт», не дерзнул сказать, слов надежды до суда? – вот на что, похоже, намекает стихотворение. «I'll give thee leave to play till doomsday, я разрешаю тебе играть до Судного дня» – любимое место Ахматовой в «Антонии и Клеопатре», предсмертное обращение царицы к преданной служанке».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»
Последнее возвращение
У меня одна дорога:
От окна и до порога.
Лагерная песня
День шел за днем – и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно – но чрез всё
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...
25 июля 1944
Ленинград

«И, как всегда бывает в дни разрыва...»
И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.
25 сентября 1944

«На стеклах нарастает лед...»
На стеклах нарастает лед,
Часы твердят: «Не трусь!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.
Как идола, молю я дверь:
«Не пропускай беду!»
Кто воем за стеной, как зверь,
Кто прячется в саду?
1945

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Фонтанный Дом

«Кого когда-то называли люди...»
Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит – и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима – все прошли
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, –
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом священных роз.
Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное Слово.

1945

Cinque[62]

Autant que toi sans doute, il te sera fidèle,
Et constant jusqu'à la mort.

Baudelaire[63]

1. «Как у облака на краю...»

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,
А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.
Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.
Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.
Но, живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.
И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

2. «Истлевают звуки в эфире...»

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

3. «Я не любила с давних дней...»

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.

Иду я, чудеса творя,

Вот отчего!

20 декабря 1945

4. «Знаешь сам, что не стану славить...»

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
6 января 1946

5. «Не дышали мы сонными маками...»

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое крошечное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

Лирическим толчком к написанию этого цикла послужили встречи с сэром Исайей Берлином (1909–1997), который в 1945–1946 гг. был 2-м секретарем британского посольства в СССР.

«Осенью того года, на гребне волны взаимных симпатий между союзниками в только что окончившейся войне, в Москву советником посольства на несколько месяцев приехал известный английский филолог и философ Исая Берлин. Его встреча с Ахматовой в Фонтанном Доме вызвала, по ее убеждению, все вскоре обрушившиеся беды – и убийственный гром, и долгое эхо анафемы 1946 года, и даже, наравне с фултонской речью Черчилля, разразившуюся в том же году «холодную войну». Эта встреча переустроила и уточнила – подобно тому как это случалось после столкновения богов на Олимпе – ее поэтическую вселенную и привела в движение новые творческие силы. Циклы стихов «Cinq», «Шиповник цветет», 3-е посвящение «Поэмы без героя», появление в ней Гостя из Будущего (прямо), и поворот некоторых других стихотворений, отдельные их строки (неявно) связаны с этой продолжавшейся всю ночь осенней встречей и еще одной, под Рождество, короткой, прощальной, с его отъездом, «повторившим», с поправкой на обстоятельства, отъезд Анрепа, и с последовавшими затем событиями».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

Надпись на портрете

Т. В-ой

Дымное исчадьё полнолуны,
Белый мрамор в сумраке аллея,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.

От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

15 мая 1946

Стихотворение посвящено известной балерине Татьяне Михайловне Вечесловой (1910–1991).

Вторая годовщина

(Простые рифмы)

Нет, я не заплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

.....

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя «страдальческая тень».

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

31 мая 1946

Фонтанный Дом

«Мир не ведал такой нищеты...»

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Мир не ведал такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

К пятидесятилетию лит<ературной> деятельности. Лекции
Ахматова и борьба с ней

<...> Я, уже бесчисленное количество раз начисто уничтоженная, снова подвергалась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергиевский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои – более или менее живы, но имя мое в печати не упоминается (может быть, по старой и почтенной традиции), и о вышедшей в 1958 году книжке «Стихотворения» не было ни одного упоминания. <...>

Для памяти

Считаю не только уместным, но и существенно важным возвращение к 1946 году и роли Сталина в постановлении 14 августа. Об этом в печати еще никто не говорил. Мне кажется удачной находкой сопоставление того, что говорилось о Зоценко и Ахматовой, с тем, что говорили о Черчилле. Абсолютно невозможно приводить дословные цитаты из Жданова, переносящие нас в атмосферу скандала в коммунальной квартире. С одной стороны, новая молодежь (послесталинская) этого не помнит, и нечего ее этому учить, а не читавшие мои книги мещане до сих пор говорят «альковные стихи Ахматовой» (по Жданову) – не надо разогревать им их любимое блюдо. Здесь совершенно неуместен объективный тон и цитирование, должно чувствоваться негодование автора [что-нибудь вроде: «мы отказываемся верить нашим глазам», «невозможно объяснить, почему о женщине-поэте, никогда не написавшей ни одного эротического стиха...»] по поводу того, что некто, считающий себя критиком, пишет непристойности. Ругательные статьи были не только в «Культуре и жизни» (Александровский централ), но и во всей центральной и периферийной прессе – четырехзначное число в течение многих лет. И все это в течение многих лет давали нашей молодежи как назидание. Это был экзаменационный билет во всех вузах страны.

Зоценко и Ахматова были исключены из Союза писателей, то есть обречены на голод.

После постановления 1946 года занималась темой «Пушкин и Достоевский» и «Гибель Пушкина». Тема первая огромна. Материала бездна. Сначала я просто теряла голову, сама не верила себе. Ирина Николаевна Томашевская всегда говорит, что это лучшее из всего, что я сделала. (Сожгла со всем архивом, когда Леву взяли 6 ноября 1949 г.)

Все места, где я росла и жила в юности, больше не существуют: Царское Село, Севастополь, Киев, Слепнево, Гунгенбург (Усть-Нарова).

Уцелели: Херсонес (потому что он вечный), Париж – по чьему-то недосмотру и Петербург – Ленинград, чтобы было, где преклонить голову. Приютившая то, что осталось от меня в 1950 году, Москва была доброй обителью для моего почти по смертного существования.

<1963>

Городу Пушкина
И царкосельские хранительные сени...

Пушкин

1. «О, горе мне! Они тебя сожгли...»

О, горе мне! Они тебя сожгли...

О, встреча, что разлуки тяжелее!..

Здесь был фонтан, высокие аллеи,

Громада парка древнего вдали,

Заря была самой себя алее,

В апреле запах прели и земли,

И первый поцелуй...

8 ноября 1945

Фонтанный Дом

Ранняя редакция этого стихотворения была опубликована в «Звезде» (1946, №1). А

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru вскоре появилась еще одна публикация – в документах, предшествовавших ждановскому докладу и постановлению «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». Г. Александров и А. Еголин, авторы «Докладной записки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград»» от 7 августа 1946 г., сообщали: «Симпатии и привязанность Ахматовой на стороне прошлого». В подтверждение приводился полный текст стихотворения:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На Масленой – блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

Лидия Чуковская рассказывает о том, как Ахматова в 1958 году переделывала опальное стихотворение «Мой городок игрушечный сожгли...» при подготовке книги, вышедшей впервые после указанного постановления 1946 года.

«Совершенно искаженным оказалось стихотворение:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки...
Можно ли точнее определить Царское Село – этот мнимый город? Он, действительно, город по всем правилам: мощные улицы, каменные дома, чугунные решетки, и в то же время он игрушечный, невсамделишный: домики и деревья расставлены на полу или на столе прилежной детской рукой; расставлены правильно, ровно, аккуратно, – только все маленькое, ненастоящее, хотя и железная дорога – как настоящая, и будка на путях совсем настоящая, и даже сторож из будки выскакивает с настоящим флагом...

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки...
Ахматова говорит о городе своей юности, который сожгли немцы. Но начальство приревновало ее к слову «прошлое» (ведь прошлое – это всегда «проклятое царское прошлое»); ах, ты ищешь туда лазейку?

Анна Андреевна, пробуя всякие замены, по-моему, совершенно испортила стихотворение. Было оно интимное, горькое, заветное, стало какое-то крикливо-патетическое:

О, злодеи!..

От обиды я не запомнила.

Исчезла «лазейки» (на рифме), а с нею и все последующее зашаталось. После моих укоризн, Анна Андреевна, к моему великому счастью, сделала так:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в юность мне обратно нет лазейки.
Не в проклятое прошлое, а в юность – так, может быть, пройдет?»

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». (Запись 26 марта 1958 г.)
В конечном счете Ахматова все же отказалась и от «городка игрушечного», и от «лазейки» – за первым стихотворением диптиха «Городу Пушкина» закрепилась начальная строка «О, горе мне! Они тебя сожгли...»

2. «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»
Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны всё так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспмятстве дней забывала течение годов, –
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.
4 октября 1957
Москва

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Три стихотворения

1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»

Пора забыть верблюжий этот гам
и белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
к широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, всё в росе,
и небо забирается высоко,
и помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...
1944–1950

2. «И, в памяти черной пошарив, найдешь...»

И, в памяти черной пошарив, найдешь
до самого локтя перчатки,
и ночь Петербурга. И в сумраке лож
тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
минуя и ахи и охи,
тебе улыбнется презрительно Блок –
трагический тенор эпохи.
1960

3. «Он прав – опять фонарь, аптека...»

Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
там этот человек стоит –
когда он Пушкинскому Дому,
прощаясь, помахал рукой
и принял смертную истому
как незаслуженный покой.
7 июня 1946

«Опять подошли “незабвенные даты”...»

Опять подошли «незабвенные даты»,
и нет среди них ни одной не проклятой.
Но самой проклятой восходит заря...
я знаю: колотится сердце не зря –
от звонкой минуты пред бурей морской
оно наливается мутной тоскою.
и даже сегодняшний ветреный день
преступно хранит прошлогоднюю тень,
как тихий, но явственный стук из подполья,
и сердце на стук отзывается болью.
я все заплатила до капли, до дна,
я буду свободна, я буду одна.
на прошлом я черный поставила крест,
чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест,
что ломаются в комнату липы и клены,
гудит и бесчинствует табор зеленый.
и к брюху мостов подкатила вода? –
и всё как тогда, и всё как тогда.
все ясно – кончается злая неволя,
сейчас я пройду через Марсово Поле,
а в Мраморном крайнее пусто окно,
там пью я с тобой ледяное вино,
и там попрощаюсь с тобою навек,
мудрец и безумец – дурной человек.
лето 1944–1945, 21 июля 1959

Ленинград

«Любовь всех раньше станет смертным прахом...»

Любовь всех раньше станет смертным прахом,
смирится гордость, и умолкнет лесть.
отчаянье, приправленное страхом,
почти что невозможно перенести.
«Не повторяй – душа твоя богата...»
Не повторяй – душа твоя богата –
того, что было сказано когда-то,
но, может быть, поэзия сама –
одна великолепная цитата.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
19 сентября 1956

«Готовя комментарий к различным изданиям, приходилось нередко сталкиваться с нераскрытой цитатой из Данте, Шекспира, Байрона. По телефону звоню специалистам. Специалисты цитату не находят. Это вовсе не упрек – по опыту знаю, как трудно в обширном наследии писателя найти именно ту строку, которая вдруг кому-то понадобилась».

Остается позвонить Анне Андреевне. Анна Андреевна любила такие вопросы (их задавала ей не я одна) – она называла это своим справочным бюро. Иногда она определяла цитату сразу, не вешая телефонную трубку. Иногда говорила, что для ответа требуется некоторый срок. Не помню случая, чтобы цитата осталась нераскрытой».

Лидия Гинзбург. «Ахматова. Несколько страниц воспоминаний»
«Из книг, постоянно вовлеченных в творчество Ахматовой, под рукой всегда были по многу раз перечитанные, с запомненными наизусть фрагментами, Библия, Данте, Шекспир, Пушкин; Бодлер, Нерваль; древние, в особенности Гораций. Есть загадочная притягательность в снова и снова повторяемом ахматоведами ее четверостишии, притягательность большая, чем у эффектно выраженной в нем мысли:

Не повторяй – душа твоя богата –
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.

Начинаясь переключкой с Баратынским («Не подражай: своеобразен гений»), стихотворение неожиданно превращается в рубай и тем самым производит впечатление «восточной мудрости», то есть чего-то вневременного, анонимного; и достигает оно этой цели изящным, непредсказуемым ходом: последнее слово его, ключевое «цитата», именно повторяя две первые рифмы, опровергает слово первое, смысловой зачин. Построение четверостишия дает некоторое представление об искусно и постоянно применявшемся Ахматовой методе заимствований, ссылок, отражений, ауканья».

Анатолий Найман. «Уроки Ахматовой»
«Пусть мой корабль пошел на дно...»
(Из цикла «Сожженная тетрадь»)

Пусть мой корабль пошел на дно,
Дом превратился в дым...
Читайте все – мне всё равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат.

.....
Как в сердце быть уколотым
И слышать крик: умри!
Что по фонтанке золотом
Писали фонари?

1956
Музыка
Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.
31 января 1958
Стихотворение посвящено Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу.

«Не мудрено, что похоронным звоном...»
Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих
Пустынно здесь! Уже за Ахероном
Три четверти читателей моих.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А вы, друзья! Осталось вас немного,
Последние, вы мне еще милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.
3 марта 1958

Болшево

Комн. № 7

Рисунок на книге стихов
Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венчик.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

23 мая 1958

Приморский сонет

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.
И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней.
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.
И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

июнь 1958

Комарово

Эпиграмма

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!
1958

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959

Ленинград

Поэт («Подумаешь, тоже работа...»)

Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.
И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блестящих нив.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А после подслушать у леса,
У сосен, молчалиниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.
Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И все – у ночной тишины.

Лето 1959

Комарово

Читатель

Не должен быть очень несчастным
И главное скрытным. О нет! –
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.
И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта позорное пламя
Его заклеямило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.
Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.

Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.
И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,
За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...

Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейшей зной.
Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен –
Поэта неведомый друг.

23 июля 1959

Комарово

«Не мешай мне жить – и так не сладко...»

Не мешай мне жить – и так не сладко.

Что ты вздумал, что тебя томит?

Иль неразрешимая загадка

Ледяной звездой в ночи горит?

Или галереями бессонниц

Ты ко мне когда-то приходил?

Иль с давно погибших белых звонниц

Мой приезд торжественный следил?

В прежних жизнях мы с тобою счеты

Плохо подвели, о бедный друг!

Оттого не спорится работа,

Сухо в горле, кровь бормочет что-то

И плывет в глазах кровавый круг.

Иль увидел взор очей покорных

В тот для памяти запретный час,

Иль в каких-то подземельях черных

Мертвой оставлял меня не раз.

И при виде жертвы позабытой

Места не найти тебе теперь...

Что там – окровавленные плиты

Или замурованная дверь?

В самом деле – сотни километров,

Как ты и сказал мне, – сущий вздор,

И знакомый с детства голос ветра

Продолжает наш старинный спор.

Июнь 1959

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Комарово

«Не страдай меня грозной судьбой...»

Не страдай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальными в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, –
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.
15 октября 1959

Ярославское шоссе

«Я давно не верю в телефоны...»

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.
Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

24 октября 1959. Кр. Конница
Ленинград

«Хвалы эти мне не по чину...»

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем.
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.
Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,
Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959

Последнее стихотворение

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.
Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.
А есть и такие: среди белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.
А вот еще: тайное бродит вокруг –
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, –
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.
Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка – любовь,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.
И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1 декабря 1959

Ленинград

Из цикла «Ташкентские страницы»
«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, –
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград, –
И горькое это несходство

Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,

Пред нами кружились во мраке.
Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой

Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1 декабря 1959

Красная Конница

Мартовская элегия

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.

Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:

Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,

И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов

Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов

И почти затонувшая лодка...

Побелив эти пашни чуть-чуть,

Там предзимье уже побродило,

Дали все в непроглядную муть

Ненароком оно превратило.

И казалось, что после конца

Никогда ничего не бывает...

Кто же бродит опять у крыльца

И по имени нас окликает?

Кто приник к ледяному стеклу

И рукою, как веткою, машет?..

А в ответ в паутинном углу

Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

Февраль 1960

Ленинград

«Хулимые, хвалимые!..»

Хулимые, хвалимые!

Ваш голос прост и дик.

Вы – непереволимые

Ни на один язык.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Надменные, безродные,
Бродившие во тьме,
Вы самые свободные,
А родились в тюрьме.
Мое благословение
я вам сегодня дам.
Войдете вы в забвение,
Как люди входят в храм.

1 июля 1960

Ордынка

«И меня по ошибке пленило...»
И меня по ошибке пленило,
Как нарядная пляшет беда...
Все тогда по-тогдашнему было,
По-тогдашнему было тогда.

.....
Я спала в королевской кровати,
Голодала, носила дрова,
Там еще от похвал и проклятий
Не кружилась моя голова...

13 августа 1960

Эхо

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? – окровавленные плиты
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

25 сентября 1960

Комарово

Античная страничка

I. Смерть Софокла

Тогда царь понял, что умер Софокл.

Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился странный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон
И дать афинянам почтить его отраду.

1958–1961

II. Александр у Фив

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
Всё, всё предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы – чудо света,
Как будто для него уже иссякла Лета,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

Октябрь 1961

Ленинград. Больница в Гавани

«Недуг томит – три месяца в постели...»

Недуг томит – три месяца в постели.

И смерти я как будто не боюсь.

Случайной гостьей в этом страшном теле

я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

1961

Из цикла «Черные песни»

Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

I. «Прав, что не взял меня с собой...»

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой,
я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.

.....
Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

1961

Комарово

II. «Всем обещаньям вопреки...»

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...
Я без него могла.

1961

Комарово

Петербург в 1913 году
За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещей,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем – мне некогда ждать.

1961

Царскосельская ода

Девятисотые годы

А в переулке забор дощатый...

Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Пстой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Тёмник, не Шуя –
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск – Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозчиный двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьей,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.
3 августа 1961

Комарово

Родная земля
И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – своею.

1 декабря 1961

Ленинград. Больница в Гавани

Слушая пение

Женский голос, как ветер, несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется –
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.

И такая могучая сила

Зачарованный голос влечет,

Будто там впереди не могила,

А таинственной лестницы взлет.

19 декабря 1961 (Никола Зимний)

Больница им. Ленина

(Вишневская пела «Бразильскую «бахиану»»)

«Что у нас общего? Стрелка часов...»

Что у нас общего? Стрелка часов

И направление ветра?

Иль в глубине оснеженных лесов

Очерк мгновенного кедр.

Сон? – что как будто ошибся дверьми

И в красоте невозвратной

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Снился ни в чем не повинной – возьми
Страшный подарок обратно...
7 июля 1962 (день)
Комарово
Последняя роза
Вы напишете о нас наискосок.

И. Б.
Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.
9 августа 1962

Комарово
«Вот она, плодоносная осень!..»
Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.
13 сентября 1962

Комарово
Через 23 года
Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебнейший вечер, –
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Всё уходит – мне снишься ты,
Доплясавший свое пред ковчегом.
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, – ты.
13 мая 1963

Комарово. Холодно, сыро, мелкий дождь
«Всё в Москве пропитано стихами...»
Всё в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь.
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.
1963

Москва
«Земля хотя и не родная...»
Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.
На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.
1964

Памяти В. С. Срезневской
Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лиц, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось всё, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, – в ней знала я причину
Чего-то главного. И всё забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964

Комарово
В Выборге
О. А. Л-ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, –
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся – в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня, музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

25 сентября 1964

Комарово (Озерная, днем)
Последний день в Риме
Заключенье не бывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего, –
Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, – стоят.

В Сочельник (24 декабря) 1964

Из «Дневника путешествия»

Стихи на случай

Светает – это Страшный суд.
И встреча горестней разлуки.
Там мертвой славе отдадут
Меня – твои живые руки.

Июнь 1964

«А как музыка зазвучала...»

А как музыка зазвучала,
Я очнулась – вокруг зима;
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

1965

«Пусть даже вылета мне нет...»

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья –
И сад – не сад, и дом – не дом,
Свиданье – не свиданье.

1960-е годы

«Поэт не человек, он только дух...»

Поэт не человек, он только дух –
Будь слеп он, как Гомер,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Иль, как Бетховен, глух, –
Все видит, слышит, всем владеет...

1960-е годы

Pro domo mea[64]

1. «Один идет прямым путем...»

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

2. «Но я предупреждаю вас...»

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном –
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

3. «Забудут? – вот чем удивили!..»

Забудут? – вот чем удивили!

Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957

Ленинград

Черепки

You cannot leave your mother an orphan.

Jouse[65]

I. «Мне, лишенной огня и воды...»

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахином...

II. «Семь тысяч и три километра...»

Семь тысяч и три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод.
Там дичаешь, звереешь – ты милый! –
Ты последний и первый – ты наш.
Над моей ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна...

III. «Вот и dospорился яростный спорщик...»

Вот и dospорился яростный спорщик
До енисейских равнин,
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он – единственный сын...

IV. «Кому и когда говорила...»

«...И кто-то приказал мне –

Говори! Припомни все...»
Леон Фелипе. Дознание
Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекали мою.
Я всех на земле виноватей

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
кто был и кто будет, кто есть...
И мне в сумасшедшей палате
Валяться – великая честь.
«И вовсе я не пророчица...»
И вовсе я не пророчица,
Жизнь светла, как горный ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.
1930-е, 1958
Вереница четверостиший
1. Бег времени
Что войны, что чума? – Конiec им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?
10 июня 1961
Комарово
2. Имя
Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее.
Само оно – беда.
Лето 1958
3. «За такую скоморошину...»
За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.
1937
4. «А, тебе еще мало по-русски...»
А, тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.
1962
5. К стихам
Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падающая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем – никогда.
1961 <?>
6. «В каждом древе распятый Господь?..»
В каждом древе распятый Господь?
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.
1946
7. «Взоры огненной огня...»
Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!
31 мая 1963
8. Конiec демона
Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.
1961
9. «За меня не будете в ответе...»
За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклипать.
1934
10. «О своем я уже не заплачу...»
О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе[66].

13 июня 1962

11. «И было сердцу ничего не надо...»

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...

«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

14 апреля 1962

Ленинград

12. «...И на этом сквозняке...»

...И на этом сквозняке
Исчезают мысли, чувства...

Даже вечное искусство

Нынче как-то налегке!

1943

13. «И скупое оно и богато...»

И скупое оно и богато,
То сердце... Богатство тай!

Чего ж ты молчишь виновато?

Глаза б не глядели мои!

Десятые годы

14. «И слава лебедью плыла...»

И слава лебедью плыла

Сквозь золотистый дым.

А ты, любовь, всегда была

Отчаяньем моим.

Десятые годы

15. «Я всем прощение дарю...»

Я всем прощение дарю

И в Воскресение Христа

Меня предавших в лоб целую,

А не предавшего – в уста.

1948 (на Пасху)

Москва

16. «И клялись они Серпом и Молотом...»

И клялись они Серпом и Молотом

Пред твоим страдальческим концом:

«За предательство мы платим золотом,

А за песни платим мы свинцом».

<1960-е>

Песенки

1. Дорожная, или Голос из темноты

Кто чего боится,

То с тем и случится, –

Ничего бояться не надо.

Эта песня пета,

Пета, да не эта,

А другая тоже

На нее похожа...

Боже!

1943

Ташкент

2. Застольная

Под узорной скатертью

Не видать стола.

Я стихам не матью –

Мачехой была.

Эх, бумага белая,

Строчек ровный ряд.

Сколько раз глядела я,

Как они горят.

Сплетней изувечены,

Биты кистенем,

Мечены, мечены

Каторжным клеймом.

1955

3. Любовная

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А ведь мы с тобой
    Не любилися,
Только всем тогда
    Поделилися.
Тебе – белый свет,
    Пути вольные,
Тебе зорюшки
    Колокольные.
А мне ватничек
    И ушаночку.
Не жалея меня,
    Каторжаночку.

1955

4. Лишняя

Тешил – ужас. Грела – вьюга,
Вел вдоль смерти – мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?
Если хочешь – расколдую,
Доброй быть позволь:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

Июль 1959

Комарово

5. Прощальная

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

6. Последняя

Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней, –
Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это всё поведано
Самой глуби роз.
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.
24 января 1964
Шиповник цветет
Из сожженной тетради
And thou art distant in humanity.

Keats[67]

«Вместо праздничного поздравленья...»

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что мной написаны рукой.

24 декабря 1959

1. Сожженная тетрадь

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А голос, улетаю, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
1961

2. Наяву

И время прочь, и пространство прочь,
я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

3. Во сне

Черную и прочную разлуку
я несусь с тобою наравне.
Что ж ты плачешь?
Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
через звезды мне прислал привет.

15 февраля 1946

4. «И увидел месяц лукавый...»

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
ни улицу, ни строфу.

27 января 1946

Ленинград

5. «Дорогою ценою и нежданной...»

Дорогою ценою и нежданной
я узнала, что помнишь и ждешь.
А быть может, и место найдешь
ты – могилы моей безымянной.

август 1946

Фонтанный Дом

6. Первая песенка

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.

Нескрещенные взгляды
не знают, где им лечь.

И только слезы рады,
что можно долго течь.

Шиповник Подмосковья,
увы! при чем-то тут...

И это все любовью

Бессмертной назовут.

5 декабря 1956

7. Другая песенка

Несказанные речи
я больше не твержу,
но в память той невестречи
Шиповник посажу.

Как сияло там и пело

нашей встречи чудо,

я вернуться не хотела

никуда оттуда.

Горькой было мне усладой

счастье вместо долга,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требую ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

лето 1957

Комарово.

8. Сон

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, –
А мне в ту ночь приснился твой приезд.
Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.
И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!
Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956

Старки – Москва

9. «По той дороге, где Донской...»

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, –
я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
что даже превратился в слово,
и встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

1956

10. «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, –
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невиский вал,
Глухонемая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала – сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов казненных стая.

18 августа 1956

Старки

11. В разбитом зеркале

Непоправимые слова
я слушала в тот вечер звездный,
и закружилась голова,
как над пылающею бездной.
и гибель выла у дверей,
и ухал черный сад, как филин,
и город, смертно обессилен,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
А он был мировую славой
И грозным вызовом Судьбе.
И он всех бед моих предтеча, –
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.
1956

12 . «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»
Ты опять со мной, подруга осень!

Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.
Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала.
Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.
Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой –
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1956

Комарово

13. «Ты напрасно мне под ноги мечешь...»
Вижу я, лебедь тешится моя.

Пушкин

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.
Смерть стоит всё равно у порога,
Ты гони ее или зови.
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,
А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.
Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни,
В остальном я сама разберусь

9 апреля 1958

Москва

14. «Не пугайся, – я еще похожей...»
Против воли я твой, царица, берег покинул.

«Энеида», песнь 6

Ромео не было, Эней, конечно, был.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

А. Ахматова
Не пугайся, – я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты – иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем, –
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.
Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.
Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.
2 августа 1962
Комарово
15. Через много лет
Последнее слово
Men che dramma

Di sangue m'è rimasto, che non tremi.

Purg. XXX[68]
Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.
Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.
Но от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.
Не придумать разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда – наповал...
И, ты знаешь нас разлученней
В этом мире никто не бывал.
1962

Москва

«Она мифологизировала свою судьбу, но это были ее, ею в самом деле проживаемые, мифы, а не берушиеся напрокат одежды общей эрудиции. Она утверждала, что ее встреча осенью 1945 года с известным английским философом и филологом Исайей Берлином (официально, разумеется, подозреваемом во всех грехах, присущих иностранцу) послужила причиной Постановления ЦК 1946 года, а также «холодной войны» между Востоком и Западом. Одно из центральных стихотворений цикла, обращенного к этому человеку, «Ты стихи мои требуешь прямо», открывается тщательно завуалированной цитатой из Данте («Чистилище», XXX, 46–48). В свою очередь, последняя строка этой дантовской терцины – перевод слов Дидоны из «Энеиды» Вергилия (IV, 23), что возвращает читателя к предшествующему стихотворению ахматовского цикла, «Говорит Дидона». Указание на Данте в стихах Ахматовой – это, как правило, знак темы травли, изгнанничества, одиночества. Однако привлечение мифа Дидона – Эней как бы помещает эту тему в пространство, обладающее дополнительным измерением. Эней, предпочитающий любви – единственно подлинному содержанию жизни – дело, пусть и самое великое, для Ахматовой, еще в 1917 году оставленной уплывшим в Англию другом, был символом не только мужской измены, но и неизбежности ее. «Ромео не было, Эней, конечно, был», – этот к случаю употреблявшийся в беседах стих Ахматовой она первоначально поставила эпиграфом к «Говорит Дидона». Брошенность, оставленность на гибель связалась у нее с английской темой уже в ранних стихах, и эта связь подтверждалась последовательно на протяжении всего ее творчества, прежде всего через ссылки на «Гамлета», на «Макбета», другие драмы Шекспира. Так что и в этом стихотворении «создан Рим» – это привычное ахматовское указание на Античность, то есть на время, а не на место; а «плывут стада флотилий» – на место, на Англию, «владычицу морей».

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Ахматова говорила, что «не встретила в жизни ни одного человека, который не помнил бы день Постановления ЦК 46-го года так же отчетливо, как день объявления войны». В ее видении мира это и был день объявления войны – «холодной войны». В таком представлении о своей роли в происходящем можно усмотреть преувеличение, но никак не романтический вымысел. Ее стихи писала ее судьба, которую она осознавала общей с судьбой Дидоны. Дидона, как и многие другие героини ее стихов, как она сама, была для нее не персонажем древней басни, а реальной фигурой, зарегистрированной документально Вергилием, Данте, ею самой».

Анатолий Найман. «Уроки Ахматовой»

16. «И это станет для людей...»

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это – только рана
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь

Рим

Венок мертвым

I. Учитель

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованием
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья –
И задохнулся...

1945

<Иннокентий Анненский>

<1>

Меж тем как Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое (хотя еще долго смущали провинциальных графоманов), дело Анненского оживило со страшной силой в следующем поколении. И если бы он так рано не умер, мог бы видеть свои ливни, хлещущие на страницах книг Б. Пастернака, свое полузаумное: «Деду Лиду ладили...» у Хлебникова, своего раешника (шарики) у Маяковского и т. д. Я не хочу сказать этим, что все подражали ему. Но он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни...

Борис Леонидович со свойственным ему красноречием ухватился за эту тему и категорически утверждал, что Анненский сыграл большую роль в его творчестве...

С Осипом я говорила об Анненском несколько раз. И он говорил об Анненском с неизменным пиететом.

Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю.

Любовь и преклонение перед Учителем и в стихах и в прозе Гумилева.

<2>

В последнее время как-то особенно сильно зазвучала поэзия Иннокентия Анненского. Я нахожу это вполне естественным. Вспомним, что Александр Блок писал автору «Кипарисового ларца», цитируя строки из «Тихих песен»: «Это навсегда в памяти. Часть души осталась в этом». Убеждена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почетное место, как Баратынский, Тютчев, Фет.

...Иннокентий Анненский не потому учитель Пастернака, Мандельштама и Гумилева, что они ему подражали, – нет... но названные поэты уже «содержались» в Анненском. Вспомним, например, стихи Анненского из «Трилистника балаганного»:

Покупайте, сударики, шарики!

Эй, лисья шуба, коли есть лишни,

Не пожалей пятишни:

Запущу под самое небо –

Два часа потом глазей, да в оба!

Сопоставьте «Шарики детские» со стихами молодого Маяковского, с его

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru выступлениями в «Сатириконе», насыщенными подчеркнуто простонародной лексикой...

Если неискушенному читателю прочесть:

Колоколы-балаболы,
Колоколы-балаболы,
Накололи, намололи,
Дале боле, дале боле,
Накололи, намололи,
Колоколы-балаболы.
Лопотуньи налетели,
Болмоталы навязали,
Лопотали – хлопотали,
Лопотали – болмотали,
Лопоталы поломали, –

то он подумает, что это стихи Велимира Хлебникова. Между тем я прочитала «Колокольчики» Анненского. Мы не ошибемся, если скажем, что в «Колокольчиках» брошено зерно, из которого затем выросла звучная хлебниковская поэзия. Щедрые пастернаковские ливни уже хлещут на страницах «Кипарисового ларца». Истоки поэзии Николая Гумилева не в стихах французских парнасцев, как это принято считать, а в Анненском. Я веду свое «начало» от стихов Анненского. Его творчество, на мой взгляд, отмечено трагизмом, искренностью и художественной цельностью...

II. «De profundis... Мое поколение...»

De profundis[69]... Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.
23 марта 1944
Ташкент

Стихотворение написано в Ташкенте. Изначально Ахматова посвятила «De profundis» Надежде Мандельштам. Н. Я. Мандельштам вспоминала: «Я приехала в Ташкент – это она устроила мне вызов из деревни, где я погибала [в районе Шортанды, Северный Казахстан], и спасла мне жизнь...» (Мандельштам Н. Я. <<Думая об А. А. ...> [первоначальный вариант «Второй книги»]). Стихотворение было утрачено и забыто. По свидетельству Н. Я. Мандельштам, многие бумаги Ахматовой сожгла после ждановского постановления. «Стихи потом удалось восстановить по памяти. Этим отличаются стихи – их помнят сам автор и его друзья. Вспомнили почти всё. Я подарила ей «De profundis» и еще кое-что – четверостишья, часть «Китежанки»...» (Там же.)

III. «Все это разгадаешь ты один...»

Б. Пильняку

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Глаза мои не освежила влага.

1938

Фонтанный Дом. Ночь

Стихотворение посвящено памяти Бориса Андреевича Пильняка (Вогау; 1894–1938). 21 апреля 1938 г. он был расстрелян по сфабрикованному обвинению в государственном преступлении.

«– Совсем не помню, когда оно было написано, – сказала Анна Андреевна, окончив диктовать. – А вот что помню: незадолго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал: «А мне?» – «И вам напишу». И вот когда довелось написать! [То есть после ареста Пильняка, когда уже разнесся слух о его гибели. – Примечание Л. Чуковской.]».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой» (Запись 11 июня 1955 г.)

IV. «Я над ними склонюсь, как над чашей...»

О. М.

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть –
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.
О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, –
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.
Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.
5 июля 1957

Комарово

Стихотворение посвящено памяти Осипа Мандельштама.

Листки из дневника (Из воспоминаний об О. Мандельштаме)

1

<...> Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой то иной процесс, названия которому сейчас не подберу, но несомненно близкий к творчеству. (Пример – Петербург в «Шуме времени», увиденный сияющими глазами пятилетнего ребенка.)

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки. С необычайной легкостью О. Э. выучивал языки. «Божественную комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку. О Пастернаке говорил: «Я так много думал о нем, что даже устал» и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки». О Марине: «Я – антицветаевец».

В музыке О. был дома, и это крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты, называя ее удушьем. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия. Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строки. Например:

На грязь, горячую от топота коней,
Ложится белая одежда брата-снега...

(Я помню это только с его голоса. Чье это?) Легко запоминал прочитанное ему.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Любил говорить про то, что называл своим «истуканством». Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме «La jeune mère allaitant son enfant» он будто бы в ранней юности перевел так: «И молодая мать, кормящая со сна». Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке» и хохотали до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса.

Я познакомилась с Мандельштамом на «Башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, пылающими глазами и с ресницами в полщеки. Второй раз я видела его у Толстых на Старо-Невском, он не узнал меня, и А<лексей> Н<иколаевич> стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя.

Это был мой первый Мандельштам, автор зеленого «Камня» (изд. «Акмэ») с такой надписью: «Анне Ахматовой – вспышки сознания в беспамятстве дней. Почтительно – Автор».

Со свойственной ему прелестной самоиронией Осип любил рассказывать, как старый еврей, хозяин типографии, где печатался «Камень», – поздравляя его с выходом книги, пожал ему руку и сказал: «Молодой человек, вы будете писать все лучше и лучше».

Я вижу его как бы сквозь редкий дым – туман Васильевского острова и в ресторане бывш. «Кинши» (угол 2-й линии и Большого проспекта; там теперь парикмахерская), где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Никаких собраний на «Тучке» не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем. Описания файф-о-клока на «Тучке» (Георгий Иванов: «Поэты») выдуманно от первого до последнего слова. Н<иколай> В<ладимирович> Н<едоброво> не переступал порога «Тучки». <...>

В десятые годы мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, на пятницах в «Гиперборее», т. е. у Лозинского, в «Бродячей собаке», где он, между прочим, представил мне Маяковского. Как-то раз в «Собаке», когда все шумно ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. Осип Эмильевич подошел к нему и сказал: «Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр». Это было при мне (1912–1913). Остроумный Маяковский не нашелся что ответить. [Встречались и] в «Академии стиха» (Общество ревнителей художественного слова, где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой «Академии» собраниях Цеха поэтов, где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой. Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про черного ангела на снегу. Надя утверждает, что оно относится ко мне.

С этим черным ангелом дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с Вл. К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел» (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный Ангел», вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу растут.
(«Четки»)

Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. Известно, что беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин».

Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже. (См.: конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Н. Ст. был напудрен и в цилиндре.)

Но в Петербурге акмеист мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже.
Символисты никогда его не приняли.

Приезжал О. Э. и в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто,
Страница 127

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
я несколько раз была его confidentкой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914, на Алексеевской улице). Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько жаловался – еще не умел писать любовные стихи. Второй была Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи; третьей – Саломея Андроникова (Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia»: «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...» Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...». Сравните мое – «Не смертного ль часа жду». Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове).

В Варшаву О. Э. действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М. А. З.), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила. <...>

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 г., кроме изумительных стихов к О. Арбениной в «Tristia», остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени – о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком. <...>

2

Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом.

[Душа его была полна всем, что свершилось.]

Мандельштам из первых стал писать на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово н а р о д не случайно фигурирует в его стихах.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917 – 18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9) не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вяч. Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны.

Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной О. Э. на концерте Бутомо-Незвановой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»). К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгновенья...» («Кассандре») (декабрь 1917 г.), «Твое чудесное произношенье...»; ко мне относится странное, отчасти сбывшееся предсказание:

Когда-нибудь в столице шалой,
На диком празднике у берега Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

А следующее – «Что поют часы-кузнечик» (это мы вместе топили печку; у меня жар – я мерю температуру). // Лихорадка шелестит, // И шуршит сухая печка, // Это красный шелк горит...»

Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия:

1. «Вы хотите быть игрушечной...» (1911 г.).
2. «Черты лица искажены...» (10-е годы).
3. «Привыкают к пчеловоду пчелы...» (30-е годы).
4. «Знакомства нашего на склоне...» (30-е годы).

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений.

После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. <...>

Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве осенью 1918 года. В

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила. <...> Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе – меньшевиками. В 1920 г. О. М. пришел ко мне на Сергиевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н. В. Неодоброво в Ялте, в декабре 1919 г. <...>

Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide mais charmante*[70]. С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

В 1925 году я жила с Мандельштамом в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, которая была неизменно повышенной, и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. О. Э. каждый день уезжал в Ленинград, пытаюсь наладить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и так же по секрету записала («Хочешь, валенки сниму...»). Там он диктовал П. Н. Лукницкому свои воспоминания о Гумилеве.

Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз – приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле Большого дворца, но там дымили печки или текли крыши. Таким образом возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского и спекуляцию на имени Пушкина. К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение – в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» – Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). <...>

Была я у Мандельштамов и летом в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для О. Э. несколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский, и Карамзин. Уверена, что он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: «Пойдем в европейскую часть города», будто это Бахчисарай или что-то столь же экзотическое. То же подчеркнутое невнимание в строке – «Там улыбаются улань». В Царском сроду уланов не было, а были гусары, желтые кирасиры и конвой.

В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Н. С. Гумилева):

«Дорогая Анна Андреевна, пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется.

В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П. Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам».

Юг и море были ему почти так же необходимы, как Надя.

(На вершок бы мне синего моря,
На игольное только ушко...)
Попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru раз наоборот. В этой биографии поражает меня одна частность: в то время (в 1933 г.) как О. Э. встречали в Ленинграде как великого поэта, persona grata и т. п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962), в Москве никто не хотел его знать и, кроме двух-трех молодых и неизвестных ученых-естественников, О. Э. ни с кем не дружил. (Знакомство с Белым было коктейбельского происхождения.) Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «красавиц-жен». Союзное начальство вело себя подозрительно сдержанно.

Из ленинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму – Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб – великие знатоки поэзии Мандельштама. Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе, который, несмотря на запрещение цензуры, напечатал в «Звезде» конец «Путешествия в Армению» (подражание древнеармянскому).

Из писателей-современников Мандельштам высоко ценил Бабеля и Зощенко. Михаил Михайлович знал это и очень этим гордился. Больше всего М. почему-то ненавидел Леонова.

Кто-то сказал, что Н. Чуковский написал роман. Осип отнесся к этому недоверчиво. Он сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоевского или десятины Льва Толстого. [В 30-х годах в Ленинграде О. М., встретив Федина где-то в редакции, сказал ему: «Ваш роман («Похищение Европы») – голландское какао на резиновой подошве, а резина-то советская» (рассказал в тот же день).]

Осенью 1933 года Мандельштам наконец получил (воспетую) им квартиру в Нащокинском переулке («Квартира тиха, как бумага...»), и бродячая жизнь как будто кончилась. Там впервые у Осипа завелись книги, главным образом старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка). На самом деле ничего не кончилось. Все время надо было куда-то звонить, чего-то ждать, на что-то надеяться. И никогда из всего этого ничего не выходило. О. Э. был врагом стихотворных переводов. Он при мне на Нащокинском говорил Пастернаку: «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома ваших собственных стихотворений». Мандельштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было почти невозможно. Кругом завелось много людей, часто довольно мутных и почти всегда ненужных. Несмотря на то что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили – не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места.

Я довольно долго не видела Осипа и Надю. В 1933 году Мандельштамы приехали в Ленинград, по чьему-то приглашению. Они остановились в Европейской гостинице. У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом. «Божественную комедию» читал наизусть страницами. Мы стали говорить о «Чистилище», и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче):

Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apparve, sotto verde manto,
Vestita di color di fiamma viva.

.....
«Men che dramma
Di sangue m'e rimaso non tremi:
Conosco i segni dell' antica fiamma».
(Цитирую по памяти.)

Осип заплакал. Я испугалась – «что такое?» – «Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом». Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает.

Осип читал мне на память отрывки из стихотворения Н. Клюева: «Хулители искусства» – причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря, о помиловании): «Я, осужденный за мое стихотворение «Хулители искусства» и за безумные строки моих черновиков...» (Оттуда я взяла два стиха как эпиграф «Решки».)

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Когда я что-то неодобрительно говорила о Есенине, Осип возражал, что можно простить Есенину что угодно за строку: «Не расстреливал несчастных по темницам».

Жить, в общем, было не на что: какие-то полупереводы, полурецензии, полубещания. Пенсии едва хватало, чтобы заплатить за квартиру и выкупить паек. К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать – производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже. <...>

Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. О. Э., который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданскими» – и прочел «Под собой мы не чуем...». Примерно тогда же возникла его теория «знакомства слов». Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина: «Мне хочется сказать не Сталин – Джугашвили» (1935?), он сказал мне: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Когда я прочила Осипу мое стихотворение «Уводили тебя на рассвете» (1935), он сказал: «Благодарю вас». Стихи эти в «Реквиеме» относятся к аресту Н. Н. П<унина> в 1935 году.

На свой счет Мандельштам принял (справедливо) и последний стих в стихотворении «Немного географии» («Не столицей европейской...»):

Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными и тобой.

13 мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я, после града телеграмм и телефонных звонков, приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что, для того чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, – последний, данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова – 1921 г.), России, и статуэтку работы Данько «мой портрет» 1924 г.) для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей.)

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной у Кирсанова играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Волка» («За гремучую доблесть грядущих веков...») и показал О. Э. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в семь утра. Было совсем светло. Надя пошла к брату, я – к Чулковым на Смоленский бульвар, 8, и мы условились где-то встретиться. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. Евг. Як. Хазин сказал: «Если они придут еще раз, то уведут вас с собой». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Бухарину, я – в Кремль к Енукидзе. (Тогда проникнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер (Театра имени Е. Б. Вахтангова) Русланов через секретаря Енукидзе.) Енукидзе был довольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, какие-нибудь стихи?» Этим мы ускорили и, вероятно, смягчили развязку. Приговор – три года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы, потому что ему казалось, что за ним пришли (см. «Стансы», строфа 4-я), и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место. Потом звонил Пастернаку. [Все, связанное с этим звонком, требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы – и Надя и Зина, и существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в Пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку.] Остальное слишком известно.

Вместе с Пастернаком я была и у Усиевич, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской моло дежи. Была у Пильняка, где видела Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева. <...>

(А в это время бывший синдик Цеха поэтов Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: «Это строки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию», – так что даже в «Лит. газете», которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова оратора были смягчены (см. «Лит. газету» 1934 года, май).

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru Бухарин» в конце своего письма к Сталину написал: «И Пастернак» тоже волнуется». Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. «Если б мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?» – «Писательские организации не занимаются этим с 1927 года». – «Но ведь он ваш друг?» Пастернак замялся, и Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Это не имеет значения...» Б. Л. думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

...«Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить». – «О чем?» – «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку. <...>

Через пятнадцать дней, рано утром, Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено. Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки.

На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища «виновника торжества». Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже они не могли посадить его в тюремную карету. Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил, и я не дождалась. Братья, т. е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам, проводили меня, вернулись на Казанский вокзал, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла. (Ехали они под конвоем читавших Пушкина «славных ребят из железных ворот ГПУ».)

В это время шла подготовка к первому съезду писателей (1934 г.), мне тоже прислали анкету для заполнения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Д. Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе. <...>

Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре». <...>

Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении О. М. к музыке рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому, и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: «Отнимем у нее все это и отдадим Анне Андреевне» (точность можно еще проверить у Лурье).

Очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили «Четки». Рассказывают, что он как-то был у Катаевых и приятно беседовал с красивой женой хозяина дома. Под конец ему захотелось проверить вкус дамы, и он спросил ее: «Вы любите Ахматову?», на что та, естественно, ответила: «Я ее не читала», – после чего гость пришел в ярость, нагрубил и в бешенстве убежал. Мне он этого не рассказывал.

Зимой в 1933/34 г., когда я гостила у Мандельштамов на Нащокинском в феврале 1934 г., меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип волновался: «Вас хотят сводить с московской литературой!» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа». Осип совсем рассердился. Он бегал по комнате и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТа?»

Однажды Надя привезла Осипа встречать меня на вокзал. Он встал рано, озяб, был не в духе. Когда я вышла из вагона, сказал мне: «Вы приехали со скоростью Анны Карениной».

Комнатку (будущую кухню), где я у них жила, Осип прозвал – Капище. Свою называл Запястье (потому что в первой комнате жил Пяст). А Надю называл Маманас (наша мама). <...>

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву, «к себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне все свои новые стихи, но переписывать не давал никому. Много говорил о Наташе (Штемпель), с которой дружил в Воронеже. (К ней обращены два стихотворения: «Клейкой клятвой пахнут почки...» и «К пустой земле невольно припадая...».)

Уже год как, все нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил <...>вероятно, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы – нищие» и «Нищим летом всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, – «Как по улицам Киева-Вия...» (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в Фонтанном доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: «Благодарю вас» и заснул. В это время в Шереметевском доме был так называемый «Дом занимательной науки». Проходить к нам надо было через это сомнительное заведение. Осип озабоченно спросил меня: «А может быть, есть другой занимательный выход?»

В то же время мы с ним одновременно читали. «Улисса» Джойса. Он – в хорошем немецком переводе, я – в подлиннике. Несколько раз мы принимались говорить об «Улиссе», но было уже не до книг.

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки, и никто не пришел. О. Э. по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку»». – А Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они – он и Надя – приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню, куда. Все было, как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу.

Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О. Э. о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?..

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Черустье (в разгаре террора). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта). О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград.

У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы (Эммы Григорьевны Герштейн): «У подружки Лены (Осмеркиной) родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», – писала она.

От Осипа было всего одно письмо (брату Александру) из того места, где он умер. Письмо у Нади. Она показала мне его. «Где моя Надинька?» – писал Осип и просил теплые вещи. Посылку послали. Она вернулась, не застав его в живых.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса
Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя.

Сейчас Осип Мандельштам – великий поэт, признанный всем миром. О нем пишут книги
– защищают диссертации. Быть его другом – честь, врагом – позор. <...>

Для меня он не только великий поэт, но и человек, который, узнав (вероятно, от
Нади), как мне плохо в Фонтанном Доме, сказал мне, прощаясь, – это было на
Московском вокзале в Ленинграде: «Аннушка (он никогда в жизни не называл меня
так), всегда помните, что мой дом – ваш» . Это могло быть только перед самой
гибелью...

8 июля 1963

Комарово

V. Поздний ответ
Белорученька моя, чернокнижница...

М. Ц.
Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах? –
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».

.....
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем.
А за нами таких миллионы
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след.
16 марта 1940, 1961
Фонтанный Дом – Красная Конница
«Прочитала мне свои стихи, посвященные Цветаевой. Я уже слышала их.

– Это мой долг перед Мариной памятью: мне она посвятила несметное множество
стихотворений».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой» (Запись 3 сентября 1956 г.)
<Марина Цветаева>

<1>
Наша первая и последняя двухдневная встреча произошла в июне 1941 г. на Большой
Ордынке, 17, в квартире Ардовых (день первый), и в Марьиной роще у Н. И.
Харджиева (день второй и последний). Страшно подумать, как бы описала эти
встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 41 г.
Это была бы «благоуханная легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было
бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком
случае это было бы великолепно. Сейчас, когда она вернулась в свою Москву такой
королевой и уже навсегда (не так, как та, с которой она любила себя сравнивать,
т. е. с арапчонком и обезьянкой в французском платье, т. е. décolleté grande
gorge, [71] мне хочется просто, «без легенды», вспомнить эти два дня.

<2>
Когда в июне 1941 г. я прочла М<арине> Ц<ветаевой> кусок поэмы (первый
набросок), она довольно язвительно сказала: «Надо обладать большой смелостью,
чтобы в 41 году писать об Арлекинах, Коломбинах и Пьеро», очевидно, полагая, что
поэма – мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова, т. е. то, с чем она,
может быть, боролась в эмиграции, как с старомодным хламом. Время показало, что
это не так.

<3>

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Марина ушла в заумь. См. «Поэму воздуха». Ей стало тесно в рамках Поэзии. Она – dolphinlike[72], как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонию. Ей было мало одной стихии, и она удалилась в другую или в другие. Пастернак – наоборот: он вернулся (в 1941 году – Переделкинский цикл) из своей пастернаковской зауми в рамки обычной (если поэзия может быть обычной) Поэзии. Сложнее и таинственней был путь Мандельштама.

1959

VI. «Вот это я тебе, взамен могильных роз...»
Памяти М. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задышался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей,
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Март 1940

Фонтанный Дом

VII. Борису Пастернаку

1. «И снова осень валит Тамерланом...»

Б. П.

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина.
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.
Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Все равно что мир оглох...
Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.
Здесь всё тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди,
Отдай другим игрушку мира – славу,
Иди домой и ничего не жди.

1947 – 25 октября 1958

Ленинград

2. «Умолк вчера неповторимый голос...»

Как птица, мне ответит эхо.

Б. П.

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник роц.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1 июня 1960

Москва. Боткинская больница

3. «Словно дочка слепого Эдипа...»

Словно дочка слепого Эдипа,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышнюю волей храним.
11 июня 1960
Москва. Боткинская больница
VIII. Нас четверо
Комаровские наброски
Ужели и гитане гибкой

Все муки Данта суждены.

О. М.
Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б. П.
О, Муза Плача...

М. Ц.
...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.
Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.
Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это – письмо от Марины.
19–20 ноября 1961
Больница в Гавани
IX. «Словно дальнему голосу внемлю...»
М. З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...
1958
Комарово
Стихотворение посвящено памяти Михаила Михайловича Зощенко (1895–1958).

Лидия Чуковская
Из «Записок об Анне Ахматовой»
«19 июля 55

Вчера забыла записать: я рассказала Анне Андреевне о письме, полученном Лидией Николаевной Кавериной от жены Зощенко. Это письмо Лидия Николаевна принесла Корнею Ивановичу. Жена Зощенко пишет, что Михаил Михайлович тяжело болен, отекают ноги, отсутствие работы сводит его с ума. Из «Октября» ему вернули рассказ, в Союзе – в Ленинграде – разъяснили, что печатать его не будут... Корней Иванович поехал в Союз к Поликарпову, но – тот в отпуске. Корней Иванович пошел с этим письмом к Смирнову, потом к Суркову. У Корнея Ивановича впечатление такое, что спасти Зощенко они не станут, хотя разговоры велись корректные.

(А ведь это лучший из современных прозаиков... И так, всё, как положено Дьяволом или Богом: художник умрет, книги его воскреснут, следующие поколения объявят его классиком, дети будут «проходить» его в учебниках... «Все, Александр Герцович, заверчено давно».)

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Анна Андреевна сказала:

– Михаил Михайлович человек гораздо более наивный, чем я думала. Он вообразил, будто в этой ситуации можно что-то им объяснить: «Сначала я не понял постановления, потом кое с чем согласился...» Кое с чем! Отвечать в этих случаях можно только так, как ответила я. Можно и должно. Только так.

Не повезло нам: если бы я отвечала первой, а он вторым, – он, по моему ответу, догадался бы, что и ему следовало ответить так же. Никаких нюансов и психологий. И тогда гибель миновала бы его. Но его спросили первым... [Главной причиной, по которой А. А. ни в коем случае не могла отвечать «по правде», была судьба Левы.– Примечание Л. Чуковской.]

7 августа 55

<...>Узнав, что в Ленинграде я побывала у Зощенко, Анна Андреевна потребовала полного отчета об этом посещении. Я торопилась, но не могла отказать ей. Она выспрашивала все подробности: какая комната? как он выглядит? как и что говорит?

Я постаралась ответить возможно точнее:

Комната большая, опрятная, пустоватая, с остатками хорошей красной мебели. Михаил Михайлович неузнаваемо худ, все на нем висит. Самое разительное – у него нет возраста, он – тень самого себя, а у теней возраста не бывает. Таким, вероятно, был перед смертью Гоголь. Старик? На старика не похож: ни седины, ни морщин, ни сутулости. Но померкший, беззвучный, замороженный, замедленный – предсмертный. В молодости он разговаривал со всеми очень тихим голосом, но тогда это воспринималось как крайняя степень деликатности, а теперь в его голосе словно не осталось звука. Звук из голоса выкачан. При этом на здоровье он не жалуется – напротив, уверяет, будто с помощью открытой им психотехники сам вылечил свое больное сердце. Заботливо расспросив, отчего умерла моя мать, он выразил уверенность, что, если бы врачи владели тем методом психотехники, который открыт им, Михаилом Михайловичем, она безусловно до сих пор была бы жива.

Тут Анна Андреевна перебила меня:

– Бедный Мишенька! Он потерял рассудок. Он не выдержал второго тура.

Я продолжала: был он со мною доверчив, внимателен, ласков (хотя мы и не виделись лет 20), расспрашивал о Люше. О себе сказал: «Самое унижительное в моем положении – что не дают работы. Остальное мне уже все равно».

Прочитал телеграмму от Вениамина Александровича Каверина: «Правление Союза постановило добиваться обеспечения тебя работой».

Пожаловался, что ничего не ест, что даже с помощью психотехники не может заставить себя есть.

– Он боится, его отравят. Мне говорили, – сказала Анна Андреевна. – Вот в этом все дело.

Михаил Михайлович поделился со мною своими предположениями «о причине причин» и о том, почему в 1946 году были сопоставлены такие, в сущности, далекие имена: он и Ахматова.

Обе версии Анна Андреевна нашла вполне вероятными. [Ни той, ни другой версии я вовремя не записала, но первую помню ясно.

В одной из новелл Зощенко о Ленине рассказано, как часовой, молодой красногвардеец Лобанов, никогда не видавший Владимира Ильича в лицо, отказался однажды пропустить его в Смольный потому, что Ленин, в задумчивости, не сразу нашел в кармане пропуск. Какой-то человек с усами и бородкой грубо крикнул Лобанову: «Извольте немедленно пропустить! Это же Ленин!» Однако Владимир Ильич остановил грубияна и поблагодарил красногвардейца «за отличную службу». Пропуск нашелся, и все кончилось хорошо.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Но не для Зощенко. Первоначально рассказ этот был напечатан в журнале «Звезда» (1940, № 7). Редактор посоветовал Михаилу Михайловичу лишить человека, который грубо кричит на красногвардейца, – бородки, а то с усами и бородой он похож на Калинина. М. М. согласился: вычеркнул бородку. Тогда остались усы и грубость. Сталин вообразил, что это о нем.

И участь Зощенко была решена... (А в последующих изданиях человек с усиками был заменен «одним каким-то человеком, должно быть, из служащих», и притом безусым и безбородым). – Примечание Л. Чуковской.] Провожая меня в переднюю она снова повторила:

– Человека убили. Не выдержал второго тура.

Я обещала прийти вечером опять.

* * *

Только что вернулась от Анны Андреевны. Давно я не видела ее так встревоженной и раздраженной. При мне какой-то мужской голос позвонил ей из Ленинграда с требованием срочно ехать в Комарово, а то Литфонд недоволен. По телефону она говорила спокойно, но мне, положив трубку, сказала:

– Клинический случай идиотизма.

Потом легла и попросила дать ей валидол. Лежала несколько минут с закрытыми глазами. Попробовала рассказать что-то о книге сына Лескова, которую сейчас читает, но на полуслове умолкла.

– Это все пустяки, – сказала она, помолчав. – Комарово, дача... Это все не то. Сейчас мне предстоят очень тяжелые испытания. Нет, нет, вы ничего про это не знаете. Это совсем другая область. Новая.

И ничего не объяснила. И после долгого и глубокого молчания снова стала расспрашивать о Зощенко.

– Скажите правду, – попросила она. – Он на меня в обиде?

Мне не хотелось, но я ответила:

– Некоторый оттенок обиды был в его расспросах о вас... Но всего лишь оттенок. И быстро притушенный».

X. Памяти Анты

Пусть это даже из другого цикла...

Мне видится улыбка ясных глаз,

И «умерла» так жалостно приникло

К прозванью милому, как будто первый раз

Я слышала его.

Осень 1960

Красная Конница

Анта – Антонина Михайловна Оранжева (1897 – 1960) – подруга Ахматовой, археолог, первый историк кольской базы Академии наук.

XI. «И сердце то уже не отзовется...»

Н. П.

И сердце то уже не отзовется

На голос мой, ликуя и скорбя.

Все кончено... И песнь моя несется

В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

Стихотворение посвящено памяти Николая Николаевича Пунина, умершего в лагере под Воркутой в августе 1953 г.

«По сути, ее стихи памяти мертвых – не что иное, как попытка включить их или хотя бы ввести их в структурную ткань поэзии. Она не увековечивала погибших. Большинство из них составляли гордость русской литературы и сами себя

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru увековечили. Она стремилась совладать с бессмысленностью существования, внезапно развернувшейся перед ней уничтожением источников смысла, приручить мучительную бесконечность, населив вечность тенями близких. Стихи в память мертвых – только они удерживали членораздельную речь на грани безумного воя.

И все равно в ее тогдашних стихах слышен стон: навязчивым повторением рифмы, сбивчивой строчкой, перебивающей гладкое течение речи, – но те стихи, где говорилось впрямую о чьей-то смерти, свободны от этого. Она как бы опасается оскорбить погибших потоками слез, и в опасении открыто встать рядом с ними слышится отзвук ее любовных стихов. Она говорит с мертвыми, как с живыми, не прибегая к традиционному стилю «На смерть***», и не стремится сделать ушедших идеальными, безупречными собеседниками, которых поэты ищут и находят среди усопших либо среди ангелов.

Тема смерти – лакмус поэтической этики. Жанром «In memoriam» часто пользуются для выражения жалости к себе, для упражнений в метафизике, доказывающих подсознательное превосходство уцелевшего перед павшим, большинства (живых) перед меньшинством (мертвых). У Ахматовой нет этого и в помине. Она не обобщает покойных, а говорит детально о каждом. Она обращается к меньшинству, к которому ей причислить себя легче, чем к большинству. Смерть ничего не изменила в их облике – так как же можно использовать их в качестве отправной точки для возвышающих и возвышенных рассуждений».

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)

Из заветной тетради

Выход книги

Тот день всегда необычаен.

Скрывая скуку, горечь, злость,

Поэт – приветливый хозяин,

Читатель – благосклонный гость.

Один ведет гостей в хоромы,

Другой – под своды шалаша,

А третий – прямо в ночь истомы,

Моим – и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда

И по дороге в никуда,

Что их влечет – какое чудо,

Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,

Каких за это ждать наград,

Что оставаться здесь опасно,

Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,

И этот час неотвратим...

И мимоходом сердце вынут

Глухим сочувствием своим.

13 августа 1961

Комарово

«Вы меня, как убитого зверя...»

Вы меня, как убитого зверя,

На кровавый подьмете крюк,

Чтоб, хихикая и не веря,

Иноземцы бродили вокруг

И писали в почтенных газетах,

Что мой дар несравненный угас,

Что была я поэтом в поэтах,

Но мой пробил тринадцатый час.

Наследница

От Сарскосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета

Средь этих опустелых зал.

О, кто бы мне тогда сказал,

Что я наследую всё это:

Фелицу, лебедя, мосты

И все китайские затеи,

Дворца сквозные галереи

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И липы дивной красоты,
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

20 ноября 1959

Ленинград

«Если б все, кто помощи душевной...»

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете,
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте» [73], –
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой.
И я стала всех сильнее на свете,
Так что даже это мне не трудно.

1961. Вербное воскресенье

Ленинград

«Так не зря мы вместе бедовали...»

Так не зря мы вместе бедовали,
даже без надежды раз вздохнуть.
Присягнули – проголосовали
И спокойно продолжали путь.
Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.
Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл –
я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

Подражание Кафке

Другие уводят любимых, –
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сию.
Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И там в совещаниях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколенья присяжных
Решили: виновна она.
Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...
А где-то чернеет от зноя
Огромный небесный простор,
И полное прелести лето
Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960

Комарово

«Все ушли, и никто не вернулся...»

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть все небо в крови.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слезки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Обкормили меня клеветою,
Опоили отравой меня
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.
<1930-е>, 1960
«Что нам разлука? – Лихая забава...»
N.

Что нам разлука? – Лихая забава,
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час?
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?
Вот и иди мне обратно к воротам
Новое горе встречать.
7 июля 1959

Комарово
«Запад клеветал и сам же верил...»
Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток.
Юг мне воздух очень скупое мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял, как на коленях, клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север,
Утешал меня, как только мог.
В душной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»
1964

Комарово
«Все, кого и не звали, – в Италии...»
Все, кого и не звали, – в Италии,
Шлют домашним сердечный привет,
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни света, ни воздуха нет,
Где за красными занавесками
Все навек повернулось вверх дном...
Так не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
И дышать тишиною запретною
Никогда мной не виданных мест,
И мешаться с толпою несметною
Крутолобых Христовых Невест.
16 апреля 1963
Надпись на книге
Что отдал – то твое.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Шота Руставели
Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Я в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.
Пусть назовут безмолвною зимой
И вечные навек захлопнут двери,
Но все-таки услышат голос мой
И все-таки ему опять поверят.
<1930-e>, 1960

Ленинград

Анафема

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гремит.

1959

«Шутки – шутками, а сорок...»

Шутки – шутками, а сорок
Гладких лет в тюрьме,
Пиршества из черствых корок,
Чумный страх во тьме,
Одиночество такое,
Что – сейчас в музей,
И предательство двойное
Близких и друзей.

22 июля 1960 (после операции 7 июля)

Красная Конница

«Вам жить, а мне не очень...»

Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот.
О, как он строг и точен,
Незримого расчет.
Зверей стреляют разно,
Есть каждому черед
Весьма разнообразный,
Но волка – круглый год.
Волк любит жить на воле,
Но с волком скор расчет:
На льду, в лесу и в поле
Бьют волка круглый год.
Не плачь, о друг единый,
Коль летом иль зимой
Опять с тропы волчиной
Услышишь голос мой.

1959

Защитники Сталина

Это те, что кричали: «Варраву!
Отпусти нам для праздника...», – те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.
Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клевещущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

25 октября 1962

«Разговор зашел о разоблачении Сталина. Юля (Ю. М. Живова, сотрудница одной из редакций издательства «Художественная литература». – Ред.) сказала: «А ведь находятся люди, которые еще и сейчас защищают его. Говорят: «мы не знаем»... Говорят: «Откуда нам-то знать? Может это сейчас все врут на него... Мы-то ведь не знаем». Анна Андреевна страстно: «Зато я знаю... Таких надо убивать»».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». Запись 27 сентября 1962 г.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Северные элегии
Всё в жертву памяти твоей.

Пушкин
«Их будет семь – я так решила...»
Их будет семь – я так решила,
Пора испытывать судьбу,
И первая уж совершила
Свой путь к позорному столбу...
Первая
Предыстория
Я теперь живу не там...

Пушкин
Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумиловстарший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
«Здесь впервые во всей полноте раскрылось ее мастерство в области исторической живописи. Здесь – далекая предыстория тех громадных событий, которые произошли в первой четверти двадцатого века».

Корней Чуковский. «Анна Ахматова»
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки – тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут – Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).
Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни...
«Я тоже вздумал родиться в то время, – или несколько позже, – и могу
засвидетельствовать, что самый колорит этой эпохи, самый ее запах переданы в

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
«Предыстории» с величайшей точностью.

Мне хорошо памятна та бутафория семидесятых годов. Плюш на креслах был малинового цвета, или – еще хуже – едко-зеленого. И каждое кресло окаймлялось густой бахромой, словно специально созданной для собирания пыли. И такая же бахрома на портьерах.

Зеркала действительно были тогда в коричневых ореховых рамах, испещренных витиеватой резьбой с изображением цветов или бабочек.

«Шуршанье юбок», которое так часто поминается в романах и повестях того времени, прекратилось лишь в двадцатом столетии, а тогда, в соответствии с модой, было устойчивым признаком всех светских и полусветских гостиных. Это шуршанье юбок не раз воспевалось поэтами:

О сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья,
Я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет – как несказанно дорог
Красноречивый, легкий этот шорох.
(Фет)

Чтобы нам стало окончательно ясно, какова была точная дата этих разрозненных образов, Ахматова упоминает об Анне Карениной, вся трагическая жизнь которой крепко спаяна со второй половиной семидесятых годов.

Комментариями к этим стихам можно было бы заполнить десятки страниц, указав, например, на их тесную связь с романом Достоевского «Подросток», написанном в 1875 году, с сатирами Щедрина и Некрасова, относящимися к той же эпохе. Но здесь достаточно будет сказать о знаменательном смысле эпитафия, предпосланного этой «Предыстории». Эпитафия взят из пушкинского «Домика в Коломне» – пять простых, нарочито обыденных слов, между тем они озаряют всю написанную ею картину:

Я теперь живу не там...

В переводе на ахматовский язык это значит: “Я живу теперь не в той эпохе. Я переселилась в другую. А та для меня только прошлое, только увертюра к иным временам”».

Корней Чуковский. «Анна Ахматова»
Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.
Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.
3 сентября 1940. Ленинград
Октябрь 1943. Ташкент
Вторая
О десятилетиях годах
Ты – победительница жизни,

И я – товарищ вольный твой.

Н. Гумилев
И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетей, и страшных дядей, и даже
Приятелей среди камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь.
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильней они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить,
И тем сильней хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.
4 июля 1955

Москва

Третья

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены. . . . .
. . . . . и удача

От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, –
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время, как мы, замолчав, старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё, – скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921

Царское Село

Л. К. Чуковская приводит отзыв Ахматовой (20 июля 1939 г.) о творчестве Мопассана: «Я только один рассказ люблю – тот, где человек сходит с ума». Впоследствии, комментируя эту запись, Чуковская проводит параллели между упомянутым мопассановским рассказом и «Северной элегией» 1921 г.:

«Напоминаю: человек сходит с ума в рассказе «Орля» (1886). <...> Герою представляется, будто рядом с ним, под одним с ним кровом, у него в доме, поселилось невидимое, но грозное и могущественное чудовище (которое он называет «Орля»). <...> Для проверки, существует ли Орля в самом деле, – герой проделывает многие опыты: например, оставляет с вечера на столе хлеб, графины с водой, молоком, вином, а утром обнаруживает, что вода и молоко выпиты. <...>

Я не знаю, в каком году Ахматова впервые прочитала этот рассказ. Но когда теперь я перечитываю свои ахматовские записи, я не могу не вспомнить постоянных споров Анны Андреевны с окружающими: был ли у нее в ее отсутствие обыск? Все говорили: «нет, это вам кажется». И, наконец, нельзя не принять во внимание многих и многих стихов – хотя бы «Северную элегию» 1921 года, обращенную к Гумилеву:

В том доме было очень страшно жить...

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко

Теперь ты там, где знают всё, скажи –
Что в этом доме жило кроме нас?

Разве это не то же ощущение, каким преисполнен герой мопассановского рассказа:
кто-то невидимый вечно следит за мной, а может быть, и живет вместе со мной под
одной кровлей?» (Чуковская Л. К. «Записки об Анне Ахматовой»)

Четвертая

Так вот он – тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо – как пылающая бездна,
И звуки города – как с того света
Услышанные, чуждые навеки.

Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...

А в ту минуту за плечом моим

«К Пушкину обращена <...> одна из «Северных элегий» («Так вот он – тот осенний
пейзаж»); если судить по строкам

Пятнадцать лет – пятнадцатью веками

Гранитными как будто притворились –

брак Анны Андреевны с Пуниным длился пятнадцать лет (с 1923-го по 1938-й год).
Впоследствии надо всем циклом «Северных элегий» Ахматова поставила эпитафию из
Пушкина «Всё в жертву памяти твоей...». Очень может быть, что слова эти отнесены
ею к Пушкину».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой».

Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет – пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...

Но надо было мне себя уверить,
Что это все случалось много раз,
И не со мной одной – с другими тоже, –
И даже хуже. Нет, не хуже – лучше.

И голос мой – и это, верно, было
Всего страшней – сказал из темноты:

«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...

Так вот твоя серебряная свадьба:

Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942

Ташкент

Лидия Чуковская воспроизводит рассказ Ахматовой (19 августа 1940 г.) об уходе от
Пушкина:

«– Странно, что я так долго прожила с Николаем Николаевичем уже после конца, не
правда ли? Но я была так подавлена, что сил не хватало уйти. Мне было очень
плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте: тринадцать лет! <...>
И знаете, как это все было, как я ушла? Я сказала Анне Евгеньевне при нем:
«давайте обменяемся комнатами». Ее это очень устраивало, и мы сейчас же начали
перетаскивать вещи. Николай Николаевич молчал, потом, когда мы с ним
оказались на минуту одни, произнес: «Вы бы еще хоть годик со мной побыли». <...>

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный..
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие!
«Как всякий историк, поднявшийся над тесными рамками своей эпохи, своей
биографии, Ахматова с необычайной остротой ощущает непрерывное движение
мельчайших молекул – минут и часов, осуществляющих смену эпох:

Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать».

Корней Чуковский. «Анна Ахматова»
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

5 февраля 1945

Фонтанный Дом

Седьмая

А я молчу, я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу.
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно. . . . .
Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричать
Оно могло бы, и подобно чуду
Оно на всё кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже!
Кто мог придумать мне такую роль?
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О Господи! – мне хоть на миг позволь.

. . . . .
И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Как следует – в ту самую минуту?

Нет, не тому, кто ищет эти книги,
Кто их украл, кто даже переплел,
Кто носит их, как тайные вериги,
Кто наизусть запомнил каждый слог

Нет, не к тому летит мое мечтанье,
И не тому отдам я благодать,
А лишь тому, кто смел мое молчанье
На стяге очевидном – написать,
И кто с ним жил, и кто в него поверил,
Кто бездну ту кромешную измерил

Мое молчанье в музыке и песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах...

В том, что неизвестней

Всего на свете.

Я и сама его подчас пугаюсь,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня, дыша и надвигаясь.
Защиты нет, нет ничего – скорей.

Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце и каким огнем,
Подумаешь! Кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем.
Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое

Оно мою почти сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.

1958–1964

Ленинград

Реквием

1935–1940

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать? И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957 г.

Ленинград

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской выюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.
Март 1940 г.

«При чтении «Реквиема» вспоминаются фетовские слова о небольшой книжке, «томов премногих тяжелей». Замечательна эта книжка в двойном смысле: и как литературное произведение, то есть как стихи, и как документ, относящийся к одной из самых темных в истории России эпох. Двойственность впечатления, однако, исчезает, едва почувствуешь, что, будь стихи Ахматовой не так остры, не так убедительны, их идейное и моральное содержание, в общих чертах знакомое, не казалось бы открытием, и, наоборот, если бы стихи говорили о другом, то не вызвали бы отклика, выходящего далеко за пределы эстетического и художественного удовлетворения. О большевизме, о сталинском его периоде, о русской революции вообще написаны сотни исследований. Каждому из нас приходилось подолгу думать обо всем, что произошло в России – или, вернее, что произошло с Россией – в последние полвека. Однако особенность поэтического подхода к событиям и явлениям в том и состоит, что о них как будто впервые узнаешь. Впервые и во всяком случае по-новому, иначе, чем прежде, ужасаешься тому, о чем давно знал. Одно незаменимо-четкое слово, одна интонация, безошибочно точно соответствующая продиктованному ее чувству, – и читателя будто кто-то берет за плечи, встряхивает, будит, заставляет с неотвязной настойчивостью спросить себя: как же могло все это случиться? Кто несет за случившееся ответственность?»

Георгий Адамович. «На полях «Реквиема» Анны Ахматовой» («Мосты». 1965. № 11)
Вступление

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.
I. «Уводили тебя на рассвете...»
Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями вить.
[Ноябрь] 1935 г.

Москва
II. «Тихо льется тихий Дон...»
Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

III. «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...»

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.

Я бы так не могла, а то, что случилось,

Пусть черные сукна покроют,

И пусть унесут фонари...

Ночь.

1939

IV. «Показать бы тебе, насмешнице...»

Показать бы тебе, насмешнице

И любимице всех друзей,

Царскосельской веселой грешнице,

Что случится с жизнью твоей –

Как трехсотая, с передачею,

Под Крестами будешь стоять

И своею слезой горячею

Новогодний лед прожигать.

Там тюремный тополь качается,

И ни звука – а сколько там

Неповинных жизней кончается...

1938

V. «Семнадцать месяцев кричу...»

Семнадцать месяцев кричу,

Зову тебя домой,

Кидалась в ноги палачу,

Ты сын и ужас мой.

Все перепуталось навек,

И мне не разобрать

Теперь, кто зверь, кто человек,

И долго ль казни ждать.

И только пышные цветы,

И звон кадилый, и следы

Куда-то в никуда.

И прямо мне в глаза глядит

И скорой гибелью грозит

Огромная звезда.

1939

«Окруженный немотою, застенок желал оставаться и всевластным и несуществующим заразом; он не хотел допустить, чтобы чье бы то ни было слово вызывало его из всемогущего небытия; он был рядом, рукой подать, а в то же время его как бы и не было; в очередях женщины стояли молча или, шепчась, употребляли лишь неопределенные формы речи: «пришли», «взяли»; Анна Андреевна, навещая меня, читала мне стихи из «Реквиема» тоже шепотом, а у себя в фонтанном доме не решалась даже на шепот; внезапно, посреди разговора, она умолкала и, показав мне глазами на потолок и стены, брала клочок бумаги и карандаш; потом громко произносила что-нибудь очень светское: «хотите чаю?» или: «вы очень загорели», потом исписывала клочок быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, молча возвращала их ей. «Нынче такая ранняя осень», – громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей.

Это был обряд: руки, спичка, пепельница, – обряд прекрасный и горестный».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой» (Вместо предисловия. 1966 г.)

VI. «Легкие летят недели...»

Легкие летят недели.

Что случилось, не пойму,

Как тебе, сынок, в тюрьму

Ночи белые глядели,

Как они опять глядят

Ястребиным жарким оком,

О твоём кресте высоком

И о смерти говорят.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Весна 1939 г.

VII. Приговор

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.
[22 июня] 1939 г.

Фонтанный Дом

VIII. К смерти

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?
Я жду тебя – мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.
19 августа 1939 г.

Фонтанный Дом

IX. «Уже безумие крылом...»

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрасивай его
И как ни докучай мольбою):
Ни сына страшные глаза –
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук –
Слова последних утешений.
4 мая 1940 г.

Фонтанный Дом

«Она не так боялась за себя, как за сына, которого в течение восемнадцати лет пыталась выволить из лагерей. Клочок бумаги мог обойтись слишком дорого, ему дороже, чем ей, потерявшей все, кроме последней надежды и рассудка.

Они оба недолго прожили бы, попадись властям в руки «Реквием». На сей раз стихи бесспорно автобиографичны, но сила их вновь в обычности биографии Ахматовой. «Реквием» оплакивает скорбящих: мать, потерявшую сына, жену, потерявшую мужа; Ахматова пережила обе драмы. В этой трагедии хор гибнет раньше героя.

Сострадание героям «Реквиема» можно объяснять горячей религиозностью автора;

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru понимание и всепрощение, кажется, превышающие мыслимый предел, рождаются ее сердцем, сознанием, чувством времени. Ни одна вера не даст силы для того, чтобы понять, простить, тем более пережить гибель от рук режима одного и второго мужа, судьбу сына, сорок лет безгласия и преследований. Никакая Анна Горенко не смогла бы такого вынести; смогла – Анна Ахматова, при выборе псевдонима прямо провидевшая грядущее.

Бывают в истории времена, когда только поэзии под силу совладать с действительностью, непостижимой простому человеческому разуму, вместить ее в конечные рамки. В каком-то смысле за именем Анны Ахматовой стоял весь народ, чем объясняется ее популярность, что дало ей право говорить от имени всех людей и с ними говорить напрямую. Ее поэзия, читаемая, гонимая, замурованная, принадлежала людям. Она смотрела на мир сначала через призму сердца, потом через призму живой истории. Другой оптики человечеству не дано.

Просодия, время, хранимое языком, свела две перспективы в единый фокус. Умение прощать она почерпнула здесь же, ибо всепрощение не религиозная добродетель, а свойство времени, земного и метафизического».

Иосиф Бродский. «Скорбная муза» (пер. с англ. А. Колотова)
X. Распятие
«Не рыдай Мене, Мати,

во гробе зрящи».

1
Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»
1938

2
Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
1940
Фонтанный Дом
[7 марта 1963 г.]

«О «Реквиеме» она сказала: «Это 14 молитв. Только сейчас я все это записала, а так всегда держала в голове. В “Новом мире» поохали, поохали, но, конечно, не взяли”».

Александр Кушнер. «У Ахматовой»
Эпилог

1
Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною, ослепшею стеною.

2
Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И, если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего погребального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание черных марушь,
Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.
Около 10 марта 1940 г.
Фонтанный Дом
Поэма без героя
Триптих (1940–1965)
Deus conservat omnia[74]

Девиз в гербе Фонтанного Дома
Вместо предисловия
Иных уж нет, а те далече...

Пушкин
Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав как вестника еще осенью один не большой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) – «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943

Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девятым смыслов поэма не содержит.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ – писахъ».

Ноябрь 1944

Ленинград

«Поэма была для Ахматовой, как «Онегин» для Пушкина, сводом всех тем, сюжетов, принципов и критериев ее поэзии. По ней, как по каталогу, можно искать чуть ли не отдельные ее стихотворения. Начавшись обзором пережитого – а стало быть, написанного, – она сразу взяла на себя функцию учетно-отчетного гроссбуха – или электронной памяти современных ЭВМ, – где, определенным образом перекодированные, «отмечались» «Реквием», «Ветер войны», «Шиповник цветет», «Полночные стихи», «Пролог» – словом, все крупные циклы и некоторые из вещей, стоящие особняком, равно как и вся ахматовская пушкиниана. Попутно Ахматова совершенно сознательно вела Поэму и в духе беспристрастной летописи событий, возможно, осуществляя таким своеобразным способом пушкинско-карамзинскую миссию поэта-историографа».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

Посвящение

27 декабря 1940

Вс. К.

...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя{1}
Вдруг поднялись – и там зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли?

Нет, это только хвоя

Могильная, и в накипанье пен
Все ближе, ближе...

Marche fune'bre... [75]

Шопен...

Ночь. Фонтанный Дом

«Чувство исторической правды подсказало Ахматовой, что одним из типичнейших персонажей ее повести о тех погибельных днях непременно должен быть самоубийца.

Вряд ли необходимо допытываться, вспоминает ли она действительно случай или это ее авторский вымысел. Если бы даже этого случая не было (а мы, старожилы, хорошо его помним), все же поэма не могла бы без него обойтись, так как были тысячи подобных. Юный поэт, Всеволод Князев, двадцатилетний драгун, подсмотрел как-то ночью, что «петербургская кукла-актерка», в которую он был исступленно влюблен, воротилась домой не одна, и, недолго думая, в ту же минуту пустил себе пулю в лоб перед самой дверью, за которой она заперлась со своим более счастливым возлюбленным. Строки поэмы:

Я оставлю тебя живую,

Но ты будешь моей вдовою, –

предсмертное обращение Всеволода Князева к изменившей ему «актерке», равно как и восклицание: «Я к смерти готов»».

Корней Чуковский. «Анна Ахматова»

Второе посвящение

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея{2},
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И иною дышишь весной.

Не диктуй мне, сама я слышу:

Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плуще.

Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.

Сплю –

она одна надо мною, –
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.

Сплю –

мне снится молодость наша,
Та, ЕГО миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,

Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя

Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945

Фонтанный Дом

«Вот характерный и прежде не отмеченный случай, когда на первый взгляд чисто поэтический прием, выбор имени, диктуемый простой аллитерацией, которому сама Ахматова в позднейшие годы, комментируя свою поэму, не придавала тематического значения, так как, вероятно, запамятовала первоначальный творческий заряд, полученный ею от зачина того водевиля, название которого она приводит, оказывается важным для семантической структуры всего произведения и ее художественной и нравственной мотивировки.

Речь идет об адресате «Второго посвящения» «Поэмы без героя», «О. С.», «Путанице-Психее». «Героини одноименных пьес Юрия Беляева» – не совсем точно поясняет Ахматова в примечании (вторая пьеса называлась «Псиша»). От них как от подтекста она впоследствии отреклась: «Кстати, о Путанице. Все, что я знала о ней до вчерашнего дня (6 июня 1958), было заглавие и портрет О. А. в этой роли <...>. Вчера мне принесли пьесу, поразившую меня своим убожеством. В числе источников Поэмы прошу ее не числить. Невольно вспомнишь слова Шилейко: „Область совпадений столь же огромна, как и область подражаний и заимствований“. Я даже, да простит мне Господь, путала ее с другой пьесой того же автора „Псиша“, которую я тоже не читала. Отсюда стих: Ты ли, Путаница-Психея...»

На самом деле заглавие пьесы в его полной форме само по себе создает подтекст и кое-что важное объясняет в сюжетной структуре поэмы и ее персонажей, прототипы которых перепутаны вместе с их атрибутами и предикатами. «Святочная шутка» Беляева называлась «Путаница, или 1840 год», она была поставлена в 1909 году, а действие в ней происходило в 1840-м (в 1841-м пользовался успехом переделанный с французского водевиль П. С. Федорова «Путаница»). В «Поэме» соотношение перевернуто: «Из года сорокового, / Как с башни, на все гляжу» – на святочных ряженных 1913 года, когда происходит действие поэмы, которая и сама вся путаница, но трагическая, а не комическая, как та, что описана в заключительном куплете у Беляева: «Я перепутала в конце, да и в начале, / Но так кончать случилось мне впервой. / Простите Путанице, как ей все прощали, / Когда у нас был год сороковой». Игра с чужим заглавием и подзаголовком здесь у Ахматовой та же, что и в соотношении названия «Поэмы без героя» как своеобразной «ярмарки тщеславия» с подзаголовком у Теккеря: «Роман без героя».

Описанное, разумеется, всего лишь характерная для акмеистов шутка. Но метод снятия противопоставлений способом, возможным только в поэзии, акмеисты последовательно применяют к важнейшим традиционным раздвоениям мировой и русской мысли».

Омри Ронен. «Акмеизм»

Третье и последнее

(Le jour des rois)[76]{3}

Раз в Крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,

Лучше кликну Чакону Баха,

А за ней войдет человек...

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...
Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений –
Он погибель мне принесет.

5 января 1956

«Время действия в этом «Посвящении» – 5 января 1946, когда, в канун Крещенья, Ахматова гадает на того, кто когда-то ей играл «Чакону» Баха (А. Лурье в 1915 году), но вместо него приходит сэр Исая Берлин, приходит, чтобы «заслужить» Постановление и проститься на 10 лет (дата написания «Посвящения» – 5 января 1956 года)».

Михаил Кралин

Вступление

ИЗ ГОДА Сорокового,

КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.

КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА

С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,

КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ

И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941

Осажденный Ленинград

Часть первая

Девятьсот тринадцатый год

Петербургская повесть

Di rider finirai

Pria dell'aurora.

Don Giovanni [77]

Глава первая

Новогодний праздник длится пышно,

Влажны стебли новогодних роз.

1914

С Татьяной нам не ворожить...

Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженных. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – «Гость из Будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,

Чтобы этот светился вечер,

И с тобою, ко мне не пришедшим,

Сорок первый встречаю год.

Но...

Господняя сила с нами!

В хрустале утонуло пламя,

«И вино, как отравы, жжет» [78].

Это всплески жесткой беседы,

Когда все воскресают бреды,

А часы все еще не бьют...

Нету меры моей тревоге,

Я сама, как тень на пороге,

Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...

И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:

«Вы ошиблись: Венеция дождей –
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы

Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дапертутто{4}, Иоканааном{5},

«Фауст, Дон-Жуан, Дапертутто, Иоканаан, Гланом, Дориан – волшебные оживающие куклы, оставленные Ольгой Глебовой-Судейкиной своей подруге Ахматовой на хранение перед отъездом за границу в 1924 году. Эти куклы хранились в особых коробках и показывались друзьям только в торжественных случаях. Они не только изображали легендарных исторических лиц, но носили черты сходства с некоторыми «знаменитыми современниками», имевшими аналогичные прозвища. (Так, «Фауст» отождествлялся с Вяч. Ивановым, «Иоканаан» – с Шилейко, «Дапертутто» – с Мейерхольдом и т. п.) Образы Иоканаана и Саломеи в контексте петербургской литературной мифологии начала XX века подсказаны трагедией О. Уайльда «Саломея» (1893) и оперой Штрауса на ее текст».

Михаил Кралин. Из примечаний к «Поэме без героя»
Самый скромный – северным Гланом,
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.

А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завывали сирены,
И, как купол, вспух потолок.

Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной Маски,
Я еще пожелезней тех...

И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно все:

Не ко мне, так к кому же?[79]
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.

Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...

Однако

Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?

Маска это, череп, лицо ли –
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.

Общий баловень и насмешник,
Перед ним самый смрадный грешник –
Воплощенная благодать...

Веселиться – так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?

Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.

Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.

«Перед ним самый смрадный грешник –
Воплощенная благодать. <...>

Что уж говорить об отношении к Кузмину казенных литературоведов и средней руки

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru эстетов (какая разница – топорные поделки соцреализма или экзотическое имя Черубины де Габриак заставляет их отмахнуться от подлинного искусства), если даже Ахматова, склонная, по ее собственному признанию, писать на чужих черновиках, полуприсвоившая в «Поэме без героя» новаторскую интонацию, строфику и чуть ли не содержание кузминского «Второго удара» («Кони бьются, храпят в испуге, / Синей лентой обвиты дуги, / Волки, снег, бубенцы, пальба!»), не нашла менее страшных слов для того, чтобы помянуть одного из крупнейших поэтов века, к стати сказать, написавшего предисловие к первой книге ее стихов. Даже вообразив себе любую крайнюю степень бытового ужаса во взаимоотношениях этих людей, невозможно, мне кажется, извинить художника, сводящего поэтическое в одну плоскость со «светским» и изображающего литературно-художественный мир 1913 года как театр марионеток и бал теней».

Алексей Пурин. «Двойная тень». 1990

С той, какую была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата, {6}
Снова встретиться не хочу...

Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! –
Но меня не забыли вы.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет –
Страшный праздник мертвой листвы.

Б Е Л Ы Й З А Л

Звук шагов, тех, которых нету,
По сияющему паркету
И сигары синий дымок.
И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей,
И в руке его теплота.
Гость из Будущего! – Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?
С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»
Затесалась...

Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...

Постой,

Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках {7},
Полосатой наряжен верстой, –
Размалеван пестро и грубо –
Ты...

ровесник Мамврийского дуба {8},
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны {9}
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен: не в этом,
Ни в другом и ни в третьем...

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Поэтам

Вообще не пристали грехи.

«Появляющийся среди гостей первой главы Поэт («Ты как будто не значишься в списках»), на роль которого с одинаковым правом могут претендовать Маяковский, Хлебников, Гумилев, Сологуб, – это прежде всего поэт «движения», путешественник. И кто более Данте «износил сандалий» «за время поэтической работы, путешествуя», согласно восторженной реплике Мандельштама, «по козьим тропам Италии» – по «цветущему» лугу Земного Рая, по огненным и болотистым «пустыням» Ада! И не он ли поэтом в Поэме «полосатой наряжен верстой», похожей на «переливающуюся кожу змеи»?»

Анатолий Найман. «Русская поэма: четыре опыта»
Проплясать пред Ковчегом Завета{10}
Или сгинуть!..

Да что там!
Про это

Лучше их рассказали стихи.

Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна – и длится, длится
Петербургская чертовня...

В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, пряна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Крик:
«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споет о священной мести...

Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
Ты – Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После – лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдаленье
Чистый голос:

«Я к смерти готов».

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал{11} снова делается
комнатой автора

Слова из мрака:

Смерти нет – это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть – пусть расскажут мне.
Кто стучится?

Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...

Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?

Бледен лоб и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...

Вздор, вздор, вздор! – От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Или стану совсем другой.

Что ты манишь меня рукою?!

За одну минуту покоя

Я посмертный отдам покой.

«Кто-то из читателей заметил, что стихи «Или вправду там кто-то снова / Между печкой и шкафом стоит?» перекликаются с «Бесами», со сценой перед самоубийством Кириллова, когда он прячется в углу между стеной и шкафом. Ахматова многим об этом совпадении рассказывала, не уточняя, случайное оно или задуманное, а, как казалось, преследуя цель сколь можно большему числу непосвященных открыть метод Поэмы.

Это магическое ее свойство – прятать в себе больше, чем открывать, – одно из главных, но не единственное».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»

Через площадку

Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, прятна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново...

Вы дитя, синьор Казанова...»

«На Исакиевской ровно в шесть...»

«Как-нибудь побредем по мраку,

Мы отсюда еще в «Собаку»...»{12}

«Вы отсюда куда?» –

«Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон Кихоты

И, увы, содомские Лоты{13}

Смертоносный пробуют сок,

Афродиты возникли из пены,

Шевельнулись в стекле Елены,

И безумья близится срок.

И опять из фонтанного Грота{14},

Где любовная стонет дремота,

Через призрачные ворота

И мохнатый и рыжий кто-то

Козлоногую приволок.

Всех наряднее и всех выше,

Хоть не видит она и не слышит –

Не клянёт, не молит, не дышит,

Голова madame de Lamballe[80],

А смиренница и красotka,

Ты, что козью пляшешь чечетку,

Снова гулишь томно и кротко:

«Que me veut mon Prince Carnaval?»[81]

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется О н а же (а может быть – ее тень):

Как копытца, топчут сапожки,

Как бубенчик, звенят сережки,

В бледных локонах злые рожки,

Окаянной пляской пьяна, –

Словно с вазы чернофигурной

Прибежала к волне лазурной

Так парадно обнажена.

А за ней в шинели и в каске

Ты, вошедший сюда без маски,

Ты, Иванушка древней сказки,

Что тебя сегодня томит?

Сколько горечи в каждом слове,

Сколько мрака в твоей любви,

И зачем эта струйка крови

Берedit лепесток ланит?

Глава вторая

Иль того ты видишь у своих колен,

Кто для белой смерти твой покинул плен?

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

1913

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим – донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!

Не сердись на меня, Голубка,
Что коснусь я этого кубка:
Не тебя, а себя казню.

Все равно подходит расплата –
Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню?

А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(как тогда народ говорил), –
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.

Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинскою сценой prima[82],
Ты – наш лебедь непостижимый,
И острит опоздавший сноб.

Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?

И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, –
Ужас, смерть, прощенье, любовь...

Ни на что на земле не похожий
Он несется, как вестник Божий,
Настигая нас вновь и вновь.

Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских Коллегий{15}
Бесконечен, гулок и прям.

(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там.)

До смешного близка развязка;
Из-за ширм Петрушкина маска[83]{16},
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...

Все уже на местах, кто надо;
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет... Призрак цусимского ада
Тут же. – Пьяный поет моряк...

Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья...
Мимо, тени! – Он там один.

«Подобно мозгу, получившему достаточно сведений, чтобы на их основе и логике получать новые «из самого себя», Поэма производила новые строки как бы без участия автора.

Все уже на местах, кто надо:
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет...

Пьяный поет моряк...

Моряк, матрос – центральная фигура Революции – занял место в картине предреволюционного ожидания сразу, всплыв ли из памяти, сойдя ли с холста Татлина, с позднейших ли плакатов или из блоковской поэмы. Но само расположение последней строчки на бумаге словно бы предполагало внутри нее дополнительное содержание, и дыхание строфы очередным своим выдохом вдруг расправило эту морщину:

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Пахнет... Призрак цусимского ада
Тут же. – Пьяный поет моряк...
Можно с большим или меньшим успехом гадать, не был ли толчком для появления
нового стиха пастернаковский «Матрос в Москве»:

Был ветер пьян и обдал дрожью:
С вина – буйан.
Взглянул матрос (матрос был тоже,
Как ветер, пьян), –
к которому тянется строчка из следующего за ним стихотворения:

Январь, и это год Цусимы.
Однако существеннее толчка к той или иной вставке само устройство Поэмы,
множество ее пауз, куда можно по необходимости вложить или – что то же самое –
где можно обнаружить новый стих, а то и блок новых стихов. Внутри нее все уже
содержится, и вариант 40-х годов отличается от варианта 60-х объемом, но не
полнотой – как аэростат, который готов к полету и надутый до половины, и
целиком. По тому же принципу устроена и гармошка смыслов каждой строки,
отзывавшаяся по мере растягивания новыми комментариями».

Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой»
На стене его твердый профиль.

Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом –
Все таинственно в прищелце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, –
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты – Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе – без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

«Когда читаешь стихи, где изображается Блок, нужно помнить, что это не тот
мудрый, мужественный, просветленный поэт, каким мы знали его по его позднейшим
стихам, это Блок «Страшного мира»– исчадье и жертва той зачумленной и
«бесноватой» эпохи:

Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице...»
Корней Чуковский. «Анна Ахматова»
На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!

Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка[84],

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Ты – один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»{17}
Горы пармских фиалок в апреле –
И свиданье в Мальтийской Капелле{18},
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:

неужели

Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?..
Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь{19}.
В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святые –
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
«Когда Ахматова говорит, обращаясь к своей героине, сошедшей к ней из рамы
портрета:

Ты ли Путаница-Психея, –
мне, как и другим моим сверстникам, ясно: речь идет об артистке Суворинского
театра Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной, исполнявшей две главные роли в
пьесах Юрия Белая «Псиша» и «Путаница». В газетах и журналах начиная с декабря
1909 года можно найти очень горячие отзывы об ее грациозной игриво-простодушном
игре. Ее муж Сергей Судейкин, известный в ту пору художник, написал ее портрет
во весь рост в роли Путаницы (так звалась героиня пьесы). В поэме Ахматовой она
является нам –

Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли...
У Боттичелли девушка, символизирующая на его гениальной картине Весну, щедро
сыплет на землю цветами. Мне всегда казалось, что Ольга Судейкина и своей
победительной, манящей улыбкой, и всеми ритмами своих легких движений похожа на
эту Весну. У нее был непогрешимый эстетический вкус. Помню те великолепные
куклы, которые она, никогда не учась мастерству, так талантливо лепила из глины
и шила из цветных лоскутков. Ее комната действительно была убрана как беседка. В
поэме Анна Ахматова называет ее «подругой поэтов». Она действительно была близка
к литературным кругам. Я встречал ее у Сологуба, у Вячеслава Иванова – иногда
вместе с Блоком и, насколько я помню, с Максимилианом Волошиным. Нарядная,
обаятельно-женственная, всегда окруженная роем поклонников, она была живым
воплощением своей отчаянной и пряной эпохи: недаром Ахматова избрала ее главной
героиней той части поэмы, где изображается Тринадцатый год...»

Корней Чуковский. «Анна Ахматова»
И томился драгунский Пьеро, –
Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему, как стали – магнит.
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Ты не бойся – дома не мечу, –
Выходи ко мне смело навстречу –
Гороскоп твой давно готов...

Глава третья
И под аркой на Галерной...

А. Ахматова
В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам
То был последний год...

М. Лозинский
Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском
Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были Святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против теченья, –
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...
И всегда в темноте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невиских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.
А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять[85] мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад,
Что над юностью встал мятежной,
Незабвенный мой друг и нежный,
Только раз приснившийся сон,
Чья сияла юная сила,
Чья забыта навек могила,
Словно вовсе и не жил он.
Там за островом, там за садом

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?

Глава четвертая и последняя
Любовь прошла, и стали ясны

И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамиными. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса-на-Крови. На Поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма?
«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом поле
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, –
И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «б е з л и ц а и н а з в а н ь я»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел. – Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты – Голубка, солнце, сестра! –
я оставляю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
А теперь...

Прощаться пора!»

На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.

Гляди:

Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он – на твой порог!

Поперек.

Да простит тебя Бог!

(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, –
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)

Это я – твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила –

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
и на цыпочках ушла...

Послесловие

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, –
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК –
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

Часть вторая

Решка

...я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.

Пушкин

In my beginning is my end.

T. S. Eliot[86]

Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 г. В окне призрак
оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года,
разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный
каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на
полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воет ветер, и в
этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема.
О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.

Н. К.[87]

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, –
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое –
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет, –
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,
IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон – это тоже вещьца,
Soft embalmer{20}, Синяя Птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издавека слышав вой.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро –
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальная полночь римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX{21}[88]

И со мною моя «Седьмая» [89],
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухой землей набит.

X

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка».
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не услышать ее врагу.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и казни – петь я
В этом ужасе не могу.

XI

И особенно, если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду – город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. Поверьте,
Вижу их, что ни ночь, во сне.
Отлучить от стола и ложа –
Это вздор еще, но негоже
Выносить, что досталось мне.

XIII

Ты спроси моих современниц,
Каторжанок, «стопятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспмятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы, увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит – Судьба.

XVI

Не боюсь ни смерти, ни срама,

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Это тайнопись, криптограмма,
Запрещенный это прием.
Знают все, по какому краю
Лунатически я ступаю
И в какой направляюсь дом.
XVII
Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут{22}.
XVIII
Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я – тишайшая, я – простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?
XIX
Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.
XX
Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету –
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.
XXI
Чтоб посланец давнего века
Из заветнейших снов Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.
XXII
И тогда из грядущего века
Незнакомою человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.
XXIII
А столетняя чаровница[90]
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.
XXIV
Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жадой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой{23}
И гнала на родной чердак[91],
XXV
В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, –
И все жаворонки всего мира{24}
Разрывали бездну эфира
И факел Георг{25} держал.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
«Решка – не зеркальное отражение «орла», а обратная сторона: проставленной на ней ценой она лишь соответствует неопределенной ценности символического знака на обороте. Стало общим местом говорить о двойничестве персонажей Поэмы, о двух и более исторических лицах, претендующих на роль каждого из них. Двоятся и двойники: «изящнейший сатана», который «хвост запрятал под фалды фрака», – и «демон», у которого «античный локон над ухом» также словно бы «таинственно» прячет что-то, – отчего в двойники ему напрашивается и «козлоногая», в чьих «бледных локонах злые рожки» выставлены напоказ. Таким же образом любовный треугольник «Девятьсот тринадцатого года»: Корнет – Красавица – Демон – находит соответствие в «треугольнике» «Решки»: Июль – Поэма – Бес творчества.

То, что «парадно обнаженная» «смиреница и красотка», «Путаница» с «чернобелым веером» Первой части и «столетняя чаровница», которая «кружевной роняет платочек» и «брюлловским манит плечом», – двойники, не вызывает сомнений. Красота олицетворенная и красота искусства – одной природы. Потому героиня – Поэмы и сама Поэма, обе «пришли ниоткуда», обе не имеют «родословной» – как всякая красота и всякое искусство. Потому же Демон-Блок Первой части есть наглядное олицетворение вакхической «бесовской черной жажды» творчества, которую испытывает создатель «Поэмы без героя».

Анатолий Найман. «Русская поэма: четыре опыта»
XXVI

Но она твердила упрямо:

«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль{26},
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

«До сих пор самым условным, самым приблизительным образом, только увеличивающим чувство досадной неудовлетворенности, истолковывалась строфа, в которой Поэма говорит о себе, не игриво «отступая и закрываясь платочком», а настойчиво и как бы сердясь на читательское непонимание:

Но она твердила упрямо:

«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль».

То есть не английская романтическая поэма начала XIX столетия, в которой автору не без оснований виделось ее происхождение, и не драматические пьесы Проспера Мериме, которые он написал от имени актрисы странствующего театра Клары Газуль, а?.. Ответить на это «а?» Ахматова оставляет читателю.

Книжка «The'atre de Clara Gazul», к некоторым экземплярам которой прилагался портрет Мериме в женском платье, была первой его мистификацией, за которой последовала другая, «Guzla» – «Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений». Как известно, на нее попался Пушкин, переведя их на русский язык как «Песни западных славян». Guzla – полная анаграмма Gazul, так что одним из самых «механических» ответов на «не Клара Газуль, а?..» напрашивается «... а Гузла».

Сопоставление «Поэмы без героя» с такой с первого взгляда далекой ей вещью, как оказывается, не нелепо и не произвольно. Формальное сходство лежит на поверхности – размер большинства «Песен западных славян» близок размеру Поэмы, многими строчками прямо совпадая с ним...»

Анатолий Найман. «Русская поэма: четыре опыта»
XXVII

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

3–5 января 1941

Фонтанный Дом; в Ташкенте и после

«Авторитеты Данте и Вергилия, «Рожденного при Юлии», стоят за признанием Ахматовой, что ее Поэму, находящуюся в ряду тех же «песен миру», что «Энеида» и

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
«Божественная комедия», «привел... сам Июль». Для Данте упоминание об отплытии «сына Анхиза» и Венеры, Энея, означает помимо того, что перед ним Вергилий, еще и уровень предлагаемой ему задачи – «вверить песнопенью» нечто равное рассказу о создании Рима; для Ахматовой – «вверить песнопению» то, что после отплытия случилось с Дидоной и со всем оставленным за кормой. «Гость из Будущего» Поэмы, как известно, – «Эней» двух ее стихотворных циклов и серии отдельных стихотворений, а «Дидона и Эней» – среди главных сюжетов ее поэзии.

Не будет натяжкой допустить, что «Божественная комедия» для «Поэмы без героя» – то же, что «Энеида» для «Божественной комедии».

Часть третья

Эпилог

Быть пусту месту сему...

Евдокия Лопухина

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

Анненский

Люблю тебя,

Петра творенье!

Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного всё как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, –
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
Но земля под ногой гудела
И такая звезда глядела[92]
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там – у Тобрука,
Это где-то здесь – за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины –
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя –
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...
* * *

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей
Я не знаю, который год,
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки Безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда –
Неужели это не чудо! –
Звуки голоса своего:
За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.
* * *

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле{27},
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Все, что сказано в Первой части
О любви, измене и страсти,
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске спиелей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой – лишь твоих прелестниц,
Белых ноченок хоровод.
А веселое слово – дома –
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький –
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...

«Разговор зашел о «Поэме без героя». Я читал ее в списках – и мне было что сказать, в то время поэма мне очень нравилась, а Анну Андреевну интересовало мнение любого читателя о поэме, она ею очень гордилась и любила ее. Я многие куски знал наизусть, Анне Андреевне было это приятно. О поэме она рассказала то же, что рассказывала многим другим своим собеседникам: что явилась она ей вся – с самого начала, что потом осталось только проявлять снимки, как в фотографии. Вот почему оказалось возможным не то что дописывать, но вводить, вставлять новые куски.

На мое замечание, что поэма кружится, как волчок, она утвердительно кивнула головой: как карусель.[93] “И читатель кружится вместе с нею”».

Александр Кушнер. «У Ахматовой».
И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
и «Quo vadis?»[94] кто-то сказал,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток[95].
Окончено в Ташкенте 18 августа 1942
Из записи Лидии Чуковской о разговоре с Ахматовой 1 января 1962 г.:

«– Я послала отрывок из «Поэмы» и одно стихотворение («Александр у Фив») в Москву, в «Наш современник». Получила ответ от Сидоренко: «Вы сами понимаете, что странно было бы видеть эти стихи на страницах советского журнала». И далее поздравление с Новым годом и пожелание творческих успехов...

– Сохраните, Бога ради, сохраните это письмо! – взмолилась я. <...>

– Скажите Корнею Ивановичу, пусть напишет о «Поэме». Он один помнит то время. Пусть присобачит к чему угодно, хоть к какой-нибудь из своих статей.

Я ответила: «Поэма»–то ведь напечатана пока всего лишь в отрывках. Как же о ней писать?

– Все равно. Пусть напишет об отрывках. [К этому времени в Советском Союзе были напечатаны хоть и в изобилии, но всего лишь отрывки из «Поэмы» (иногда даже и без указания, откуда они): в журнале «Ленинград» (1944, № 10– 11); в «Ленинградском альманахе» (Лениздат, 1945); в «Литературной Москве» (альманах первый, 1956); в «Антологии русской советской поэзии», т. 1 (М., 1957); в журнале «Москва» (1959, № 7) и в двух ахматовских сборниках: «Стихотворения, 1958» и «Стихотворения, 1961». Высказываться же в нашей печати о вещи, опубликованной целиком лишь в «Воздушных путях», т. е. за границей, – было нельзя. Да и не очень стоило: напечатана она там в искаженном виде.– Прим. Л. Чуковской.]

(Про себя я подумала, что о «Поэме», пока она печатается в отрывках, никто и представления себе составить не может. Хуже: составляет себе ложное представление. Все будто бы сводится к маскараду и гофманиане. Я не знаю другой вещи, которая в отрывках в такой степени не соответствовала бы самой себе. Вся ее прелесть – соотношения между слоями памяти, между тем, что «истлело в глубине зеркал», и современной трезвой реальнейшей реальностью. Отрывки губят целое, то есть соотношение между.)

– В «Поэме» будут два типа примечаний, – сказала Анна Андреевна. – «От редактора» – всё правда, а «От автора» – всё вранье».

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой»

<Строфы, не вошедшие в поэму>
Что бормочешь ты, полночь наша?
Всё равно умерла Параша,
Молодая хозяйка дворца.
Тянет ладаном из всех окон,
Срезан самый любимый локон,
И темнеет овал лица.
Не достроена галерея –
Эта свадебная затея,
Где опять под подсказку Борея
Это всё я для вас пишу.
5 января 1941
* * *

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
А за правой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре в ненастную ночь –
Старый друг не спит и бормочет,
Что он больше, чем счастья, хочет
Позабыть про царскую дочь.
1955
* * *

Я иду навстречу виденью
И борюсь я с собственной тенью –
Беспощаднее нет борьбы.
Рвется тень моя к вечной славе,
Я как страж стою на заставе
И велю ей идти назад...

. . . . .
. . . . .
Как теперь в Москве говорят.
Я хочу растоптать ногами
Ту, что светится в светлой раме,
Самозванку
Над плечами ее не крылья
Октябрь 1956
Будка
* * *

Верьте мне вы или не верьте,
Где-то здесь в обычном конверте
С вычислением общей смерти
Промелькнет измятый листок.
Он не спрятан, но зашифрован,
Но им целый мир расколдован
И на нем разумно основан
Небытья незримый поток.
Март 1961
* * *

Я еще не таких забывала,
Забывала, представь, навсегда.
Я таких забывала, что имя
Их не смею теперь произнести,
Так могуче сиянье над ними,
(Превратившихся в мрамор, в камню)
Превратившихся в знамя и честь.
26 августа 1961
Комарово
* * *

Не кружился в Европах бальных,
Рисовал оленей на скальных,
Гильгамеш ты, Геракл, Гесер –
Не поэт, а миф о поэте,
Взрослым был ты уже на рассвете
Отдаленнейших стран и вер.
* * *

Институтка, кузина, Джульетта!..
Не дожидаться тебе корнета,
В монастырь ты уйдешь тайком.
Нем твой бубен, моя цыганка,
И уже почернела ранка
У тебя под левым соском.
* * *

Вкруг него дорогие тени.
Но напрасны слова молений,
Милых губ напрасен привет.
И сияет в ночи алмазной,

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Как одно виденье соблазна,
Тот загадочный силуэт.
* * *

И с ухватками византийца
С ними там Арлекин-убийца,
А по-здешнему – мэтр и друг.
Он глядит, как будто с картины,
И под пальцами клавишины,
И безмерный уют вокруг.
* * *

Ты приедешь в черной карете,
Царскосельские кони эти
И упряжка их à l'anglaise
На минуту напомнят детство
И отвергнутое наследство

. . . . .
* * *

Словно память «Народной воли».
Тут уже до Горячего поля,
Вероятно, рукой подать.
И смолкает мой голос вещей.
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем – мне некогда ждать.
* * *

И уже, заглушая друг друга,
Два оркестра из тайного круга

. . . . .

Звуки шлют в лебединую сень
Но где голос мой и где эхо,
В чем спасенье и в чем помеха,
Где сама я и где только тень? –
Как спастись от второго шага...
* * *

Вот беда в чем, о дорогая,
Рядом с этой идет другая,
Слышишь легкий шаг и сухой,
А где голос мой и где эхо, –
Кто рыдает, кто пьян от смеха –
И которая тень другой?

Комментарии

1

Антиной – античный красавец.

2

«Ты ли, Путаница-Психея» – героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.

3

Le jour des rois (фр.) – канун Крещенья: 5 января.

4

Далертутто – псевдоним Всеволода Мейерхольда.

5

Иоканаан – святой Иоанн Креститель.

6

Долина Иосафата – предполагаемое место Страшного суда.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

7

Лизиска – псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.

8

Мамврийский дуб – см. Книгу Бытия.

9

Хаммураби, Ликург, Солон – законодатели.

10

Ковчег Завета – см. Библию (Книгу Царств).

11

Зал – Белый зеркальный зал (работы Кваренги) в Фонтанном Доме, через площадку от квартиры автора.

12

«Собака» – «Бродячая собака» – артистическое кабаре в десятых годах (1912–1914 до войны).

13

Содомские Лоты – см. Книгу Бытия.

14

Фонтанный грот – построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца на Фонтанке (т. н. Фонтанный Дом), разрушен в начале 1910-х годов.

15

Коридор Петровских Коллегий – коридор Петербургского университета.

16

Петрушкина маска – «Петрушка» – балет Стравинского.

17

«Голубица, гряди!» – церковное песнопение. Пели, когда невеста вступала на ковер в храме.

18

Мальтийская капелла – построена по проекту Кваренги в 1798–1800 гг. во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором потом помещался Пажеский корпус.

19

Скобарь – обидное прозвище псковичей.

20

Soft embalmer (англ.) – «нежный утешитель». См. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»).

21

Пропущенные строфы – подражание Пушкину. См. «Об Евгении Онегине»: «Смиренно сознаюсь также, что в «Дон-Жуане» есть две пропущенные строфы», – писал Пушкин.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

22

Баута – В Италии – маска с капюшоном.

23

Звездная Палата – тайное судилище в Англии, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.

24

См. знаменитое стихотворение Шелли «To the Skilark» (англ.) – «К жаворонку».

25

Георг – лорд Байрон.

26

Клара Газуль – псевдоним Мериме.

27

Волково Поле – старое название Волкова кладбища.

28

«Седьмая» – Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии автор вывез на самолете из осажденного города 29 сентября 1941 г.

Примечания

1

В юности я говорила, что не могу понять, как люди жили во время войны и террора.

2

Пропуск в тексте. – Ред.

3

Господь, смилуйся над нами (фр.).

4

Я запомнила несколько фраз из его писем, одна из них – («Вы во мне как наваждение»). – Прим. Анны Ахматовой.

5

О, передача мыслей. (фр.).

6

О, это умеете только вы (фр.).

7

Тупике Фальгьера (фр.).

8

Вещь (фр.).

9

У «Независимых» (общество молодых художников) (фр.). – Ред.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

10

Негритянский период (фр.).

11

Драгоценности должны быть дикарскими (фр.).

12

Старый Париж за Пантеоном (фр.).

13

Я забыл, что посредине находится остров Святого Людовика (фр.).

14

Старый дворец в итальянском вкусе (фр.).

15

Цирковая наездница из Трансвааля. Подтекст, очевидно, такой: «Откуда же провинциальный еврейский мальчик мог быть всесторонне и глубоко образованным?» – Прим. Анны Ахматовой.

16

Жемчужина и поросенок (фр.).

17

А Гюго – это декламатор? (фр.).

18

«Старый Париж» или «Довоенный Париж» (фр.).

19

«Встреча кучеров» (фр.).

20

И добрая Жанна из Лотарингии,
Сожженная англичанами в Руане... (старофр.).

21

Известный искусствовед, мой друг Н. И. Харджиев посвятил этому рисунку очень интересный очерк <...>.

22

Я забыл вам сказать, что я еврей (фр.). – Ред.

23

См. у Гумилева:

На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзять облака. –
Прим. Анны Ахматовой.

24

Его не знали ни А. Экстер, которая дружила в Париже с итальянским художником С. (Соффичи), ни Б. Анреп (известный мозаичист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914–1915) писал мой портрет.

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

25

«Песни Мальдорора» (фр.).

26

Список запрещенных книг (лат.).

27

Книги имеют свою судьбу (лат.).

28

В курсе (фр.).

29

Книга французского поэта-символиста франсиса Жамма (1868–1938). – Ред.

30

Е. А. Зноско-Боровский (1884–1954), секретарь редакции журнала «Аполлон». – Ред.

31

Речь идет о стихотворениях «Целый год ты со мной неразлучен...» и «Завещание». – Ред.

32

К письму приложено стихотворение «Подошла я к сосновому лесу...». – Ред.

33

В № 7 журнала «Русская мысль» за 1914 г. опубликован обзор Валерия Брюсова «Год русской поэзии». – Ред.

34

Начинали Мандельштам, Пастернак и Цветаева. Я уже не говорю о Маяковском и Хлебникове. Это полностью их время. – Прим. Анны Ахматовой

35

В автографе – посвящение Н. В. Н. – Николаю Владимировичу Недоброво (1882 – 1919).

36

В автографе – посвящение Н. В. Н.

37

Б. А. – Борис Анреп.

38

А. Л. – Артур Лурье.

39

В феврале 1916 г. Ахматова подарила Б. Анрепу черное кольцо.

40

Акrostих, в котором начальные буквы каждой строки составляют имя и фамилию:

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru «Борис Анреп».

41

М. М. Кралин объясняет разночтения в датах и адресатах этого стихотворения: «Это один из характерных примеров того, как Ахматова пыталась «перепосвятить» стихи. В <...> списке стихотворений, посвященных Б. Анрепу, это стихотворение дано со знаком вопроса после даты 1918. Однако в первом издании «Anno Domini» стихотворение датировалось 1916 годом. Тому три года в Вербную субботу – Вербная суббота в 1913 году приходилась на 6 апреля. Отсюда в стихотворении апрельский... лед. Белые нарциссы – постоянный поэтический признак обстановки, связанной с Н. В. Недоброво. Вероятно, в этом стихотворении Ахматова вспоминает о своих первых встречах с Н. В. Н. Причины перепосвящения Анрепу неизвестны» (Ахматова А. А. Собр. соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 391).

42

Борис Анреп был уроженцем ярославской губернии.

43

В 1911–1917 гг. Ахматова проводила летнее время в усадьбе Слепнево, которой распоряжалась ее свекровь, Анна Ивановна Гумилева (1854–1942). Это имение находилось близ одноименной деревни Новской волости Бежецкого уезда Тверской губернии – в местности, издавна заселенной карелами.

44

Речь идет о младшем брате – Викторе Горенко (см. стихотворение «Для того ль тебя носила...»), который в 1913 г. был зачислен в кадеты Морского корпуса. В 1915 г. гардемарин Горенко участвовал в учебном плавании на Тихом океане.

45

Валентина Андреевна Щеголева (1878–1931) – драматическая актриса; адресат цикла «Три послания» А. Блока; жена пушкиниста и историка П. Е. Щеголева (1877–1931).

46

Речь идет о княгине Анне Кашинской (ок. 1280 г. – 2 октября 1368 г.) – жене Тверского князя Михаила Ярославича (1271–1318), замученного в Орде по приказу татарского хана Узбека. После смерти мужа она постриглась в монахини – с именем Софии, в Тверском Софийском женском монастыре. Последний год жизни провела в Кашине, переехав туда по настоянию младшего сына, князя кашинского Василия, и приняв схиму с именем Анна. В 1649 г. благоверная Анна причислена к лику святых.

47

В Москве Ахматова жила с Шилейко в 3-м Зачатьевском переулке, в районе Остоженки (осень 1918 г.– январь 1919 г.).

48

Стихотворения представлены одним циклом в «Беге времени».

49

Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) – известный филолог, литературовед, критик; репрессирован в 1949 г., во время «борьбы с космополитизмом»; умер в Лефортовской тюрьме.

50

Ошибка в нумерации авторская.

51

«И когда друг друга проклинали» и «Пришли и сказали: “Умер твой брат”». –

я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Примечание Анны Ахматовой.

52

Недавно мы чествовали 83-летие первого советского адмирала Немитца (см. «Литературная Россия», 1963).

53

По всей видимости, стихотворение посвящено памяти Н. В. Недоброво.

54

Речь идет о статье «Ахматова и Маяковский» («Дом искусств». 1921. № 1), публикации которой предшествовала лекция «Две России (Ахматова и Маяковский)», прочитанная Корнеем Чуковским в Доме искусств 20 сентября и 16 декабря 1920 г. – Ред.

55

После первого Постановления ЦК (1925?), о котором мне сообщила на Невском М. Шагинян и которое никогда не было опубликовано, меня, естественно, перестали приглашать выступать. Это видно по списку выступлений. После значительного перерыва я в первый раз читала стихи на вечере памяти Маяковского (10-летию его смерти) в Доме культуры на Выборгской стороне вместе с Журавлевым. Это (1-е) Постановление не было, по-видимому, столь объемлющим, как знаменитое Постановление <19>46 г<ода>, потому что мне разрешили перевести «Письма Рубенса» для издательства «Academia» и были напечатаны две мои статьи о Пушкине, но стихи перестали просить. Тут я еще из сочувствия П<ильняку> и Зам<ятину> ушла из Союза. В 1934 году не заполнила анкету и т<аким> о<бразом> не попала в образованный тогда С<оюз> С<оветских> П<исателей>.

56

На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал<инскую> премию (1940). Его поддержали А. Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премию должен был получить Н. Асеев за поэму «Маяковский начинается». Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: «Из шести книг» была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек. Итальянец Di Sarra почему-то считает этот сборник полным собранием моих стихов. Иностранцы считают, что я перестала писать стихи, хотя я в промежутке 1935–1940 написала хотя бы «Реквием». <...>

57

Среди заглавий мне почему-то вспомнилось: «Лирика и контрреволюция» (?!).

58

Мой прекрасный Сан Джованни. Д а н т е (итал.)

59

Солнечные часы (фр.)

60

«Melle Fifi» – в одноименном рассказе Мопассана – прозвище немецкого офицера, отличавшегося изощренной жестокостью. – Прим. Анны Ахматовой.

61

Елена Сергеевна Булгакова (1893–1970) – жена М. А. Булгакова.

62

Пять (итал.).

- я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
63
Как ты ему верна, тебе он будет верен // И не изменит до конца. Б о д л е р
(франц.). – Перевод Анны Ахматовой.
- 64
Для себя; о моем личном; о моих делах (лат.)
- 65
Ты не можешь оставить свою мать сиротой. Д ж о й с (англ.).
- 66
Адресат четверостишия – Иосиф Бродский.
- 67
И ты далеко в человечестве. К и т с (англ.).
- 68
Меньше, чем на драхму, осталось у меня крови, которая бы не содрогалась. Д а н т
е. Чистилище, 30 (итал.).
- 69
Из бездны [взываю] (лат.).
- 70
Некрасива, но очаровательна (фр.).
- 71
Большое декольте (фр.).
- 72
Подобна дельфину (англ.).
- 73
Неточная цитата из стихотворения Михаила Кузмина «Если б я был древним
полководцем...» (в «Александрийских песнях»). У М. Кузмина: «...и стал бы /
богаче всех живущих в Египте». – Ред.
- 74
Бог хранит всё (лат.).
- 75
Траурный марш (фр.).
- 76
День царей (фр.).
- 77
Смеяться перестанешь,
Раньше чем наступит заря.
Д о н Ж у а н (итал.)
- 78
Отчего мои пальцы словно в крови

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
и вино, как отравы, жжет?
(«Новогодняя баллада», 1923). – Прим. Анны Ахматовой

79

Три «к» выражают замешательство автора. – Прим. Анны Ахматовой

80

Мадам де Ламбаль.

81

Чего хочет от меня мой принц Карнавал? (фр.)

82

Прима-балерина (фр.).

83

Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках. – Прим. Анны Ахматовой.

84

Вариант: Козлоногая кукла, актерка. – Прим. Анны Ахматовой.

85

Музы. – Прим. Анны Ахматовой.

86

В моем начале мой конец. Т. С. Э л и о т (англ.)

87

В клюевском оригинале: «Ахматова – жасминный куст, / Обожженный асфальтом серым,
/ Тропу утратила ль к пещерам, / Где Данте шел, и воздух густ, / И нимфа лен
прядет хрустальный? / Среди русских женщин Анной дальней / Она как облако
сквозит / Вечерней проседью раки!»

Николай Клюев. «Клеветникам искусства». 1932

88

О строфах IX–XVI до 1988 г. (когда они были опубликованы Л. К. Чуковской)
напоминали только многозначительные пропуски и ироническая отсылка к Пушкину в
«примечаниях редактора» (см. 21-е) к поэме, написанных Ахматовой
собственноручно.

89

Элегия. – Прим. Анны Ахматовой.

90

Романтическая поэма. – Прим. Анны Ахматовой.

91

Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения.
– Прим. Анны Ахматовой.

92

Марс летом 1941 г. – Прим. Анны Ахматовой.

Я научила женщин говорить (Сборник стихов). Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
93

Ср. с одной из новых строф «Поэмы без героя», сохранившихся в ахматовских записных книжках последних лет:

И тогда, как страшное действо,
Возникают следы злодейства,
Пестро кружится карусель,
И какие-то новые дети
Из еще не бывших столетий
Украшают в Сочельник ель.

94

Куда идешь? (лат.)

95 Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя – «Седьмая»{28},
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир. –
Прим. Анны Ахматовой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!